
СССР
ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 40 (2257)
Основан 1 апреля 1923 года
3 ОКТЯБРЯ 1970

С ПОБЕДОЙ!

ЛУННЫЙ РЕЙС ЗАВЕРШЕН

«Наша страна, советская наука и техника добились нового выдающегося успеха в исследовании и освоении космического пространства».

(Из Приветствия ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям, принимавшим участие в создании автоматической станции «Луна-16» и осуществлении программы ее полета)

СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ

24 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА ЗАВЕРШИЛСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕЙС СОВЕТСКОЙ АВТОМАТИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ «ЛУНА-16». ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕК, НЕ ПОКИДАЯ РОДНОЙ ПЛАНЕТЫ, СВОЕЙ ВОЛЕЙ И РАЗУМОМ ДОСТАВИЛ НА ЗЕМЛЮ ЧАСТИЦУ ДРУГОГО НЕБЕСНОГО ТЕЛА — ЛУНЫ.

...Медленно улеглась пыль вокруг серебристого аппарата. Щелкнул и открылся замок, и из его чрева медленно поползла вниз замысловатая десница с буром на конце.

...Неуютно в наше время фантастам и сказочникам. Действительно, не успеют они выпестовать новую идею, как глядь — ее реализуют чуть ли не в кружках Дворцов пионеров. Порой сама жизнь фантастичнее мечты. Многие земные профессии в наше время раздвигают свои творческие возможности до границ, недавно казавшихся нереальными. Геолога теперь интересует вопрос, можно ли встретить на Луне нефть и действительно ли там сплошные кладовые титана и циркония. Повара волнует проблема, как сохранить вкусовые качества украинского борща в тубах. Вулканологи, с легкой руки астронома Козырева, первым открывшего вулканическую деятельность на Луне, не представляют свою будущую деятельность без Луны. И недалеко то время, когда появятся лунные гостиницы, а значит, будут нужны (давайте поулыбаемся) усатые швейцары с нейлоновыми вениками, чтобы стряхивать лунную пыль со скафандров лунных командировочных и поселян.

Удивительно, как быстро мы приспосабливаемся к новому, адаптируемся к необычному. Сегодня мы ждем создания орбитальных земных станций. Завтра появятся первые долговременные лунные лаборатории.

Испокон веков, прежде чем построить дом, человек проверял грунт на месте строительства — песок или болото, гранит или глина. На Луне мы начали также с пробы грунта. Лиха беда начало. Будут на Луне долговременные станции! Их задачи:

— Исследование характерных селенофизических и селенологических особенностей нашего спутника.

— Проведение широкого комплекса астрофизических наблюдений и исследований в столь прекрасных природных условиях (отсутствие поглощающей атмосферы и очень незначительное магнитное поле).

— Исследование перспектив использования Луны для организации и проведения технологически сложных и вредных в земных условиях производств (металлургия, химия и т. д.); использования Луны как заправочно-монтажной космической базы для межпланетных ракетных систем; как базы по исследованию современных средств космической навигации и связи.

Список задач можно продолжить сколь угодно долго. Важно на данном этапе определить, какими будут станции — со сменными экипажами или на основе программных автоматов. Неразрешимых научных и технических трудностей по реализации и той и другой идеи сейчас нет. Все дело в принципиальной линии.

Наша советская космическая программа делает сейчас ставку на проведение исследований с помощью автоматических аппаратов. Отдельные свойства автоматов создают им определенные преимущества перед человеком. Человек как элемент системы автоматического управления обладает менее «стабильными характеристиками», большим «разбросом параметров» при выполнении тех или иных операций, имеет большую «постоянную времени», то есть меньшее быстродействие. Человек в отличие от автомата не может выполнять сотни и тысячи операций в секунду.

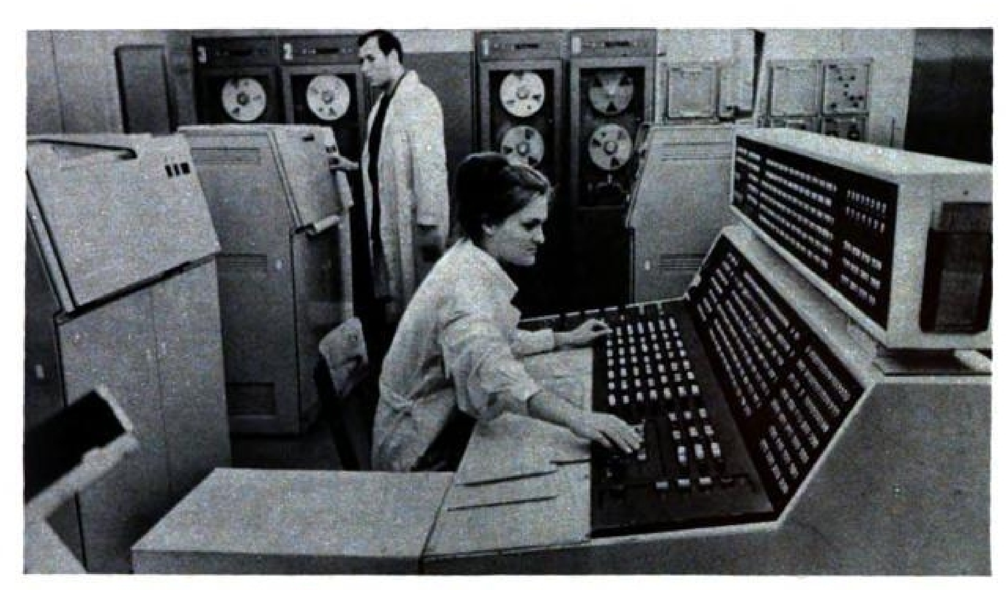
Кроме того, посылка человека в дальний космический рейс еще долго будет таить значительные опасности, и аварийная ситуация, происшедшая на борту корабля «Аполлон-13»,— прямое тому подтверждение. Но, с другой стороны, автомат не способен заменить трезвый расчет, хладнокровную оценку сложной ситуации, тонких и умелых действий человеческого ума и рук. И в пользу этого говорит тот же случай с умелым разрешением аварийной проблемы космонавтами «Аполлона-13».

Рейсы кораблей «Аполлон-11» и «Аполлон-12» дали образцы грунта из Океана Бурь и Моря Спокойствия. Как известно, «Луна-16» взяла грунт в нескольких тысячах километров от этих районов — из Моря Изобилия. Есть основания полагать, что это поможет восстановить историческую картину и этапы образования пояса равнин — лунных мо-

◀ Здесь, в Море Изобилия, прилунилась советская автоматическая станция, доставившая на Землю лунный грунт.

Фотохроника ТАСС.

ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ НАУК

Координационно-вычислительный центр. Отсюда осуществлялось руководство полетом автоматической межпланетной станции, принесшей драгоценный груз — лунную породу.
Фото А. Романова и В. Мусаэльяна (ТАСС).

ДРАГОЦЕННЫЙ ГРУЗ

РЕПОРТАЖ ИЗ КООРДИНАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

Андрей ЕРМОЛИН, инженер

Сейчас, когда драгоценным грузом — лунным грунтом — занялись ученые, когда закончились все тревоги и волнения, вспоминаются дни так называемой «оперативной работы в КВЦ». Одиннадцать суток и шестнадцать часов весь коллектив координационно-вычислительного центра «вел» по программе полета этот уникальный космический объект «Луна-16».

Сейчас в главном оперативном зале тишина, закрыты шторами огромные экраны системы отображения, только оперативный дежурный изредка докладывает по линии связи положение дел по полету другого, не менее интересного космического аппарата «Венера-7».

Все же как ни привычна картина трудовых будней КВЦ, а каждый такой конечный этап в его работе — период запуска — интересен, поскольку каждый раз ставятся новые задачи, решаются они новыми методами.

В период запуска большая доля ответственности за выполнение программы полета ложится на баллистиков — специалистов по механике полета, которые управляют движением космических аппаратов от начала и до конца полета. Внешне они ничем особенным не отличаются от остальных сотрудников КВЦ, но в разговоре сразу бросается в глаза профессиональная привычка к точности. Как здесь говорят, «девять знаков при проведении расчетов приблизительно соответствуют истине».

На двери — лаконичная надпись «Баллистическая группа». У окна — огромный земной глобус на подставке. На столах — несколько аппаратов громкоговорителей оперативной линии связи. На стенах — развернутая карта Луны, звездного неба. Во всю стену — карта нашей страны.

Когда я пришел на следующий день после посадки, они занимались будничным делом — готовили материалы по прошедшему полету к отчету. На мой вопрос, какой момент в программе полета «Луны-16» самый ответственный, один из специалистов по вопросам прогноза и коррекции траектории, Александр Павлович, подумав, ответил: «Да ведь все они примерно одинаковы; ведь ни без одного из них удачный полет невозможен. Конечно, можно среди них выделить те, которые на этом объекте выполнялись впервые и, естественно, вызывали некоторые опасения. Есть и такие, которые выполнились с такой точностью, что мы и не ожидали. Например, участок прилунения станции — участок зависания и мягкой посадки. Но если просмотреть всю схему полета, то можно сделать общий вывод: станция всю программу выполнила безукоризненно. Все параметры были в номинале, то есть не выходили из расчетных допусков».

Затем в разговор включился другой инженер, специалист по посадке и взлету с Луны Виктор Николаевич.

— Почему запуск был осуществлен именно 12 сентября и именно в 16 часов 26 минут?

— Это довольно-таки сложный вопрос. Все дело в том, что на борту машины стоят различные приборы астроориентации и для их нормальной работы нужно, чтобы треугольники Солнце — объект — Земля и Солнце — объект — Луна находились в определенных пределах.

Кроме этого требования, нужно, чтобы Луна на ее орбите занимала в момент старта ракеты-носителя с Луны определенное положение, скажем, находилась в северном полушарии — так называемый «северный вариант» возвращения. Имеются и другие, дополнительные требования. Все это в совокупности определяет окно дат старта: те несколько суток в месяце, когда выполняются указанные условия.

Наиболее отработанным, «стандартным» участком в схеме полета считается участок выведения станции ракетой-носителем на орбиту спутника Земли. Этот процесс доведен до совершенства и почти полностью автоматизирован. Земля только контролирует этот процесс. После выведения на промежуточную орбиту станция сделала три четверти витка. В это время были определены параметры промежуточной орбиты и по сигналу программно-временного устройства включилась двигательная установка разгонного блока. Станция взяла курс на Луну. После того как траекторные измерения, телеметрия подтвердили точность отработки разгонного импульса, мы вздохнули свободнее.

Ведь время полета нашей станции к Луне — 4,3 суток. Траектория полета сравнительно мягкая. И тогда мы приступили к решению своих прямых задач. Вот можно по порядку их представить.

Как только наземный измерительный комплекс принял и после предварительной информации передал нам траекторные измерения, к работе приступили наши математики. С помощью электронно-цифровой вычислительной машины они вычисляли параметры орбиты. По сравнению с предыдущими полетами многие программы расчетов были модернизированы, в некоторые блоки были введены новые алгоритмы расчетов. Ведь от запуска к запуску наши знания о поле тяготения Земли, Луны уточняются, совершенствуются и математические методы решения... Поэтому

рей — одной из характернейших особенностей селенологического строения Луны. Можно ожидать в результате анализа этого эксперимента также прояснения физической картины вулканической деятельности на Луне, и, что имеет не только познавательный научный, но и практический интерес, этот эксперимент поможет выявить природу аномалий лунной гравитации (нецентральностей). Эти аномалии доставляют много хлопот прежде всего ученым-баллистикам. Лунное гравитационное поле еще очень мало изучено, и работы здесь предстоит много. Требуются новые траекторные измерения. При этом необходимы запуски аппаратов на орбиту лунных спутников. И здесь как раз нужны автоматические аппараты.

Возможности и перспективы космических автоматов весьма многообещающи. Полет станции «Луна-16», кроме чисто научной ценности, обусловленной доставкой на Землю вещества Луны из нового района, явился этапным, даже эпохальным событием и в чисто техническом отношении. Ведь старт и полет к Земле с другого небесного тела автоматический аппарат совершил впервые. Но главное — это та прямо-таки филигранная точность, с которой был доставлен на Землю возвращаемый аппарат станции, отделенный от ракеты за несколько часов до посадки.

Одному из нас довелось следить за ходом этого полета из координационно-вычислительного центра. Согласно расчетам баллистиков, предполагаемый район посадки очерчивался на карте Казахстана эллипсом, или, как его называют, эллипсом рассеивания. Причем эллипс этот был довольно велик: с осями до нескольких сот километров. Центр этого теоретического эллипса — в районе города Джезказган. В течение всего полета по трассе Луна — Земля наземные службы измеряли траекторию движения ракеты. С помощью вычислительных устройств в КВЦ определялись истинные параметры траектории. Уже первые измерения показали, что ракета идет в «расчетной трубке». Но какой окажется конечная точность? Трое суток летела ракета к Земле. Каждыми новыми измерениями уточнялись координаты точек входа возвращаемого аппарата в атмосферу и посадки на Землю. При этом площадь эллипса рассеивания становилась все меньше и меньше и, что самое главное, центр его почти не смещался, ракета летела в его центр. Установленный на возвращаемом аппарате радиопередатчик должен был передавать сигналы самолетам и вертолетам группы поиска в течение суток после приземления... Но за 12 минут до посадки по всем службам КВЦ из репродукторов разнеслось: «Самолеты группы поиска принимают сигналы с возвращаемого аппарата». Вскоре последовало сообщение о том, что возвращаемый аппарат обнаружен с борта вертолета. До Земли оставалось еще несколько километров.

...Он лежал на земле. Рядом распластался оранжевый стяг парашюта. Люди выбежали из вертолета. И подошли и боялись прикоснуться к нему. И не могли поверить глазам своим. А он был всего лишь шарик.

И И ТЕХНИКИ

задачи решаются точнее и быстрее.

В этом полете автоматика станции выполняла свою работу с исключительной точностью, и поэтому из двух предполагавшихся коррекций траекторий полета потребовалось проведение только одной. Этот успех объясняется и совершенством конструкции агрегатов станции и высокой точностью расчетов. Корректировалось и время прилета станции на окололунную орбиту. Здесь, если просто объяснить, лучше прилететь на один час позже, но зато иметь большую определенность, бóльшую точность при входе в сферу действия Луны.

После того, как мы «почти прилетели» на Луну, наше напряжение стало возрастать: как автоматика станции отработает тормозной импульс и насколько близкой к расчетной будет окололунная орбита? Наши тревоги были напрасны: все шло достаточно хорошо.

С выходом на орбиту спутника Луны встал вопрос: сколько времени нужно станции находиться на орбите спутника Луны?

Расчеты, которые мы проводили, то есть прогноз окололунной орбиты станции, показали, что нецентральность гравитационного поля Луны очень сильно влияет на параметры орбиты. Но для того, чтобы сесть в расчетную точку, нужно было станции в течение 3 суток находиться на орбите. Проводились траекторные измерения, рассчитывался прогноз орбиты, проводились коррекции. Пока что, хотя исследования Луны ведутся давно, мы еще недостаточно точно знаем гипсометрию Луны — ее фигуру. И у нас и у американцев ведутся работы по составлению такой модели гравитационного поля Луны, которая позволила бы прогнозировать движение окололунных объектов с большой точностью.

Первая коррекция орбиты ставила своей целью понижение минимальной высоты станции.

Проведением второй коррекции было исправлено положение плоскости орбиты и подправлена форма орбиты. Эти маневры обеспечили посадку точно в расчетную точку.

С точки зрения экономии топлива на посадку, чем меньше высота периселения орбиты, тем лучше. Но лунные горы не позволяют уменьшить высоту полета станции ниже 12—14 километров.

Вас интересует, из каких соображений был выбран район посадки?

Основным требованием при космическом полете обычно является, как вы не раз слышали, наименьший расход топлива. Чем меньше топлива требуется на проведение маневра, тем больше полезного груза: научных приборов, лунного грунта и т. д.— может вывести ракета-носитель.

Это требование и определило точку посадки, потому что позже, взлетев вертикально, последняя ступень станции направила драгоценный груз прямо к Земле.

— Все ли на Луне делалось автоматически?

— Нет. Часть функций управления выполняла Земля. Командное управление с Земли осуществлялось до высоты полета порядка 1,5 километра. Ниже этой высоты в работу вступила автоматика, использовавшая допплеровский радиовысотомер.

Знаете, когда станция опустилась на Луну и телеметрия, переданная с борта, подтвердила это, мы как-то сразу и не поверили.

Я помню, в тот момент по громкой связи КВЦ сообщили: «Есть касание!» И если бы можно передать тот восторг и радость, которыми мы были все переполнены! Затем последовали доклады: «Есть сигнал, сигнал устойчивый!» Это пошла информация от станции, поведавшая нам о том, как проходили процессы бурения и взятия грунта.

Трое суток мы к этому готовились. И когда это произошло, у нас как гора с плеч свалилась. Определили истинную точку посадки — точность просто потрясающая.

О работе грунтозаборного устройства писали достаточно много, но тогда все смотрели на телеметристов, как на богов, как будто от них зависело все остальное. А они, расшифровав поступившие сигналы, докладывали, что бурение идет нормально, грунт взят, закрыт в контейнер и все идет по программе.

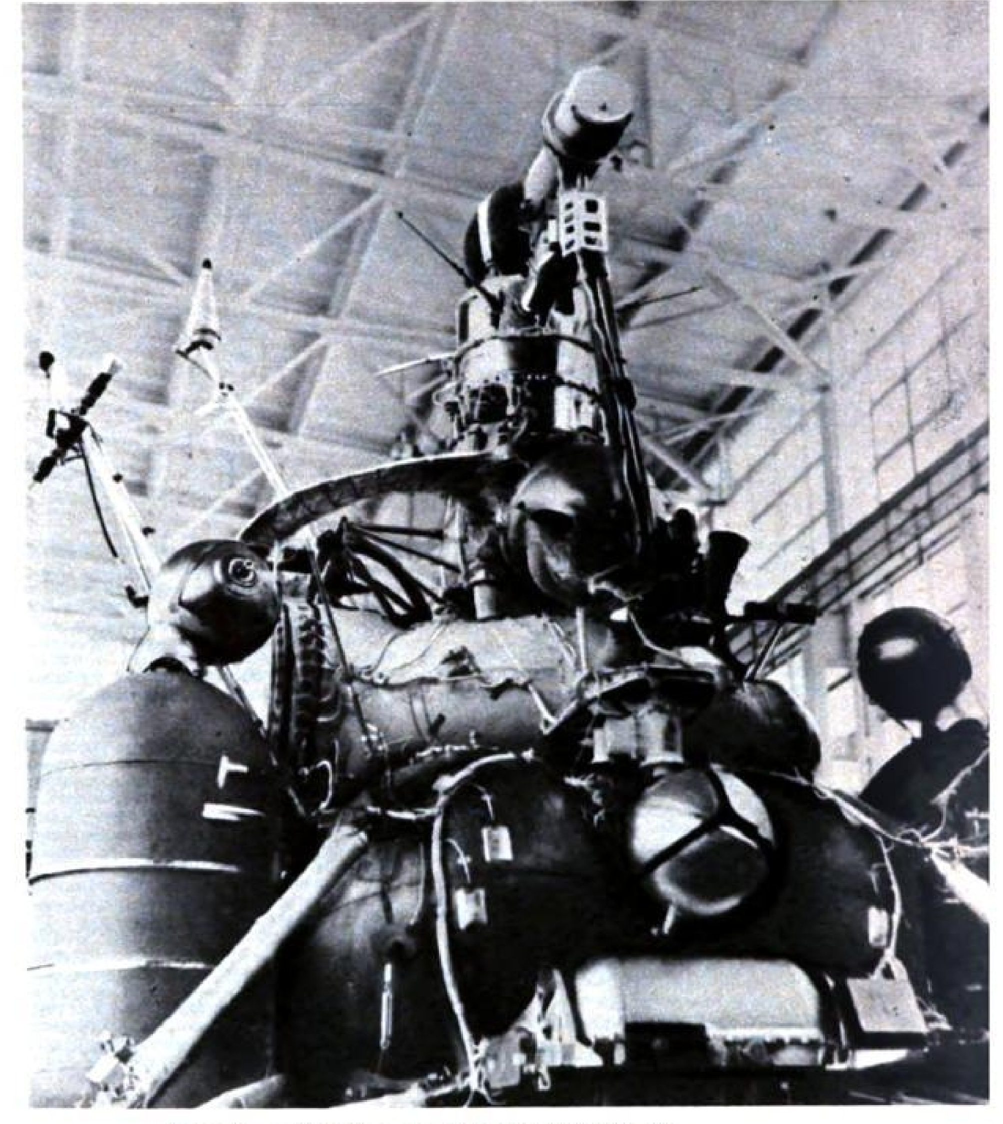
Следующий момент, который интересовал нас перед стартом с поверхности Луны,— это насколько вертикально стоит взлетная ступень. Ведь наклон оси двигательной установки, вернее, отклонение от местной вертикали, определяет и программу ее работы: какой импульс скорости необходимо отработать, чтобы приземление спускаемого аппарата произошло в заданной точке нашей территории. По телеметрии определили, что отклонение от местной вертикали около 2 градусов (при предельно допустимых 30).

И вот в расчетный момент времени взлетная ступень оторвала драгоценный груз от поверхности и послала к Земле.

Возвращение происходило по сравнительно «жесткой» траектории. Ведь если туда мы летели более четырех суток, то обратно — двое с половиной. Полет проходил почти по прямой.

И вот наконец благополучное приземление.

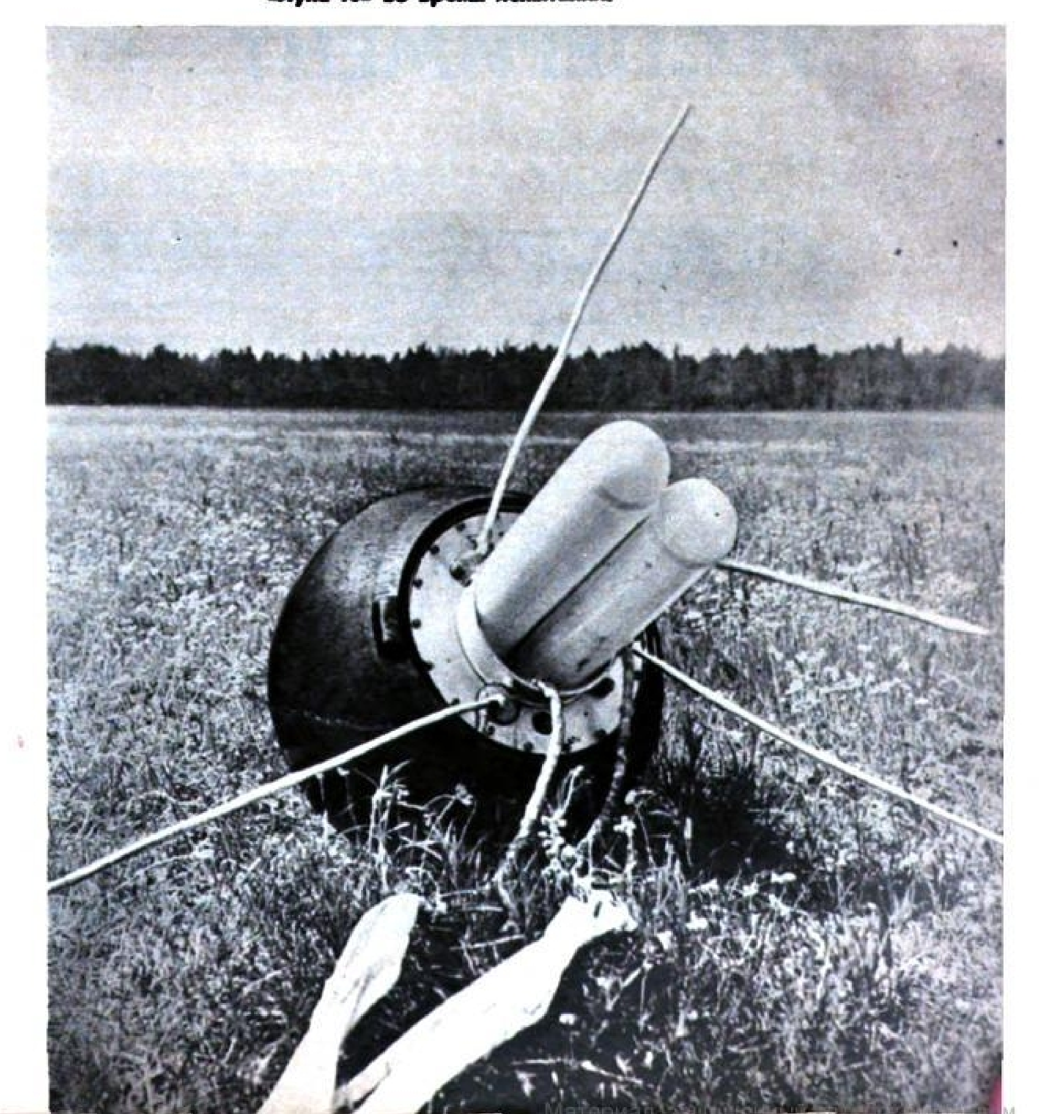
Радостное оживление царило в комнатах КВЦ. И здесь, в баллистической группе по громкой связи, член Госкомиссии объявил благодарность и поздравил всех с успешным выполнением работы.

«Луна-16» в монтажно-испытательном корпусе.

Фотохроника ТАСС.

Снова на Земле. Возвращаемый аппарат автоматической станции «Луна-16» во время испытаний.

Не маленький, не большой. Так, шарик, да и только. Как, оказалось, все просто. А со временем будет и привычно.

...Рассказывают, будто первую ракету люди тщательно вымыли, насухо вытерли — как бы причастили. Сейчас стартуют тысячи ракет. Было время, когда сама ракета для людей была символом, маяком. Много веков люди мечтали, грезили о ней, работали и жили ради нее. Ради нее они долбили уголь, лезли на горы, писали стихи. И чем больше угля у них становилось, чем меньше оставалось непокоренных вершин, чем лучше были стихи, чем ближе люди подходили к цели, тем ярче горел их маяк. И вот ракета взлетела! Как же люди радовались! За себя, за те миллиарды землян, которые шли к этому дню, чтобы мы, современники, сделали последний шаг. Не было, наверное, на всей Земле человека, не притихшего в этот миг. И старца-мыслителя и мальчишку-голубятника — каждого по-своему жарко полоснула гордость за людей. Значит, мы можем! Так полетел первый спутник, так взлетел первый человек. Но люди — такова уж их природа — затихают лишь на миг, чтобы вдохнуть поглубже и пуститься дальше в путь. Они зажигают для себя новые маяки и придумывают новые сказки. И все для того, чтобы превратить их в быль.

Вадим ЛЕВСКИЙ,
Александр МАЛИНОВ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Герой Социалистического Труда,
академик Академии наук
Украинской ССР
Н. П. БАРАБАШОВ

Изучением Луны и планет я начал заниматься, будучи еще гимназистом. С тех пор я провожу астрономические наблюдения. Было это в самом начале века.

Двадцатый век ознаменовался бурным развитием астрономии, пересмотром взглядов на звездную эволюцию и природу внутренней энергии звезд. Глаз человека, вооруженный огромными телескопами, стал проникать в космос на невообразимые расстояния — миллиарды световых лет. Были открыты отдаленнейшие звездные системы, началось углубленное изучение галактик и Метагалактики. Планетный же мир, наша Солнечная система и околоземное космическое пространство, как это ни парадоксально, изучались очень мало и лишь немногими исследователями. Разумеется, тут есть объективная причина: желание составить себе представление о нашей метагалактике в целом и о лежащей за ее пределами области Вселенной.

С началом космической эры, которую открыла моя страна, положение резко меняется: создан новый инструмент для изучения планет — космические аппараты.

Но особой ценностью отличаются результаты, получаемые сопоставлением астрономических наблюдений с поверхности Земли и из космоса.

Исследования физических особенностей Луны и планет на астрономической обсерватории Харьковского университета, где я работаю многие десятилетия, получили в годы Советской власти столь бурное развитие, что вывели ее в число ведущих обсерваторий не только страны, но и за рубежом.

Например, тут впервые был исследован так называемый «пепельный» свет Луны. Особенности отражения света от лунной поверхности были мною объяснены на основе проведенных теоретических и экспериментальных исследований как следствие чрезвычайной пористости и изрытости лунной поверхности. Было показано, что особенности закона отражения света от Луны обязаны не крупным неровностям, типа кратеров, а мелким порам и обломкам, размеры которых заключаются в пределах от долей миллиметра до нескольких миллиметров, и что пористость эта столь велика, что отношение площади поверхности, покрытой порами, ко всей планете в целом составляет 80 процентов.

Дальнейшие наблюдения, произведенные на Харьковской астрономической обсерватории, выявили, что поверхность Луны состоит из губкообразных, пористых и раздробленных вулканических пород. Какова же была наша радость, когда все наши выводы подтвердили советские автоматические станции, впервые в истории мягко опустившиеся на лунную поверхность, и работы мужественных американских космонавтов! Представление американского ученого Голда о том, что поверхность Луны покрыта толстым слоем пыли, оказалось неверным.

Расшифровкой, выявлением деталей и обработкой фотографий обратной стороны Луны, переданных на Землю советской межпланетной автоматической станцией, независимо друг от друга ученые занимались в Москве, в Пулкове и в Харькове. По этим материалам была составлена первая в мире карта обратной стороны Луны, а затем глобус и атлас, одним из редакторов которого был и я. Всего на карту было нанесено 1 198 новооткрытых образований на лунной поверхности.

18 июля 1965 года с борта тяжелого спутника стартовала космическая ракета, которая вывела автоматическую станцию «Зонд-3». Эта станция получила очень четкие снимки обратной стороны Луны. Теперь фотографии охватили уже 95 процентов обратной стороны Луны! Выявлено 3 374 образования, из которых около 200 получили наименования.

На Харьковской обсерватории было установлено, что лунная поверхность довольно однородна, однако на ней есть области, где эта однородность более или менее нарушается. Анализ показал, что нарушение можно объяснить не только различным микрорельефом, но и более существенными обстоятельствами. Например, наличием образований с разной теплопроводностью и неодинаковым химическим составом пород.

Ряд астрономов, как советских, так и зарубежных, придерживался того мнения, что лунная поверхность однотонна и различные ее области не имеют никаких цветовых оттенков. Мне удалось доказать, что такое заключение связано с недостаточной точностью методов наблюдений.

На Харьковской астрономической обсерватории был проведен большой ряд определений цвета отдельных областей лунной поверхности. Оказалось, что цвета на Луне весьма заметны. И впервые мы получили цветную фотографию Луны. Лунная поверхность, предполагали мы, должна состоять из весьма пористых и раздробленных вулканических пород. Наиболее похожи на лунные породы туфообразные лавы и базальты.

Исследование лунных пород, доставленных американскими космонавтами, полностью подтвердило результаты наших наземных наблюдений.

Когда я вспоминаю начало своей работы, не могу найти слов, чтобы оценить, насколько шагнула вперед наша наука и техника. Ведь я начал свои наблюдения на небольших инструментах, которые зачастую сам изготавливал. Чтобы получить достаточно надежные результаты, приходилось изобретать особую, часто очень сложную методику наблюдений, а о полетах в космос можно было лишь мечтать. Однако, знакомясь с трудами великого Циолковского, которые он мне присылал, я твердо верил в скорое осуществление этой мечты. И уже в 1925 году поместил в журнале «Знание» статью о космических полетах с расчетами времени перелетов к различным планетам Солнечной системы. И я счастлив, что стал свидетелем сложнейших космических рейсов, увенчавшихся ни с чем не сравнимым триумфом: полетом автоматической станции «Луна-16»!

Что нам расскажут будущие лунные рейсы? Ведь хотя о Луне мы очень многое уже знаем, знакомая незнакомка хранит в себе и немало тайн...

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ

Новость облетела всю планету. Выдающийся эксперимент, возвестивший наступление новой эры в астронавтике, вызвал восхищение человечества. Достаточно привести наиболее типичные аншлаги иностранных газет, чтобы в этом убедиться: «Это революция в космосе», «Открывается новая эпоха исследования небесных тел», «Гигантский шаг вперед», «Космические премьеры Советского Союза».

Гостящий в нашей стране президент Индии В. В. Гири так охарактеризовал завершение полета автоматической станции «Луна-16»:

«Это успех не только советской науки, но и советского гуманизма. Это поистине огромное достижение, которое воздает должную дань Ленину в сотую годовщину со дня его рождения».

В этих глубоких и проникновенных словах человека, который не является коммунистом, отражены огромные сдвиги в сознании человечества и его признание роли страны, первой в мире вставшей на путь строительства социализма.

Монгольская газета «Унэн», анализируя значение полета станции «Луна-16», подчеркивает, что «новый выдающийся успех Советского Союза — свидетельство могущества страны социализма».

Бернард Ловелл, директор английской обсерватории «Джодрелл бэнк», которая зарегистрировала старт с Луны космической ракеты станции «Луна-16», заявил, что «русское достижение открыло новые блестящие возможности для научных исследований планетной системы». Это заявление видного ученого с мировым именем разделяют люди науки других стран, социалистических и капиталистических, что свидетельствует о глобальном масштабе советского достижения.

«Наблюдая бурное развитие науки в СССР,— заявляет член-корреспондент Польской академии наук, профессор Роман Куликовский,— особенно автоматики и кибернетики, я убежден, что в ближайшие годы следует ожидать новых выдающихся достижений».

«Блестящее осуществление,— отмечает, в свою очередь, директор Института астрономии Академии наук Кубы Луис Ларрагойти,— сложнейших операций ярко свидетельствует об огромном развитии советской науки и техники».

Конкретизируя разные научные аспекты полета станции «Луна-16», зарубежные ученые отмечают прежде всего перспективность космической программы Советского Союза. Газета «Вашингтон пост», ссылаясь на мнение американских специалистов, пишет, что, поскольку Море Изобилия, откуда взяла грунт «Луна-16», является самым старым из лунных морей, оно «может стать критерием для измерения разницы в возрасте лунных морей и поможет выработать масштаб времени для событий, вызвавших образование этих морей». Далее газета отмечает, что на американских космических специалистов наибольшее впечатление в полете «Луны-16» произвела легкость, с которой был осуществлен ее старт с лунной поверхности по команде, переданной по радио с Земли. Научный обозреватель «Нью-Йорк таймс» высказывает мнение, что такие устройства, как «Луна-16», являются наиболее «многообещающими в смысле доставки на Землю вещества с Марса, Венеры и других планет, находящихся дальше от Земли, чем ее ближайший сосед Луна». Эту же мысль еще более конкретно развивает генеральный директор Европейской организации космических исследований профессор Оже. По его мнению, полет «Луны-16» доказал, что благодаря использованию автоматических станций исследования на поверхности и в глубине таких планет, как Марс и даже Венера, станут возможными уже в ближайшем будущем.

Японские специалисты по космонавтике профессора Сануки и Такэути отмечают высокий технический уровень советской автоматической станции, подчеркивают перспективность беспилотных космических поисков для обследования пространств за пределами Земли. К их мнению присоединяется научный обозреватель газеты «Асахи», который пишет: «Самое главное в полете «Луны-16» то, что он открывает путь к исследованию не только Луны, но и планет Солнечной системы с помощью автоматических станций».

Во многих зарубежных комментариях обращается внимание на рациональный подход в расходовании средств при изучении других планет.

Французская «Монд» пишет: «Если мы захотим действовать быстрее или попытаться узнать больше о других спутниках Солнца, то выполнение этой задачи придется доверить роботам... С этой точки зрения полет автоматической станции «Луна-16» представляет собой, по-видимому, первое применение метода исследования издалека, к которому, очевидно, будут прибегать не раз, в то время как высадка американцев на Луне, какой бы поразительной она ни была, дала гораздо меньше данных, чем можно было думать».

В зарубежных откликах на полет автоматической станции «Луна-16» обращается внимание на огромный экономический выигрыш Советского Союза по сравнению с полетами «Аполлонов». Лондонский еженедельный журнал «Экономист», характеризуя советский эксперимент как «поразительный технический успех», пишет, что автоматическая станция СССР в изучении Луны сделала с явной легкостью то, что весьма дорого стоило американцам.

Лондонская «Таймс» обращает внимание, что автоматическая станция значительно эффективнее с точки зрения получения информации и весьма экономнее. Научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Дж. Уилфорд подчеркивает большое научное значение нового советского космического эксперимента, указывая, что автоматические станции типа «Луна» «могут быть запущены туда, куда еще не может отправиться человек, и к тому же с меньшими расходами и без риска для человеческих жизней». «По мнению американских ученых,— пишет Дж. Уилфорд,— заслуга получения первых образцов почвы с других планет, например, Марса и Венеры, вероятно, будет принадлежать русским, поскольку в Соединенных Штатах таких космических кораблей не существует и в проекте».

Так откликнулся мир на новый космический эксперимент — полет автоматической станции «Луна-16». Восхищенное человечество аплодирует социализму, советскому народу, гению и труду рабочих, инженеров и ученых нашей Родины.

В летопись освоения планет Солнечной системы вписана новая глава. Она посвящена создателями автоматической станции «Луна-16», важному событию в жизни советского народа — предстоящему XXIV съезду КПСС.

Николай ПАСТУХОВ

КОНЧИНА ГАМАЛЬ АБДЕЛЬ НАСЕРА

28 сентября в 18 часов 15 минут на 53-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся государственный деятель Объединенной Арабской Республики, лидер арабского национально-освободительного движения, большой друг Советского Союза Президент Гамаль Абдель Насер.

Печальную весть объявил по каирскому радио вице-президент ОАР Анвар Садат. Мы потеряли, сказал он, мужественного человека, который скончался на боевом посту. Гамаль Абдель Насер почувствовал себя плохо в 15 часов 30 минут, когда он возвращался с церемонии закрытия совещания глав арабских государств и правительств. Смерть последовала в результате сильного сердечного приступа.

Объединенная Арабская Республика охвачена скорбью. Люди в Каире вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свои симпатии скончавшемуся Президенту и поддержку его политическому курсу. В стране объявлен траур.

Гамаль Абдель Насер, видный политический и государственный деятель, активный борец за независимое национальное развитие Объединенной Арабской Республики, родился 15 января 1918 года. В 1939 году он окончил военное училище, в 1942 году был направлен на учебу в военный колледж Генерального штаба, после окончания которого был оставлен преподавателем этого колледжа. В 1948—1949 годах Гамаль Абдель Насер участвовал в палестинской войне, был ранен, за отличие в боях был награжден орденами и медалями.

Гамаль Абдель Насер был инициатором создания и руководителем организации «Свободные офицеры», которая подготовила и осуществила 23 июля 1952 года антиимпериалистическую, антифеодальную революцию в Египте. В результате революции в стране был свергнут монархический режим и провозглашена республика.

В 1954 году Гамаль Абдель Насер стал председателем Революционного совета и премьер-министром, а в ноябре того же года Революционный совет возложил на него обязанности Президента республики. В июне 1956 года всенародным голосованием Гамаль Абдель Насер был избран Президентом. В марте 1965 года в соответствии с новой конституцией ОАР он был переизбран Президентом Объединенной Арабской Республики.

Под руководством Президента Гамаль Абдель Насера египетский народ добился серьезных успехов в развитии национальной экономики и осуществлении прогрессивных социальных преобразований, а во внешней политике ОАР неизменно следовала антиимпериалистическим курсом, отстаивая справедливое дело борьбы за свободу и национальную независимость, за укрепление мира и международной безопасности. Гамаль Абдель Насер был бессменным председателем Арабского социалистического союза.

Империалистические силы настойчиво пытались оказывать на ОАР политическое и экономическое давление, заставить страну отойти от независимого курса и проведения внутренних прогрессивных преобразований. Когда в июне 1967 года эти силы развязали агрессию Израиля против ОАР и других арабских государств, это не сломило решимости египетского народа под руководством Гамаль Абдель Насера непоколебимо отстаивать свое дело свободного национального развития. Твердо выступая за политическое урегулирование ближневосточного конфликта, народ и правительство ОАР во главе с Гамаль Абдель Насером упорно продолжали борьбу против империалистической агрессии, за прочный и справедливый мир на Ближнем Востоке.

В последние дни своей жизни Президент Гамаль Абдель Насер отдавал все силы прекращению братоубийственного конфликта в Иордании, сплочению арабских народов на борьбу против общего врага — империализма и его агентуры.

Президент Гамаль Абдель Насер был последовательным сторонником укрепления дружественных отношений и расширения всестороннего сотрудничества между Объединенной Арабской Республикой и Советским Союзом. Он неоднократно посещал нашу страну. Его визиты являлись ярким выражением нерушимой советско-египетской дружбы.

...Над зданием посольства ОАР в Москве приспущен государственный флаг. Сюда 29 сентября пришли Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. С. Полянский, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза М. В. Захаров.

В главном зале посольства на постаменте бюст Гамаль Абдель Насера и портрет его, увитые траурными лентами.

Советские руководители минутой молчания почтили память большого друга Советского Союза. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и советского народа они выразили глубокое соболезнование послу Объединенной Арабской Республики в Советском Союзе Мухаммеду Мураду Галебу и дипломатическому составу посольства в связи с безвременной кончиной Гамаль Абдель Насера.

Советские руководители расписались в траурной книге.

Фото В. Воронина («Правда»)

НА РОДИНЕ ЛЮБИМОЙ...

Юрий СБИТНЕВ

В прозрачном холоде заголубели долы...

Я вспоминаю эти слова, а за моим окном осень — рыжая кобыла чешет гриву. По утрам в раннюю звень, когда на землю опадают грибные, росные туманы, слышно, как льется с кленов листьев медь... Не от него ли, от этого слышимого листопада, такая редкая радость, такая ранняя звень? По-осеннему кычет сова в темном ельнике-зеленомошнике, что подступает к Черному пруду, где в розоватой воде кружит и кружит золотая, золотая листва.

Я иду по раздолью дорожной рани. Может быть, чуть пристальнее, чем обычно, приглядываясь ко всему, что окружает меня каждодневно, ко всему, что живет вокруг меня, отмеченное особой метой. Я иду один и не один. Потому что сегодня, как, впрочем, очень часто, такой вот утренней дорогой идет со мной легкой походкой Сергей Есенин. Он рядом. Не где-то позади, незримый за плечами, не впереди, указующий тропу, но рядом, плечо к плечу, сердце к сердцу. Он во мне и рядом со мной. Он вокруг...

Всякий, кто хотя бы раз в любое время года на любом перекрестке нашей Родины остановится, прислушается к сердцу, переполненному любовью к России, посмотрит вокруг — и вдруг увидит свинцовую свежесть полыни, заснувший ковыль, равнину дорогую, синий туман, снеговое раздолье и калитку осеннего сада, свет луны, таинственный и длинный, розовые степи и как клененочек маленький матки зеленое вымя сосет...

Я могу бесконечно перечислять сотни и сотни примет нашего утра, вечера, ночи, зимы, лета, осени, и каждая примета, каждое слово, выразившее ее, будет каплей живой любви, которая, несомненно, есть в сердце каждого человека.

Мы давным-давно как-то незаметно научились смотреть на окружающий нас родной мир глазами Есенина. Я не думаю, чтобы эта мысль вызвала у кого-нибудь возражение. Смотришь ли на эту вот черемуху в белой накидке, на эти скирды солнца в водах лонных, слышишь ли пугливую шумоту, видишь ли желтую крапиву и сухой плетень и не думаешь о том, что эта вот любовь к родному краю, эти вот всегда очень точные, до удивления родные образы найдены и открыты для тебя первокласснейшим поэтом.

Есенин идет рядом, он в громадной, неисчерпаемой любви к самому высокому, самому святому, что есть под луною,— в любви к Родине.

Знать, у всех у нас такая участь, и, пожалуй, всякого спроси — радуясь, свирепствуя и мучась, хорошо живется на Руси.

Взгляните на фотографии, помещенные на цветных вкладках, снятые на родине нашего великого поэта, и я уверен, в каждом сердце что-то отзовется, и, вероятно, не один из читателей нынешнего номера подойдет к своей книжной полке и снимет с нее и откроет одну из книг и будет долго листать страницы Великой Любви.

Я иду дорожной ранью, березовым ситцем рощи, что говорит веселым языком, и, пока иду от нашего лесного поселка до станционной платформы, мне сопутствует Есенин.

Нет, я не припоминаю строки, не пытаюсь потом в окружающем меня найти подтверждение им. Я просто смотрю, и увиденное мною рождает стихи, строчки, образы. Они приходят сами на коротеньком, всего лишь получасовом отрезке пути.

Я сошел с крыльца родного дома, и какое множество открытий за мною следовало по пятам, от проводов голубой соломы, опрокинувшихся над окном, до рыдалистой дрожи неотлетевших журавлей, неожиданно поднявшихся над лесом. Я иду и твержу себе, что все это, видимое мною, так неожиданно ложащееся в строчки поэта,— всего-навсего радостная случайность. Щедрый подарок. Но потом понимаю: нет, не радостная случайность. Вот эти сады в голубых накрапах — сошедший туман оставил на все еще зеленых листьях яблонь, на словно бы прозрачных плодах антоновки чистую-чистую росу, которая отсвечивает голубое без единого облачка небо; вот это поле, что стынет в тоске волоокой,— тот же туман едва различимой дымкой висит в низинах; вот страна березового ситца — лес, уходящий к окоему; вот зеленая прическа, девическая грудь — одинокая, еще не тронутая золотом осени березка над прудом; а вот и тянется дым у малиновых сел, свадьба ворон облегла частокол; в косых утренних лучах неяркого солнца избы в ближнем селе кажутся малиновыми, разве это случайность, разве это подарок — это все мне родное и близкое.

А потом, в туманах озерных кроясь, нес меня, железной ноздрей храпя, на лапах чугунных поезд. И где-то (вот это, пожалуй, и может быть случайность) увиделась мне такая редкая в наше время кобылица с подросшим за лето чалым стригунком. И вспомнился «Сорокоуст».

Как ни странно, но, перелистывая страницы газет и журналов того времени, когда особенно ясно и определенно вознесся талант поэта к вершинам классической музы, когда сам он, ранимый «не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии», нуждался, прямо-таки требовал серьезного и глубокого внимания к своему таланту, видишь, что тогдашние критики и литературоведы, друзья и приятели — литераторы, мягко выражаясь, довольно прохладно относились к его большому труду. Современников, не всех, конечно, больше занимала не совсем обычная житейская судьба поэта. После шумных успехов, десятков хвалебных, взахлеб написанных статей наступало молчание на долгое время, а потом шумиха, снова взахлеб хвалебные рецензии. Так было и с «Сорокоустом». Я приведу отрывок из воспоминаний о Сергее Есенине литературоведа и исследователя русской поэзии Ивана Никаноровича Розанова:

«Ни одно из произведений Есенина не вызвало такого шума, как «Сорокоуст»...

...Аудитория Политехнического музея в Москве. Вечер поэтов. Духота и теснота. Один за другим читают свои стихи представители различных поэтических групп и направлений. Многие из поэтов рисуются, кривляются, некоторые как откровения гения вещают свои убогие стишки и вызывают смех и иронические возгласы слушателей. Публика явно утомилась и ищет повода пошуметь. Пахнет скандалом. Председательствует сдержанный, иногда только криво улыбающийся Валерий Брюсов...

...Выступает Есенин. Начинает свой «Сорокоуст». Уже четвертый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы негодования... Но когда поэт произносит девятый стих и десятый, где встречается слово, не принятое в литературной речи, начинается свист, шиканье, крики: «Довольно!» и т. д. Есенин пытается продолжать, но его не слышно... Брюсов встает и говорит:

— Вы услышали только начало и не даете поэту говорить. Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года...

...А через неделю-две не было, кажется, в Москве молодого поэта или просто любителя поэзии, следящего за новинками, который бы не декламировал «красногривого жеребенка». А потом в печати стали цитировать эти строки, прицепив к Есенину ярлык — «поэт уходящей деревни».

Обо всем этом подумалось и вспомнилось мне, когда увидел я чалого стригунка из окон пригородной электрички. Весь день Есенин был рядом со мной, а следующим утром опять через озерные туманы уносил меня на железных лапах поезд к селу, которое вечно будет знаменито тем, что 3 октября 1895 года в нем родился великий русский поэт Сергей Александрович Есенин.

Мелколесье, степь и дали...

И вот они, эти степи, эти дали. Такие неожиданные после лесов, костров рябин обочь железной дороги. Словно бы кто-то широко повел могучей рукою и посдвинул все, мешающее глазу. И только луна голубою порошею осыпала даль деревень.

Удивительно это в нашей литературной географии. Спешишь к Некрасову, дорога ныряет в густых переславских и ростовских пущах. Глубокие, всегда сырые, настоянные земляным грибным цветом овраги, затаенные с недвижимой черной водою речушки, замшелые пни — лесовины. Да вдруг перед самой Карабихой размахнется простор, ляжет красным всполошенным бугром, и только синь сосет глаза.

Приокские сторожевые дубравы, леса — рукавицу не просунешь. И вдруг степь. Степь без конца и края. И на ней зеленой засеной, шумным островом — Ясная Поляна.

То же и со Спасским-Лутовиновом.

Псковщина. Партизанские дебри. Лесная, без отклика глушь. И вдруг даль, неоглядное поле, усеянное дикими каменьями, как шлемами богатырей, как головами витязей. А там впереди, на холме, беленькой свечой колокольня, синий окоем — Святые горы — Пушкинские горы.

Вероятно, эти дали, этот свет луны во все концы необходимы, как правда, русской литературе, ее великим старателям, ее широте и глубине.

Машина бежит степью, иначе и не назовешь широкие, внеогляд, поля, кое-где прошитые зелеными колками лесов. Дорога довольно

хорошая — узкая лента асфальта среди золотой стерни скошенных хлебов. Шофер, медлительный, полный, даже чуть обрюзгший малый, что не мешает ему гнать «Волгу» на пределе, говорит:

— Шоссейку специально к Есенину сделали.— И, помолчав, добавляет: — Хорошая шоссейка. В десять раз шире сделай, и то мала будет. Едут сюда и едут, со всех концов едут...

В Рыбном он остановил машину подле универмага, попросил:

— Подождите, пожалуйста, нынче тут такое дело получается. Рождение, понимаешь ли, подарочек приглядеть надо.

Подходящего подарка в универмаге не оказалось, и он, садясь за руль, вдруг то ли прочел, то ли пропел:

Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю,—

и улыбнулся.

Бежит, чуть вьется дорога к Есенину. На бугре, высоко вознесенном над полями, черной галкой спешит, торопится куда-то в старомодном ветхом шушуне старушка, подпираясь посошком.

— Возьмем,— предлагаю я шоферу.

— Не сядет, я ее знаю. Раз уж уговаривал — не села, в церкву спешит. Пешком надо,— усмехнулся и снова прочел:

Молюсь осинам... Может, пригодится...

— Шофера́ Есенина любят,— говорит он.— Я читал, а больше по слуху. Везешь, как вас, обязательно стишок услышишь, а он и запомнится. Мне другие стишки никак в голову не идут. В школе всегда пару за эту наизусть получал. А вот Есенина запоминаю. Не нарочно, а запоминаю. Как это у него: «Улеглась моя былая рана...» Улеглась — ишь ты, здорово! «Пьяный бред не гложет сердце мне...» Правильно. Иного так человека изгложет снутри, как крыса или червь какой. Снаружи вроде и справный, а нутром пустой, изгложенный.

Я смотрю вперед, на неожиданный и такой жданный на этой полевой ладони березняк и вдруг тихонько начинаю читать:

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

Шофер слушает. Мне кажется, запоминает. Прослушал, сказал:

— Этого я не слышал. «Дремлет взрытая дорога» — вон она.— И кивнул на проселок, что ухабисто и хлябно убегал от шоссе.

А потом мы долго молчим, и я слышу, как глубоко в сердце растет волнение. Так же волновался я, подъезжая к Пушкинским горам. И чем меньше остается пути, тем больше это волнение. И ты уже один, нет ни попутчиков, ни шофера, ни встречных — никого, только ты и это вот волнение.

Мелькают часовни, колодцы, околицы и плетни. И сердце по-старому бьется, как билось в далекие дни.

Молчит шофер, хороший малый, понимает, что ли, что нет сейчас слов, есть только песня, песня, которая родилась вот тут, в сердце белоголового мальчика.

Поздней, встретившись с Александрой Александровной Есениной, сестрой Шурой, я услышал ее рассказ о брате. Нет, она не вспоминала о Сергее Александровиче, мы просто разговаривали в небольшой бревенчатой горенке ее дома в Константинове, о погоде, об истории этих вот рязанских мест, о книгах, обо всем, о чем могут говорить при первой встрече незнакомые люди. Но все время в этом «общем» разговоре мы как-то вроде бы и невзначай говорили о Есенине. О нем, каким он был теперь уже в такие далекие двадцатые годы. То какая-нибудь фраза возвращала нас к нему, то белоголовый, синеглазый, с какой-то особенной лукавинкой и радостным светом — мне думается, что такие вот глаза были у деда,— внук Ванечка, то фотография на стене, то просто тучи, которые валом шли из-за Оки, обещая ветер и непогоду. Говоря обо всем, мы все-таки говорили о Есенине. От этой встречи в сердце осталось какое-то несказанное, синее, нежное чувство. Поэтому, прежде чем вести свой рассказ дальше, я хочу привести небольшой отрывок из воспоминаний Александры Александровны о брате:

«Помню приезд Сергея в мае — июне 1917 года. Была тихая, теплая, лунная ночь.

Дома на селе, освещенные полной луной, казались какими-то обновленными, а на белой церковной колокольне четко отпечатались густые узорные тени от ветвей берез. Все спали. Не было видно ни одного освещенного окна, а мы еще сидели за самоваром.

Напившись чаю, Сергей вышел погулять и остановился у раскрытого окна. Он был в белой рубашке и серых брюках. С одной стороны его освещала керосиновая лампа, стоявшая на подоконнике, а с другой стороны — луна. В барском саду громко пел соловей. В ночной тишине казалось, он совсем рядом. Захваченный чудесной песней, Сергей стал ему подсвистывать.

Эта картина мне хорошо запомнилась.

До 1921 года Сергей приезжал домой каждое лето, но воспоминания о нем у меня слились воедино. Помню, как к его приезду (если он предупреждал) в доме у нас все чистилось и мылось. Брат был самым дорогим гостем. В нашей тихой, однообразной жизни с его приездом сразу все менялось. Даже сам приезд его был необычным, и не только для нас, а для всех односельчан. Сергей любил подъехать к дому не на едва семенящей лошадке, как приезжали обычно другие, а на лихом извозчике, как тогда говорили, на «лихаче», а то и на паре. Приезжал Сергей, и в доме сразу нарушался обычный порядок: на полу раскрытые чемоданы, на окнах книги. Даже воздух в избе становился другим.

На следующий день происходило переселение. «Зал» (большая передняя комната) отводился Сергею для работы, а в амбаре он спал. На столе, за которым он работал, лежали книги, бумага, карандаши (Сергей редко писал чернилами), стояла настольная лампа с зеленоватым абажуром, пепельница, появлялись букеты цветов.

Остались в моей памяти некоторые песни, которые он, устав сидеть за столом во время работы, напевал, расхаживая по комнате, заложив руки в карманы брюк или скрестив их на груди. Он пел «Дремлют плакучие ивы», «Выхожу один я на дорогу», «Горные вершины», «Вечерний звон»...

Помню, как ходил Сергей: легкой, слегка покачивающейся походкой, немного наклонив свою кудрявую голову. Красивый, скромный, тихий, но вместе с тем очень жизнерадостный человек, он одним своим присутствием вносил в дом праздничное настроение».

В маленькой «зале» золотой бревенчатой избы много народу. Мне думается, что ни одна из русских деревенских изб никогда не видела столько людей. Построенные всегда, «как красота и мера укажет», дома наших предков редко бывают большими. С виду, с улицы, вроде и просторная хоромина, а войти внутрь — всегда очень милый, очень тесный избяной уют. Три-четыре комнатушки, все крохотные, и только «зала» — горница попросторнее. Оно и понятно, в тесноте, да не в обиде. Такую избу легче выставить, легче протопить студеной зимой. Зато сенцы всегда широки и просторны. Есенинский дом ничем не отличается от миллионов крестьянских домов России. Может быть, нынче он только во сто крат гостеприимнее самых гостеприимных домов. И люди идут и идут, и не слышно скрипа половиц, только шум, сравнимый, пожалуй, с шумом полноводной Оки, шум людских шагов. И так изо дня в день. Еще с тех пор, когда эти вот стены слышали шаги старой женщины, о которой с такой пронзительной нежностью и любовью были сложены строки сыновней признательности. Люди идут, и мне кажется, что бревенчатые золотые стены избы будто расступаются, делая эту горенку, эту избяную залу самым громадным залом, который когда-либо выстраивал человек. Иначе каким же образом может вместить в себя столько людей низкий дом с голубыми ставнями!

Деревенская девочка, работница музея, втиснулась в окно, присев на подоконник, глядит на улицу, говорит шепотом подружке:

— Гляди-ка, гляди-ка, никак Митька с Москвы приехал.

И это: «Митька с Москвы приехал» — сжимает сердце. Вот так испокон века встречала девическим шепотом деревня отлетевших искать счастья своих сынов. Наверное, так же не раз говорили тут:

— Гляди-ка, гляди-ка, никак Сергей из Москвы приехал...

Он любил этот дом деревянный, к нему возвращался не раз в своей жизни и всегда был предельно верен ему и честен в своей поэзии.

С Оки над холмами, напоенными неизреченностью животной, низко проплыл будто переваливающийся на мягких лапах гудок. Пароход «Сергей Есенин» сделал остановку в селе Константинове. По сыпучим песчаным тропинкам и без тропинок, топча сухой кукольник, мимо Бычьего холма и Калетного бугра медленно поднимаются в крутую гору люди. И тут, над вечным покоем Оки, над заречною тоскою озер и широких, высвеченных солнцем скошенных хлебных полей вдруг слышатся пушкинские вечные строки:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.

В Константиново за тот короткий срок, когда начал свою работу музей Есенина, беспрестанно, изо дня в день едут и идут люди. Их много, организованных экскурсий, туристов, просто решивших посетить родину поэта в выходной день или в отпуск, идут и едут колхозники, студенты, рабочие, учителя, писатели, гости из-за рубежа. В дожди, снегопады, в зной и холод.

Я медленно прохожу вслед за экскурсией по залам литературного музея, расположенного в бывшем помещичьем доме. Сыплет и сыплет дождь за окном. Белая чешуйчатая Ока. Мокрые деревья сада. А в залах музея тихо, и только опять этот прибойный шум людских шагов.

Бесспорно, что Есенин — один из самых читаемых и почитаемых наших поэтов. Свидетельством тому — молниеносно расходящиеся книги поэта, даже самое большое издание, вышедшее почти двухмиллионным тиражом приложением к «Огоньку», далеко не смогло удовлетворить читательские запросы.

Есенин любим народом. И вполне оправданно решение выстроить в селе Константинове гостиницу и Дом культуры. Вполне оправданны и затраты на это строительство и заботы областных организаций. Но вот, как говорится, реализованы капиталовложения. Построена гостиница, Дом культуры с выставочным залом и даже котельная с высокой заводской трубой. Выстроено все это на громадном чистом юру — недалеко от титовской кулижки, где когда-то стоял дом деда и где родился поэт, совсем рядом с Кашинским мемориальным домом. Место это красивое, видное. Краше, как говорят, не найдешь. Хорошо, конечно, но в этом хорошем есть небольшое «но».

Среди широкого русского села, утопающего в садах, среди резных наличников, среди тех узоров и орнаментов, о которых говорил Есенин: «Орнамент — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни...» — так вот, среди этой мелодии, среди этой вечной песни нелепо громоздятся два тесно подогнанных друг к другу серых, унылых здания. Эти казенные здания ко всему прочему по цоколю выкрашены черной, похоронной краской.

— Ничего не поделаешь,— говорят мне.— Типовое стандартное здание.

Может быть, оно и хорошо и практично, может быть, даже красиво в каком-нибудь другом месте, но тут строение это ровно что воловье ярмо на чистокровном скакуне.

Я глубоко убежден, что стоило только приложить капельку сердца к тем деньгам, которые были выделены специальным решением, как нашлись бы десятки отличных архитекторов, художников, оформителей, кто бы безвозмездно выполнил и проект и привязку его к месту. И это было бы наверняка продолжением вечной песни, новым аккордом в мелодии. Я не мог не рассказать об этой страничке истории села Константинова только потому, что почти каждый приезжающий сюда говорит об этом. А многие, очень многие оставляют записи в книге отзывов...

От Константинова до станции Дивово одиннадцать километров. Старичок, чем-то очень напоминающий есенинского Лабутю, сказал:

— До Дивово-то четырнадцать верст, это точно. Степью все по столбам, по столбам идите. Значит, Федякино будет, Шушпаново, а под Дивовом по правую руку — Летово.— И добавил: — Я все знаю, Есенина помню, мы мальчишествовали с ним, и потом приезжал. Ходил с рыбаками ловить рыбу, взяли тоню. Варили уху. Он потом все это описал, и что мне еще понравилося, всем книжки прислал с надписями, всем... И Иван Ивановичу, Русалке, значит.

Версты. Кто их считал, эти версты уходящей в даль дороги? Как птицы, свищут версты из-под копыт коня.

Я иду дорогой на Дивово, и брызжет солнце горстью свой дождик на меня. Непогодь

Рязанские пейзажи.

Фото М. Савина.

И ПУТЬ ЕЕ БЕСКОНЕЧЕН

Борис ИВАНОВ

Был ли Сергей Есенин на Ближнем Востоке? Что за вопрос, скажут мне почитатели творчества великого русского поэта. Конечно, не был. И его цикл стихов «Персидские мотивы» навеян отнюдь не небом Тегерана, не древним Ширазом. Да и сам он писал: «Не ходил в Багдад я с караваном». И все же вопреки, казалось бы, очевидной правде я скажу, что был. Нет, не в те далекие годы, когда создавались «Шаганэ ты моя, Шаганэ!». Или «В Хороссане есть такие двери»... Он пришел на Ближний Восток всего лишь пять лет назад, в день своего семидесятилетия. И куда! На берега Нила, обдуваемые жаром Нубийской пустыни. Свидетельствую об этом сам.

Есть такой городок в тридцати километрах от асуанских порогов, Сахара-сити. Он воздвигнут строителями высотной Асуанской плотины, или, как ее называют с гордостью арабы, Садд аль-Аали. Уникальный энергетический комплекс Садд аль-Аали вот-вот будет полностью завершен. В тот же год и день, вернее, вечер, о котором пойдет речь, работы на стройке были в самом разгаре — примерно на полпути от нулевой отметки до проектной.

В Сахара-сити, хоть и возник город в пятидесятых годах, одно из видных мест занимает мечеть. Протяжный голос муллы, усиленный мощными динамиками (и сюда проникла современность), ранними утрами будит жителей, призывая правоверных мусульман к молитве и труду. Молитва обрывается так же внезапно и резко, как и пески пустыни у границ города. Но есть в Сахара-сити еще одно сооружение, стоящее тоже в центре, как бы подчеркивая новизну города, социальные перемены, происходящие в Египте,— красивое здание клуба. Просторные залы, кабинеты, гостиные и террасы клуба служат местом отдыха как советским рабочим, инженерам, техникам, так и их египетским коллегам.

Переход от яркого дня к кромешной ночи на Востоке происходит быстро и неожиданно. Сумерки здесь недолги и почти незаметны. Только что висевшее над головой жаркое солнце начинает вдруг падать за горизонт, словно диск, пущенный чьей-то мощной рукой. Западный край неба — белесый, размытый — становится оранжевым, потом розовым, голубым, а восточный — густо-синим. С последним лучом, разрубившим золотой шашкой все эти краски, вспыхивают на черно-бархатном куполе мириады звезд-светлячков. Одновременно загораются и люминесцентные фонари Сахара-сити.

Помещение клуба быстро заполняется строителями и их семьями. Приходят сюда не только посмотреть фильм, сыграть в шахматы или шашки, почитать свежие газеты, обменяться новостями минувшего дня, но и обсудить технические проблемы, возникающие на строительной площадке. Кино обычно показывают на веранде второго этажа. Поднялся туда в тот памятный вечер и я. Но фильма на этот раз не было. На невысоком помосте стоял среднего роста человек в белой сорочке и медленно что-то рассказывал на арабском языке притихшей аудитории. Рассказ его был неровен. Человек часто останавливался, подыскивая нужное слово. В эти мгновения его большие серые глаза ищуще всматривались в слушателей, как бы прося их о помощи, а листок бумаги подрагивал в длинных нервных пальцах. Чувствовалось, что арабским языком он владеет слабо, но горячее желание поведать что-то очень близкое и дорогое было сильнее робости, которая охватывает обычно человека в подобном положении.

— Кто это? — спросил я у своего соседа, инженера Павла Морозова.

— А вы не знаете? — ответил он вопросом на вопрос и продолжил шепотом: — Наш инженер, Виктор Дмитриевич, рассказывает о своем великом родственнике. Сегодня же вечер, посвященный семидесятилетию со дня рождения Сергея Есенина. Арабы попросили... А язык-то он знает еще не здорово. Ну, ничего... Суть понимают. Видите, как слушают...

Виктор Дмитриевич Есенин был не только однофамильцем, но и действительно родственником поэта. Дед Сергея Есенина, Никита Осипович, приходился родным братом прадеда Виктора Дмитриевича. Это не такое уж отдаленное родство, ибо Виктор Есенин, советский строитель Асуана, родился в 1930 году, принадлежал ко второму поколению после Сергея Александровича. До девяти лет Виктор жил в селе Константинове, по соседству с домом Сергея Александровича. Окончил Московский строительный институт. Воздвигал Куйбышевскую ГЭС.

— Поэт — человек, избранник судьбы. Мы, строители,— люди, сами вершащие свою судьбу. Я тоже было попытался писать стихи. К счастью, быстро понял, что они значительно дальше от знаменитого образца, чем наше родство. Свет электрической лампочки не менее нужен людям, чем свет слова...

Это говорил мне Виктор Дмитриевич на другой день за чашкой кофе в маленьком баре клуба Сахара-сити. Сейчас же он не торопясь рассказывал о родине поэта, его земляках, о России — крае, милом сердцу. Потом был объявлен перерыв. «После антракта,— сказал ведущий— арабский инженер,— Виктор Есенин прочитает несколько стихотворений поэта на русском языке». Я думал, аудитория поредеет. Но никто не разошелся. Терпеливо ждали, хотя на веранде собралась не только интеллигенция — арабские специалисты, но и рабочие, в недавнем прошлом простые феллахи.

Надо отдать должное Виктору Дмитриевичу, стихотворения из цикла «Персидские мотивы» он прочитал очень хорошо. Конечно, не как профессиональный актер, но с тонким чувством слова и ритма. Каждую строку он произносил с волнением и удовольствием, словно любуясь ею. Не знаю, что так заворожило слушателей — то ли музыкальность стихов, то ли их форма, близкая к восточной поэтике, то ли доверительно-интимная интонация, но голос чтеца звучал в полной тишине. Минутами казалось, что люди понимают и смысл и содержание стихов: такие у них у всех были сосредоточенные лица.

Закончил Виктор Дмитриевич свое выступление стихотворением «Гой ты, Русь, моя родная». А когда с молодым задором, широко, голосисто он прочитал последнюю строфу:

> Если крикнет рать святая:
> «Кинь ты Русь, живи в раю!»
> Я скажу: «Не надо рая,
> Дайте родину мою»,—

все встали и долго аплодировали...

А я подумал: гениальное произведение никогда не стареет, не стирается, не тускнеет. Наоборот, с годами оно приобретает не замечаемые ранее краски, как бы поворачивается к новой эпохе своими новыми гранями. Нет для него ни языковых барьеров, ни государственных границ.

Если не удалось побывать Сергею Есенину на Ближнем Востоке в двадцатых годах, он пришел сюда в шестидесятых. И поэзия его, набирая шаг, уже идет по всему миру. И путь ее бесконечен.

ушла за дальний сторожевой, чуть темнеющий на горизонте частокол леса. И горит золотистым пламенем, вся в мелких бусинках дождя, полевая стерня.

Иду и думаю, что не случайно Гоголь был любимым писателем Сергея Есенина. На этих просторах срединной России так близок душе размах гоголевской прозы. Как часто в стихах поэта слышится неукротимый бег русской тройки! И этот бег, эта стремительность, верность пути вдруг оборачиваются беспредельной любовью к Родине, к России. Широта и стремительность многих, очень многих стихов Есенина суть русской души. Вот этой-то широтой, этим сокрытым ритмом движения и близки они миллионам людей. Каждый слышит в стихе отголосок собственной души.

Как от общения с родной природой приходим мы к поэтическому есенинскому образу, так же от общения со стихами поэта глубже и полнее понимаем мы свой национальный характер. Как-то очень мало говорится о философском начале есенинского творчества. А ведь каждое стихотворение, даже, казалось бы, очень далекое от философии, несет в себе громадную смысловую нагрузку, тот чисто народный подтекст, которым и велика русская речь, русский язык.

Беда многих ценителей есенинского наследия, на мой взгляд, в том, что до сих пор стихи его расценивают слишком лично, накрепко привязывают их к повседневной жизни поэта, к тем или иным **личным** событиям, к тем или иным лицам. Есенинский стих несоизмеримо шире личного круга поэта, его личных отношений. Он достояние национальное и интернациональное. Есенин в своих произведениях не был конкретен в описании какого-либо места, он ни в коем разе не был «областничем», поэтому образы, может быть, и родившиеся на рязанских раздольях, приемлемы для всей России. Сколько поэтичных названий мест рассыпано на родной рязанской сельщине поэта: Волхонь, Потеряевка, Белоборка, Журавка, Долгое, Пожень, Озера... Они так и просятся на бумагу. Их, конечно, хорошо знал Есенин, но ни одно из них не вошло в стихи. Даже Ока, которую так нежно любил поэт, ни разу конкретно не упоминается в его творчестве...

Мать. Его мать, Татьяна Федоровна Есенина, которой столько отдано поэтического сердца, все-таки воспринимается нами как обобщенный образ русской, многотерпеливой, нежной, умной матери.

В деревне Шушпаново я долго смотрю в лица старых женщин. Зашел напиться воды да и засиделся на приступках крыльца, занесенного багряной метелью листвы. И эта листва, густо оплакавшая деревенское крыльцо низкого дома, и эти вот лица матерей, их голоса, клен да ветла в палисаде напоминали мне снова и снова то, о чем так часто спрашивал в стихах поэт: как живет теперь наша корова, грусть соломенную теребя? Отгорела ли наша рябина, осыпаясь под белым окном? Что поет теперь мать за куделью?

И еще: ты запой мне ту песню, что прежде напевала нам старая мать; лишь немного глаза прикрою, вижу вновь дорогие черты; так приятно и так легко мне видеть мать и тоскующих кур; показалась ты той березкой, что стоит под родимым окном...

Как глубоки, как предельно чисты и просты эти чувства, и как они вечны!

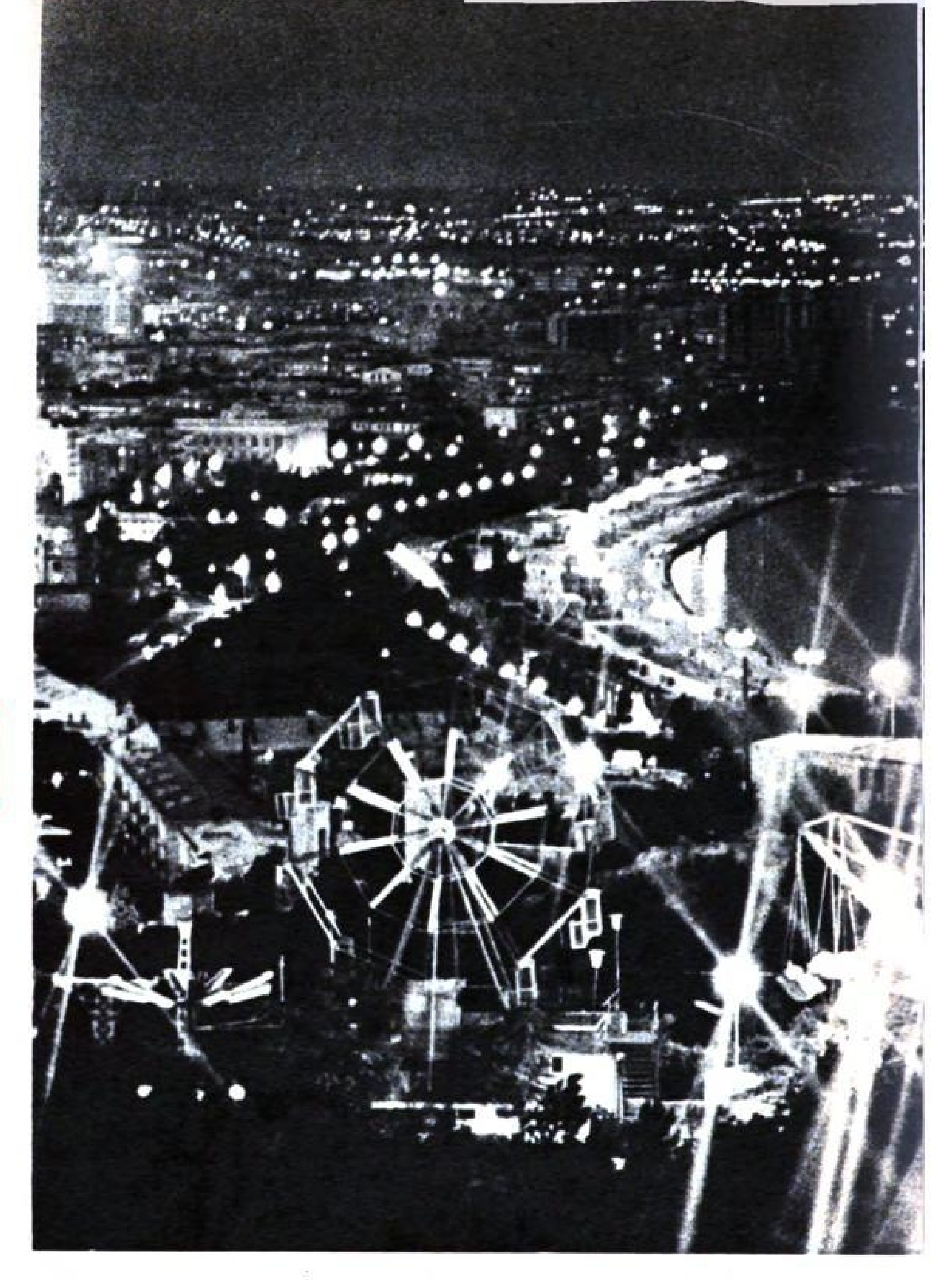
Вечны потому, что человек жив, пока жива любовь. Далеко-далеко уйдет вперед человечество. Незримыми мостами разума будут связаны между собой планеты. Наука постигнет то, что сейчас мы не в силах даже представить. Многое забудется, многое унесет навсегда Лета: вражду племен, ложь, и грусть, и еще многое, многое, с чем еще приходится мириться человеку. Но останется в сердце любовь, человеческая любовь, а значит, и вечно будет на устах людей стих великого поэта России — Сергея Есенина.

> Потому и навеки не скрою,
> Что любить не отдельно, не врозь —
> Нам одною любовью с тобою
> Эту родину привелось.

СОВЕТСКОМУ АЗЕРБАЙДЖАНУ — 50 ЛЕТ

Интервью «Огонька»

ПЛОДЫ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

Г. А. АЛИЕВ,
Первый секретарь ЦК КП Азербайджана

ВОПРОС. Коммунистической партии Азербайджана и Азербайджанской ССР исполнилось полвека. Что вы считаете главным итогом усилий, борьбы коммунистов за эти годы?

Ответ. Представьте себе довольно бодрого на вид человека. У него иссеченное морщинами лицо, седые усы, натруженные рабочие руки и 90 лет жизни за плечами. Вся республика решила справить день его рождения. Он сидел в зале Академии наук. Зал был полон. Юбиляра пришли поздравить нефтяники моря и суши, ученые, студенческая молодежь, руководители партии и правительства республики. Они чествовали ветерана, участника первых классовых битв бакинского пролетариата, бойца переднего края пятилеток, Героя Социалистического Труда Гюльбалу Алиева, а он молчал, стараясь не показать, что очень волнуется.

Я смотрел на него и думал, сколько он видел на своем веку, сколько пережил, а наверно, никогда не ожидал, что именно так будет отмечаться его девяностолетие. Из еще не утративших зоркости глаз старого нефтяника катились слезы... Да, ему было что вспомнить. Нужда заставила Гюльбалу покинуть родное село. Подростком пришел он в Баку, стал работать на нефтяных промыслах. На тех самых промыслах, которые даже у молодого Горького, повидавшего немало страданий народных в своих скитаниях по Руси, оставили неизгладимое впечатление страшной картины ада.

В этом капиталистическом аду и проходил Гюльбала свои «университеты». И когда в ночь с 27 на 28 апреля 1920 года в городе началось вооруженное восстание, он был в числе борцов за победу Советской власти. Это к нему и к таким, как он, были обращены слова Владимира Ильича Ленина, выразившего твердую уверенность в том, что «...республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма». Мы знаем, что предвидение великого учителя трудящихся сбылось. Молодая Советская республика, ее народ, а вместе с ним и рабочий человек Гюльбала Алиев отстояли завоеванную под руководством партии коммунистов свободу и пошли по указанному Лениным пути, чтобы строить новую, радостную жизнь, в которой нет и не может быть капиталистической кабалы, нищеты и бесправия.

Кем был до революции Гюльбала Алиев и такие же, как он, труженики? Царские чиновники, капиталисты, беки и ханы не считали их за людей, наживались на их крови и поте. В царской России все было подчинено одной цели — держать трудовой народ в цепях угнетения и невежества. Самые гнусные, самые подлые средства пускались в ход для того, чтобы разжечь межнациональную рознь, расколоть крепнущее единство трудящихся. Всему этому положила конец социалистическая революция, ликвидировавшая социальный и национальный гнет, создавшая предпосылки для всестороннего расцвета народов, могучего духовного роста советских людей.

Гюльбала Алиев стал мастером по сложным ремонтным работам, вернувшим к жизни не одну сотню нефтяных скважин. Он был среди тех, кто в предельно сжатые сроки осуществил техническую реконструкцию азербайджанской нефтяной промышленности. Носитель славных революционных традиций бакинского пролетариата, уста[1].

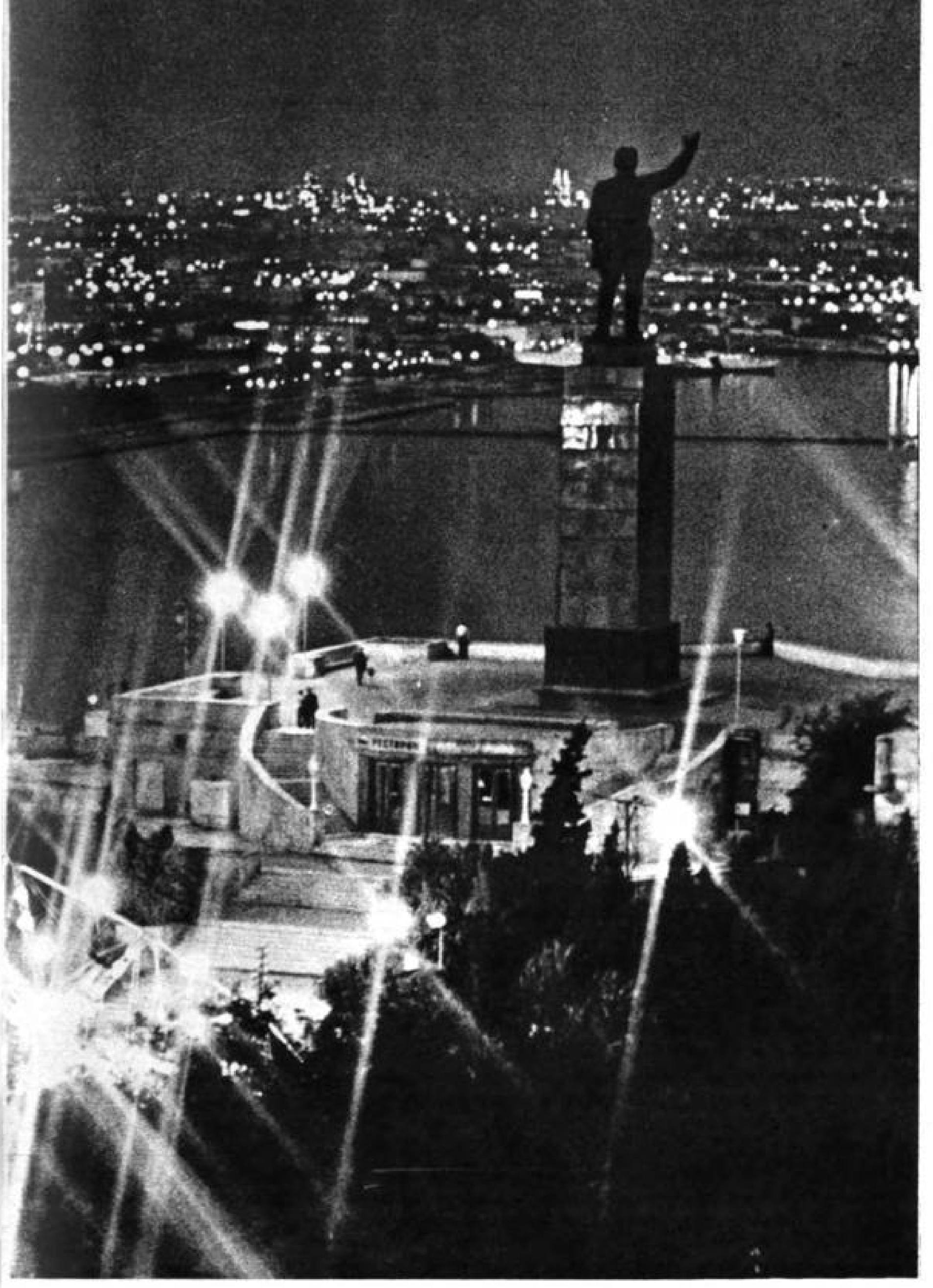
Гюльбала воспитал несколько поколений нефтяников, передав им свои знания, опыт, непримиримость к рутине и недостаткам, страстную преданность делу коммунизма. Скромный, полуграмотный рабочий паренек, впитавший в себя мудрость рабочего класса, стал государственным деятелем, научился управлять своей страной, зарекомендовал себя подлинным слугой народа, выполняя высокие обязанности депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета республики.

Так сложилась жизнь одного из рядовых тружеников нашей республики, Гюльбалы Алиева. В ней, как в капле воды, отразились великие перемены, происшедшие в судьбе азербайджанского народа за годы Советской власти. Думается, что рассказ о жизненном пути ветерана-нефтяника будет конкретным ответом на вопрос, чего добились коммунисты Азербайджана, за что отдали свою жизнь бессмертные 26 бакинских комиссаров. Минувшие полвека принесли нашему народу счастье и процветание. Успехи социалистического строительства в Азербайджане и в других братских республиках Советского Союза имеют огромное историческое значение, служат вдохновляющим примером для миллионов людей во всем мире.

ВОПРОС. Юбилей Советского Азербайджана отмечается в год столетия со дня рождения В. И. Ленина. С именем Владимира Ильича неразрывно связана героическая борьба трудящихся Азербайджана за свое социальное и национальное освобождение. По образному выражению С. М. Кирова, «Ильич за тридевять земель слышал биение сердца бакинских пролетариев». Ленин и Азербайджан. Расскажите об этом поподробнее.

Ответ. У колыбели Советского Азербайджана стоял В. И. Ленин. Все, чем сегодня богат и славен наш цветущий край, озарено гением

[1] Уста — в переводе с азербайджанского мастер.

Огни Баку. **Фото Л. Шерстенникова.**

Ильича, его всепобеждающими идеями. Национальная политика, разработанная Лениным, отвечала вековым чаяниям народов бывшей Российской империи и была горячо поддержана ими.

Азербайджанская партийная организация, трудящиеся нашей республики постоянно чувствовали огромное отеческое внимание Владимира Ильича. По его указаниям и под его непосредственным руководством проводилась вся практическая работа, связанная с развитием большевистских организаций, становлением и укреплением Советской власти в республике. Известно множество высказываний, телеграмм, записок, писем Владимира Ильича, в которых отражены важнейшие этапы борьбы азербайджанского народа за свое социалистическое будущее. Ленин постоянно требовал от правительственных органов Советской России усилить заботу о Баку, посылать пролетарскому городу на Востоке хлеб, ткани, хотя молодая Страна Советов остро нуждалась во всем этом. И нефтяники Баку не остались в долгу перед Родиной. Ценой героических усилий, борясь с разрухой и контрреволюцией, они посылали в Россию нефть, чтобы утолить топливный голод. Вспомним организованные врагами Советской власти поджоги сураханских промыслов в апреле 1922 года. Из огня пожарищ мы вышли еще более закаленными, обогатившимися опытом классовой борьбы. С каждым годом ширилась нефтяная река, текущая из Азербайджана в Россию.

В известном ленинском письме коммунистам Азербайджана и других республик Кавказа выражалась надежда вождя революции на создание образца национального мира. Мы имеем полное право сказать, что этот ленинский наказ выполнен.

История не знает такой дружбы, какой связаны народы СССР. И начало ей положил великий русский народ. Он всегда подавал и подает нам пример интернационализма, стойкости, мужества, бескорыстия. Дружба народов нашей Родины — наша гордость, наше счастье, наше величайшее богатство. Азербайджанский поэт и мыслитель Низами писал восемьсот лет назад:

Там, где раздор, не избежать беды,
А дружбе — счастья пожинать плоды.

Советские люди не первый год пожинают плоды своего интернационального братства. Дружба наших народов уходит корнями в седую древность. Но она дала новые могучие всходы благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии Советского Союза. Мы помним и завещаем детям никогда не забывать о том, как русский народ и другие братские народы нашей страны помогали нам в развитии экономики и культуры, претворении в жизнь заветов великого Ленина.

ВОПРОС. В революционной истории Азербайджана, в борьбе трудящихся республики против фашистского нашествия, в годы мирного строительства было много подлинных героев, память о которых не меркнет в сердцах. Назовите хотя бы некоторые из этих имен.

Ответ. Назову сначала женское имя Нина. Знакомые с историей революционного движения в Закавказье знают, что так называлась для конспирации бакинская подпольная типография, где печатались в 1901—1903 годах ленинская «Искра», пропагандистские брошюры и листовки. О том, какую неоценимую пользу приносила она распространению марксизма не только в Баку, но и в других промышленных центрах России, говорили В. И. Ленин, Н. К. Крупская.

Одним из первых марксистов-азербайджанцев был Мешади Азизбеков. Начало его революционной деятельности относится к девяностым годам прошлого столетия. В годы первой русской революции он принимал активное участие в работе Бакинского комитета большевиков, организовал боевую дружину для отпора черносотенцам. Большевик-ленинец, один из организаторов Бакинской коммуны, он после временного падения Советской власти в Баку был расстрелян 20 сентября 1918 года английскими интервентами и эсерами в числе 26 комиссаров. Вместе с ними пали в песках Закаспия революционеры ленинской школы, испытанные руководители бакинского пролетариата Степан Шаумян, Алёша Джапаридзе, Иван Фиолетов, Григорий Корганов, Яков Зевин, Миргасан Везиров и другие. Сами фамилии мужественных борцов за свободу народа говорят о славных интернациональных традициях коммунистов Азербайджана, партийной организации республики.

Бережно хранят в своей памяти трудящиеся Азербайджана образ Наримана Нариманова, большевика-ленинца, безраздельно посвятившего себя борьбе за счастье народа. В. И. Ленин встречался с Н. Наримановым, слушал его доклады о положении в Азербайджане, ценил его знания и опыт. Талантливый писатель, знаток Востока и публицист, Н. Нариманов был пламенным пропагандистом марксистско-ленинского учения. 28 апреля 1920 года он возглавил Азербайджанский Революционный комитет, а год спустя был избран председателем Совнаркома республики.

Гордимся тем, что на протяжении многих лет в организации борьбы за победу и упрочение Советской власти коммунистам Азербайджана оказывали большую помощь и поддержку выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров и другие.

С именем Сергея Мироновича Кирова, замечательного сына русского народа, талантливого ленинца, трибуна революции, секретаря Центрального Комитета Компартии Азербайджана, связаны первые и поэтому особенно трудные годы укрепления партийной организации, становления Советской власти в Азербайджане, развития его экономики и культуры. Под его руководством партия проводила огромную работу по интернациональному воспитанию народа. Здесь, в Баку, писал С. М. Киров, на этом огромном пересечении дорог, ведущих во все углы земного шара, на деле, в жизни, на практике сумели осуществить одно из величайших требований нашей программы — международное братство.

В нашей короткой беседе невозможно перечислить, рассказать о всех тех, кто стоял на революционном посту, сражался против врагов революции, строил в Азербайджане социализм. Это — герои восстановления народного хозяйства! Это — нефтяники, выполнившие первую пятилетку за два с половиной года! Это — организаторы первых колхозов, строители новых промыслов, заводов, фабрик, МТС...

Духовный рост советского человека с особенной силой проявился в годы Великой Отечественной войны. 114 лучших сынов республики удостоились Золотой Звезды Героя Советского Союза. Имена Ази Асланова, Нельсона Степаняна, Мехти Гусейн-заде навсегда войдут в летопись великих подвигов советского народа, избавившего человечество от угрозы фашистского порабощения. Под стать воинской доблести фронтовиков был трудовой героизм тех, кто ковал в тылу оружие победы. Этого забыть нельзя.

ВОПРОС. Ленин подчеркивал, что единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. За полвека валовая продукция промышленности Азербайджана возросла почти в 70 раз, количество рабочих и служащих достигло 1,2 миллиона человек. Прокомментируйте, пожалуйста, эти впечатляющие цифры.

Ответ. Да, в нашей промышленности произошли огромные не только количественные, но и качественные изменения. Сейчас республика выпускает за 12 дней столько продукции, сколько производилось в дореволюционном Азербайджане за год. Созданы такие новые отрасли индустрии, как химическая, горнорудная, электротехническая, черная и цветная металлургия, приборостроение. Мощное развитие получили традиционные отрасли — нефтяная, нефтеперерабатывающая, легкая и пищевая.

Анализ показывает, что развитие промышленности идет за счет новых предприятий, оснащенных высокопроизводительной техникой, применяющих современные технологические процессы. Именно они и определяют теперь «лицо» нашей индустрии, раскрывают перед ней широкие перспективы дальнейшего роста.

Как символ индустриальной мощи республики встают молодые индустриальные центры Сумгаит, Мингечаур, Дашкесан, Али-Байрамлы. Индустрия шагает в сельские районы республики, ближе к источникам сырья, туда, где есть необходимые для нее трудовые ресурсы.

Азербайджан производит сейчас широкий ассортимент нефтяного оборудования и нефтепродуктов, удобрения, гербициды, электродвигатели, сталь, прокат, алюминий, каучук, различные приборы, средства автоматики и телемеханики, телевизоры, холодильники, электротехнические изделия, железный концентрат и многое другое.

С началом разработки морских месторождений нефтяная промышленность республики как бы обрела вторую молодость. Сейчас на долю морских промыслов приходится более 63 процентов нефти и 68 процентов газа, добываемых в Азербайджане. О «Каспийской Венеции» — городке-промысле Нефтяные Камни знает весь мир. А сейчас стремительно развиваются два новых газонефтеносных района — растут, как говорят бакинцы, младшие братья Нефтяных Камней.

С каждым годом индустрия республики все более упрочивает свои позиции на международном рынке. Азербайджан уже экспортирует около 300 видов своей продукции в 56 зарубежных стран.

Стремительный подъем нашей социалистической промышленности связан, как я уже отмечал, с техническим прогрессом, внедрением достижений науки. Плодотворно работать на таких предприятиях могут лишь люди высокой квалификации, способные не только вести процесс на верхних пределах технологической карты, на оптимальных режимах, но и отыскивать новые резервы повышения эффективности производства, двигать его вперед. Такие кадры рабочих, техников, инженеров мы готовили и с помощью других союзных республик. Нас радует неуклонное повышение культурного и профессионального уровня рабочего класса республики. Теперешний рабочий больше знает и больше умеет. Это подтверждается развитием технического творчества, принявшим массовый характер движением за совмещение профессий, многостаночное обслуживание, многочисленными новаторскими починами участников ударной вахты, посвященной XXIV съезду КПСС и полувековому юбилею республики.

Этот качественный рост рабочего класса укрепляет у нас, коммунистов, уверенность в успешном решении задач коммунистического строительства. Во всей своей многогранной работе азербайджанская партийная организация опирается на рабочий класс, пополняет за счет его свои ряды, черпает в нем новые силы.

ВОПРОС. Люди, труд которых связан с землей, веками выращивали на этой земле урожаи, пасли скот, кормили города. Больше ли стало используемой земли в республике? Какие перемены произошли с землей за годы Советской власти?

Ответ. Используемых, введенных в сельскохозяйственный оборот земель стало в два раза больше. Это достигнуто в результате осуществления большой программы мелиоративных и ирригационных работ. Если проехать сегодня в двуречье Куры и Аракса, по Муганской и Мильской степям, да и по другим районам республики, повсюду в каналах журчит вода. Она промывает засоленные участки, поит посевы, сады, виноградники и пастбища. Следуя заветам Ленина, мы основательно используем для этой цели воды Куры и других рек. Только за последние годы создано несколько больших и малых искусственных водохранилищ. Сейчас на пограничной реке Аракс совместно с Ираном сооружается крупный гидроузел, который позволит оросить десятки тысяч гектаров. Граница, как видите, не явилась помехой для этой стройки дружбы, которая послужит дальнейшему укреплению добрососедских отношений между двумя государствами. Еще более улучшится водный баланс сельского хозяйства республики с окончанием строительства Акстафинского «моря» на западе Азербайджана и Сарсангского гидроузла в Нагорном Карабахе.

Коренные сдвиги произошли за 50 лет в сельском хозяйстве Азербайджана, на вооружении которого сейчас находятся сорок семь тысяч тракторов, около шести тысяч хлопкоуборочных машин, зерновых комбайнов и много другой техники. Приведу еще такую цифру: потребление электроэнергии в сельском хозяйстве возросло по сравнению с 1940 годом почти в 54 раза.

Вы спрашиваете, что нового родит азербайджанская земля? Пожалуй, здесь всегда выращивали хлеба, виноград, овощи, фрукты, табак и, наконец, хлопок, занимались шелководством. Только сейчас их производится в 3,4 раза больше, чем в 1913 году. А вот чай — это уже сравнительно новая культура. До революции у нас не было чайных плантаций, а теперь они занимают почти весь юг республики — благодатную зону субтропиков. Там же, на юге, недавно создана крупная, построенная на современной основе база раннего овощеводства. Развивается в республике и животноводство.

Духом решений июльского Пленума ЦК КПСС проникнуто постановление о мерах по развитию сельского хозяйства Азербайджанской ССР. Трудящиеся нашей республики горячо благодарят партию и правительство за огромную помощь, оказываемую сельскому хозяйству Азербайджана. Это — новое свидетельство постоянной заботы партии о развитии экономики союзных республик, новое проявление претворения в жизнь ленинской национальной политики.

ВОПРОС. Расскажите, какую работу проводят партийные и государственные органы Азербайджана в области здравоохранения. Ведь по количеству долгожителей Азербайджан занимает одно из первых мест в мире.

Ответ. Долгожителей, кому перевалило за 100 лет, у нас действительно много. Все они взяты на учет, находятся под постоянным наблюдением врачей, о них заботятся колхозы и совхозы. Причины их долголетия изучают ученые. Очень интересны, на мой взгляд, и данные о средней продолжительности жизни людей, населяющих Азербайджанскую ССР. Сейчас это 72 года, а прежде, до революции, всего 27 лет. Уже один этот факт лучше всяких слов говорит о повышении жизненного уровня, улучшении условий труда и быта, высоком уровне организации здравоохранения.

Двенадцать тысяч врачей и около 40 тысяч специалистов со средним медицинским образованием несут у нас вахту здоровья. Давно исчезли трахома и малярия — раньше это был бич нашего края. В самых широких масштабах проводятся профилактические и лечебно-оздоровительные мероприятия. Все более эффективной делается борьба с такими недугами, как ревматизм, гипертония, стенокардия, язвенные болезни желудка, сердечно-сосудистые заболевания и другие. За последние годы создан ряд специализированных больниц, оснащенных новейшей техникой. Растет сеть медицинских учреждений в городах и селах. Многие предприятия нефтяной, нефтеперерабатывающей, химической и других отраслей промышленности имеют свои здравпункты и диспансеры, ночные санатории. Десятки тысяч трудящихся поправляют ежегодно свое здоровье в санаториях и домах отдыха республики, а целебная нафталанская нефть давно завоевала мировую известность.

ВОПРОС. Творчеством каких великих деятелей культуры богато прошлое Азербайджана? Что сегодня особенно радует в культурном облике республики?

Ответ. Навечно вошли в сокровищницу мировой культуры творения Низами, Хагани, Насими, Физули, Мирза Фатали Ахундова, Сабира и других мыслителей и поэтов нашего народа. Их традиции достойно продолжили писатели старшего поколения советского времени, такие, как Джафар Джабарлы, Самед Вургун, Джалил Мамедкулизаде, А. Ахвердов, Мамед Саид Ордубады, Микаил Мушфиг, произведения которых знают и любят во всех уголках Советского Союза, читают во многих зарубежных странах.

Годы Советской власти прошли под знаком бурного развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры азербайджанского народа. Сейчас у нас учится каждый третий гражданин республики! Республика насчитывает 13 вузов, 100 тысяч студентов. Вы можете спросить: работали же и раньше в нефтяной промышленности Азербайджана дипломированные инженеры? Да, такие были, но азербайджанцев — всего 12 человек. А теперь в народном хозяйстве занято 158 400 азербайджанцев с высшим и средним техническим образованием.

Сейчас в вузах Азербайджана учатся более 900 иностранных студентов и аспирантов из 38 стран мира. Местные газеты часто публикуют письма наших специалистов, помогающих освободившимся от колониальной зависимости народам создавать свою национальную экономику. Ученые республики, осуществляя программу научно-технического сотрудничества, установили связи с научными учреждениями 52 государств. Мы видим во всем этом свой интернациональный долг, долг солидарности с народами, ставшими на путь социального прогресса.

У нас теперь 7 160 массовых библиотек, 2 тысячи клубов, 12 театров. И все это очаги культурного развития народа, коммунистического воспитания трудящихся. Тираж издаваемых книг увеличился в 73 раза против 1913 года.

Пятьдесят лет назад в Азербайджане не было ни одного научного учреждения. А сейчас у нас есть Академия наук, в ее системе, в системе министерств и ведомств действуют 136 различных научно-исследовательских институтов и учреждений. Ученые Азербайджана обогатили отечественную и мировую науку фундаментальными трудами, особенно в области геологии и добычи нефти, нефтехимии.

Наша художественная творческая интеллигенция живет одной жизнью с народом, рассматривает свое творчество как участие во всенародной борьбе за торжество коммунизма. Все более возрастает роль литературы и искусства в строительстве новой жизни, формировании коммунистического мировоззрения. Многие произведения азербайджанских литераторов, композиторов, художников, скульпторов завоевали мировое признание. Недавно театральный Париж рукоплескал нашему азербайджанскому балету.

ВОПРОС. Что дала Советская власть женщине Азербайджана?

Ответ. Раскрепощение азербайджанки, лишенной прежде почти всех человеческих прав, отгороженной от жизни чадрой, словно тюремной решеткой, является, на мой взгляд, одним из самых весомых завоеваний социалистической революции. Это была подлинно революционная ломка старых, узаконенных веками отношений и взглядов, навязанных народу силами реакции. Те времена не вернутся никогда. И нет такой силы на земле, которая заставила бы нынешнюю азербайджанку, активную созидательницу коммунистической нови, обречь себя на унизительное бесправие.

Сейчас женщины составляют сорок процентов общего числа рабочих и служащих в народном хозяйстве республики. Среди специалистов с высшим и средним образованием сорок один и четыре десятых процента женщин. Около 1 100 женщин имеют ученые степени доктора и кандидата наук, 142 женщины награждены Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. 145 депутатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета Азербайджанской ССР — женщины. Такими матерями, сестрами, подругами, соратницами по борьбе за коммунизм можно только восхищаться.

* * *

Хотелось бы еще рассказать о многом, что характеризует сегодняшний день республики. Набирает темп «белая жатва» — уборка урожая хлопка. Коллективы ряда предприятий и строек уже рапортовали о досрочном выполнении заданий пятилетки. Наши земляки отлично работают во многих нефтяных районах страны.

Завоевания Советской власти в нашей стране, в любой из братских республик СССР поистине беспримерны и огромны. Лишь в сказках, выражающих заветные чаяния народные, мертвые пустыни мгновенно превращаются в цветущие сады. В жизни так не бывает.

И если необъятные просторы нашей Родины неузнаваемо преобразились, если весь мир дивится делам советских людей, их духовной красоте, то это результат титанического созидательного труда советских народов и прежде всего нашего старшего брата — великого русского народа. Это результат мудрого руководства партии, уверенно ведущей нас к сияющим вершинам коммунизма.

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Расул РЗА,
народный поэт
Азербайджана

ПИСЬМО

НАСИМИ, ФИЗУЛИ, САБИРУ

с любовью к ним,
в назиданье иным.

Думаю вот о чем:
имею ль я право
называть вас
прадедом, дедом, отцом?
Иль навсегда
онеметь от стыда?
Завоевал ли я гордость сыновью
смелостью,
ненавистью,
любовью?

Великое вам спасибо,
ибо
вы не хулили народов других.
Человеком вошел в историю
и остался в ней Человеком
каждый из вас троих.
А в жизни народа всего хватало —
немало нашествий и бедствий
немало.
Великое вам спасибо
за то, что ни в ваших сердцах,
ни в ваших стихах,
хоть били несчастья порой
вперехлест,
ожесточенность и злоба
свить не посмели гнезд.
Если один злодей
бесчинствовал, будучи в силе,
тысячам и миллионам людей
в ярости вы не мстили.

Я люблю мой народ —
для меня за словами этими
отчаянье, сотни потерь, невзгод
и чаянья с лихолетьями.

Я люблю мой народ —
в этих словах любовь
к людям добрым,
ко всем народам,
а более к тем из них,
чьи судьбы ныне в руках чужих.

Я люблю мой народ —
не потому только, что он мой,
люблю,
потому что в начале девятого века
он на алтарь свободы принес
бесстрашного, бессмертного
борца за свободу —
Бабека;
потому что уже на моем веку
он отстроил Баку
силою братства заново;
потому что Ленину
дал он в сподвижники
Нариманова...

Нет, не прославленные одни,
а все, кто славу принес ему,
мне жизни дороже,
и те, кто ничем его не прославил,
однако и славы его не убавил,—
мои тоже.

Великое вам спасибо —
не злобу и разобщенье
вы завещали мне
и не Исусово всепрощенье,
не безродность, беспомощность
и бессердечность,—
мужество и справедливость
оставили вы, отошедши
в вечность.

Вы научили нас
вести себя по-людски с людьми,
с другом — как друг,
с врагом — как враг.
Разве не так,
отец мой Сабир,
дед Физули,
прадед мой Насими?

На расстояньи шести веков
видит весь мир
тебя, Насими,—
богоборец, бунтарь
на главной площади Алеппо.
Где подстрекатель и где палач,
что кожу с тебя, живого, сдирал
свирепо?
А ты и ныне, как встарь,—
на главной площади Алеппо.

Бессмертный печальник мой,
Физули,
жил ты от родины милой вдали,
старец, чье имя вовеки юно,
удочерил ты Лейли,
усыновил Меджнуна —
их, детей арабской земли,
ты не считал чужестранцами,
и кому какая беда,
если стали они навсегда
благодаря твоему перу
отчасти азербайджанцами!

Индия, Турция, Иран —
сколько на свете стран
в ближнем и дальнем соседстве,
а между ними — Азербайджан,
что разделял всегда
тяжесть бесчисленных бедствий.

Человек человеку — брат.
При этих словах встают пред
тобой
каждый бедняк, каждый батрак,
что вышли в последний бой.

Великое вам спасибо,
живите, родные, вечно,
в ваших словах нет злобы,
в ваших заветах — истина,
правда всегда человечна,
правда всегда воинственна.
Вы в потомках своих обрели
вечную память и вечную славу.
Прадедом, дедом, отцом
я вас называю по праву.

Перевел Владимир КАФАРОВ.

Мирварид
ДИЛЬБАЗИ

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

В учебнике родного языка
Зачитываюсь я страницей каждой.
Вот сена стог.
Вот вилы.
Вот кирка.
Вот сыну мать носки из шерсти
вяжет.
Вот виноградник
(Тень его густа).
Вот ласточка присела у гнезда.
Вот клюв ее
(В нем то кора, то зерна).
А вот птенцы,
Кричащие упорно.
Вот пахарь
(У него сгорел чалтык [1]).
Вот засуха...
Правдивей нету книг!
Вот бек жестокий.
Вот батрак печальный.
Люблю учебник школы я
начальной.
Описано в нем,
Как перед косьбой
Целует землю-мать народ
простой,
Как зреет колос — урожая
вестник.
Учебника параграфы,
Как песни,
Звучат во мне, напоминая вдруг,
Как я сама впервой за парту села,
Училась по складам читать
несмело.
Мне по доске мелка привычный
стук
Теперь бывает вспомнить недосуг.
В учебнике я вижу детства
звезды,
Опять родных полей
Вдыхая воздух.
Когда учебник раскрываю вдруг,
То возникают в сочетаньи букв
Приметы родины:
Равнины, реки,—
Все то, что не забуду я вовеки.
О, как мне эта книга дорога:
Над ней всегда готова я
склониться,
Чтобы шуршали сладостью
страницы
Учебника родного языка.

Перевел Анисим КРОНГАУЗ.

[1] Не очищенный от шелухи рис.

Вот он, наш хлопок!

А. ДЖАЛИЛОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Упрямые ребята из Ляк

Мы спешили в Ляк, в колхоз «Советский Азербайджан». Колхоз этот известен в республике. Председателем там Василя Загидова — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. Хозяйство крепкое, передовое. Но мы-то ехали в Ляк для того, чтобы найти ответ на один вопрос: «Почему в разгар приемных экзаменов в вузы весь выпуск десятого класса лякской школы решил остаться работать в колхозе?»

Первое сообщение об этом событии появилось в республиканской печати два года назад, и вопрос, на который мы хотели сейчас получить ответ, был бы запоздалым, если бы пример выпускников 1968 года не оказался столь заразительным: в прошлом году все было точно так же, как и в позапрошлом, и в нынешнем все выпускники лякской школы вместе с аттестатами зрелости получили новенькие удостоверения членов колхоза «Советский Азербайджан». И

У здания правления.

Хлопковый поезд.

все это добровольно, без нажима и громких фраз.

Почему так происходит? Сначала мы задали этот вопрос первому секретарю Уджарского райкома партии С. Исмаилову.

— Я уверен, что из этого хозяйства никто и никуда не уйдет. Спросите почему? Ответ может показаться традиционным: ну, скажем, зажиточное хозяйство, умный председатель, неплохие условия — бытовые, культурные и так далее. Но это не все. Есть там нечто такое... Короче говоря, это надо увидеть и почувствовать.

Секретарь райкома комсомола Эльхан Султанов попытался раскрыть это «нечто»:

— Я бы сам с удовольствием там поработал. Я бываю у них часто, и каждый раз у меня такое чувство, будто приезжаю не в большое село, а в семью хороших и добрых знакомых, где каждый знает свое место и где все ладят. Ну, может быть, хотя бы потому, что хорошо знают не только свои достоинства, но и недостатки...

Итак, мы спешили в Лян. Впереди густая зеленая полоса. Лес? Нет, сады.

Перед правлением, которое занимало небольшое крыло в колхозном клубе, бил фонтан. Пряно пахло розами, мокрыми листьями, радуга зыбко играла в фонтанной струе.

Первая встреча с Ибрагимом-Муэллимом — директором одной из трех лянских школ. Записываем цифры: из 113 выпускников последних четырех лет 96 остались в колхозе. А на наше «почему?» директор ответил так:

— Надо знать нашего председателя и историю нашего села.

Когда-то, не очень давно, на этом месте была целина. Потом начали тут сеять рис. Место оказалось благодатным. Но не все шло гладко. Было время, когда стали уезжать из села люди. Рушились традиции. Да и колхоз долгое время оставался хилым.

А Василя Загидова сумела заставить людей поверить в свои силы. Шестнадцать лет назад ее,— продолжал Ибрагим-Муэллим,— избрали председателем. С тех пор дела пошли в гору. Замечательный человек наша Василя. И молодежи тут не надо задумываться, «делать жизнь с кого». Такой человек рядом! Поэтому я не удивляюсь тому, что наши выпускники так тянутся в колхоз. Интересно, что председатель наш только сейчас решила продолжить свое образование. Но это в ее правилах: «Учиться никогда не поздно». Она это часто повторяет.

С председателем мы встретились на полевом стане. Она шла нам навстречу, и было такое ощущение, будто мы давно знаем друг друга.

Как водится, сначала поговорили о погоде: дескать, жара.

— Я так боялась, что будет прохладно,— неожиданно заключила Василя и, заметив наше недоумение, улыбнулась,— иначе коробочки не раскроются. Хлопок любит жару.

— План все равно в этом году мы перекроем,— как бы продолжая мысль председателя, заметил бригадир Сухрай Гамбаров.— В прошлом году мои «школьницы» по 7—8 тонн собрали. В этом году они работают расторопней,— и, обернувшись к стоявшей неподалеку девушке, спросил: — Вот ты, Таира, скажи, сколько вчера собрала?

— Мало,— засмущалась та,— сто килограммов.

Сто килограммов действительно далеко не предел для лучших сборщиц. Вспомнили выпускника 1968 года Юсифа Рустамова, который сдавал в день по 200 килограммов сырца.

— Мы его в этом году в вуз послали,— заметила Василя-ханум.— Способный юноша, пусть учится, ждем его с нетерпением...

Потом они все вместе, нагнав на лица притворную сосредоточенность, позировали перед фотокамерой.

— Девочки,— со смехом корила председатель обступившую ее стайку,— не надо быть такими серьезными.

Вероятно, нам не смогли исчерпывающе ответить на наши «почему?». Но многое стало ясным. Во всяком случае, мы убедились, что, помимо хороших условий работы, богатых угодий, щедрой казны и других материальных и духовных стимулов, очень важными являются личное обаяние, непосредственность в общении. И, наконец, не растраченное годами умение заботиться о людях.

А потом девчата на председательской машине уезжали в поле. Среди них были и те, кто перешел в этом году в десятый.

— Будущую смену надо беречь,— бросила в шутку Василя-ханум, усаживая одну из школьниц рядом с шофером.

— И они останутся в колхозе?

— А вы спросите у них!

Девушка улыбнулась:

— Если правление не откажет...

Василя Загидова — председатель с 16-летним стажем.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

...Предусмотреть дальнейшее освоение морских нефтеносных площадей.

(Из Директив XXIII съезда КПСС.)

Ия МЕСХИ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

РАЗВЕДЧИКИ В СТАЛЬНЫХ ПЕРЧАТКАХ

Шаги по дну

Здесь все делается так же, как на земле, только между людьми и землей расположилась вода. Стоит себе и тихо колышется, отсвечивает на рыжих сваях, играет бликами.

Надо мириться с тем, что вода расположилась на семи десятых поверхности земного шара и только на остальных трех десятых теснится человечество. И все активнее заглядывает в эту пока что неудобную для жизни и деятельности среду, строит далекие планы, исследует возможности.

А на дне идет жизнь. Не только та, таинственная, с актиниями и морскими звездами, с кораллами и акулами, но самая что ни на есть человеческая, земная. На дне установлены металлические конструкции, по дну проложены трубы; другие трубы вонзились на несколько километров вглубь. И все это имеет практический смысл для нужд людских, сегодняшних, неотложных нужд.

Но есть еще одно, очень важное: все эти конструкции непрерывно совершенствуются, и, может быть, возникнут когда-нибудь в глубинах морей и океанов базы и поселения, прииски, шахты и плантации. И те будущие люди примутся вспоминать, кто же первый стал хозяйничать на дне морском. Конечно, нефтяники. Но с чего это началось?

И тогда вспомнят люди Каспийское море, Баку, Бухту Ильича и легендарного, как называл его Максим Горький, инженера Павла Николаевича Потоцкого. Вот у Горького в его очерках «По Союзу Советов»: «Мы — на Биби-Эйбате, где люди отнимают у моря часть его площади для того, чтобы освободить из-под воды нефтеносную землю...» Со всех промыслов и заводов шли сюда тысячи рабочих, возводили каменную дамбу с помощью примитивных кранов-журавлей, засыпали огражденный участок, орудуя простой лопатой. Потоцкий, совершенно ослепший, с мальчиком-поводырем, чудом ориентировался в этом муравейнике и руководил работами. Позже за выполнение первой нефтяной пятилетки в два с половиной года он был награжден орденом Ленина, а в 1932 году его похоронили тут, на морском промысле, возле вышки...

Первая скважина, пробуренная на отвоеванной земле, выбросила фонтан нефти. У вышки на митинге выступил Сергей Миронович Киров, возглавлявший тогда азербайджанских большевиков. Бухту решили назвать именем Ильича. Ведь Ленин очень внимательно следил за делами бакинских нефтяников, очень поддерживал их и хлебом и добрым словом.

И именно в эти труднейшие для Баку годы, когда надо было хотя бы восстановить, хотя бы сохранить добытое, хотя бы от пожаров уберечь, дерзкая мысль шла вперед: в море, у бухты появилось первое специальное основание для морской разведочной скважины. Эту площадку над волнами стали строить в 1923 году, закончили в 1924-м. Вбили в морское дно несколько сот деревянных свай. Очень долго и дорого. Надо бы металл...

Отсюда, с Бухты Ильича, и началось. Дно Каспия хоть и оставалось таким же дном Каспия, но на него уже смотрели как на обыкновенную землю, только скрытую от взора толщей воды. Перебороть, перехитрить эту толщу, а в остальном все как на суше.

Сейчас бы проехаться по каспийскому дну в том самом водяном воображаемом автомобильчике, о котором рассказывал недавно французский исследователь Жак-Ив Кусто на первом Международном конгрессе, названном «Нефть и Море»! Ему, этому автомобильчику, пришлось бы здесь попыхтеть: то высокие горы (они называются по-морскому «банками»), то глубокие впадины, то озера из жидкого ила... Надо взбираться на вершины, одолевать перевалы, огибать коварные впадины. Но не это главное. Главное — стальные рощи и леса, в которых можно простонапросто заблудиться. Наверное, ни одно морское дно не имеет такой удивительной «растительности», ни одно не держит на своем горбу столько металла.

И вот представим себе, как водяная малолитражка с крейсерской скоростью 10 километров в час пыхтит по дну. На ее пути не одно, не два, а одиннадцать «лесных угодий», то есть тех, уже разработанных нефтяных месторождений, которые дают нефть и газ. Самое крупное — Нефтяные Камни. Здесь земля подходит к поверхности воды, даже выступает из-под нее. По склонам в долину спускаются длинные аллеи эстакад, стоят стальные чащи, поддерживающие нефтесборные площадки, площадки с водоочистными сооружениями, с поселком, с вертодромом. Густой темный лес! Он уже дал более 84 миллионов тонн нефти.

Но, кроме этих одиннадцати, плотно вросших в дно участков, которые уже в действии, есть еще пятнадцать растущих, где дно прощупывают четырех-, пятикилометровыми щупальцами, и есть еще просеки... Это угодья разведчиков.

Утомившись блуждать по столь пересеченной местности, автомобильчик вправе притормозить. Все-таки это удивительно: морская нефть, а люди находят ее, даже не омочив в море ног! Не пора ли морским разведчикам «снять перчатки» и полезть на дно? Нет, не пора. Пока можно и в «перчатках», то есть при помощи этих металлических рук. Тем и удобен Каспий, что он еще некоторое время будет давать нефть и газ не с очень больших глубин. Но геологи уже выявили на Каспии сорок три нефтеносных участка, которые находятся ниже ста метров от поверхности воды. Некоторые на 150, 200 и 400 метров ниже. Тут, конечно, приходится задумываться над созданием подводной буровой установки. И уже задумались. Уже стоит модель такой установки в кабинете заместителя директора «Гипроморнефти», лауреата Ленинской премии, профессора Исрафила Пири оглы Кулиева, кстати, участника международного конгресса «Нефть и Море». Это длинная «сигара», которая должна транспортироваться по воде в горизонтальном положении, затем погрузиться в воду уже вертикально (тому поможет система затопления отдельных отсеков) и закрепиться на дне. Внизу — буровая с вышкой, вверху, на конце шахты, выходящей на поверхность воды,— маленький вертодром. Разумеется, это проект, который будет видоизменяться, но раз уж он есть, значит, появятся на Каспии подводные буровые.

Бахар — весна на вулкане

Приходилось ли вам стоять на вершине подводного вулкана? Если такая экзотика и вызывает какие-либо ощущения, то только не здесь, где все поглощены делом или блаженным питьем чая или просто крепко спят под свист вольного морского ветра. Предаваться экзотическим размышлениям некогда: быстро пролетают четверо суток, а там катер увозит тебя на материк до следующей смены. Тем более что стоишь ведь не на самом вулкане, он где-то далеко внизу: от площадки морского разведывательного основания до поверхности воды — 10 метров, далее — 18-метровый слой воды и еще метров 12 жидкого ила. Вот ил — да, он производит впечатление! Как он держит эту громадную 800-тонную табуретку, а на ней еще буровую вышку, держит и не болтает? Уму непостижимо. Когда спрашиваешь, как, то слышишь в ответ: «Строители хорошо сцентрировали». И все.

Но на вулкан, хоть он и грязевой, не обращать никакого внимания тоже нельзя. Вот извергласть в этом году на Каспии банка Корнилова-Павлова и стала островом. А этот вулкан — банка Макарова — тоже из активно действующих: выделяет струйки газа с пленкой нефти. Извергался в 1875 году, в 1906-м, 25-м, 33-м, 41-м, 58-м и 66-м годах, выбрасывал столбы огня и грязи. Собирается ли повторить это, кто его знает!

— А все же, если это произойдет сейчас? — осторожно, боясь показаться трусишкой, спрашиваю я Курбана Абасова.

— Ну, во-первых, геологи не спускают с него глаз. А потом,— Курбан машет рукой в сторону соседнего основания,— видите, катер

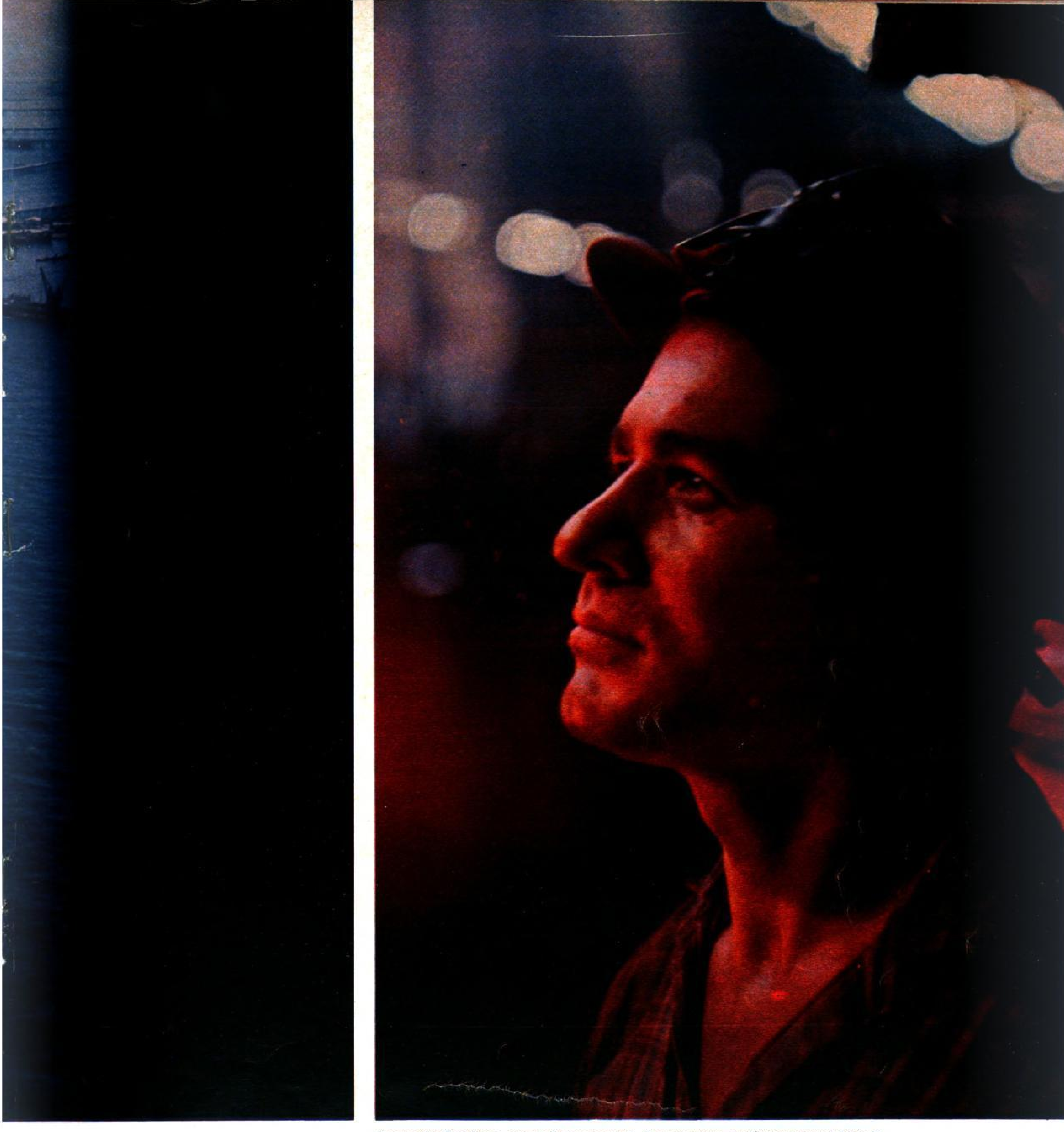

Памяти двадцати шести...

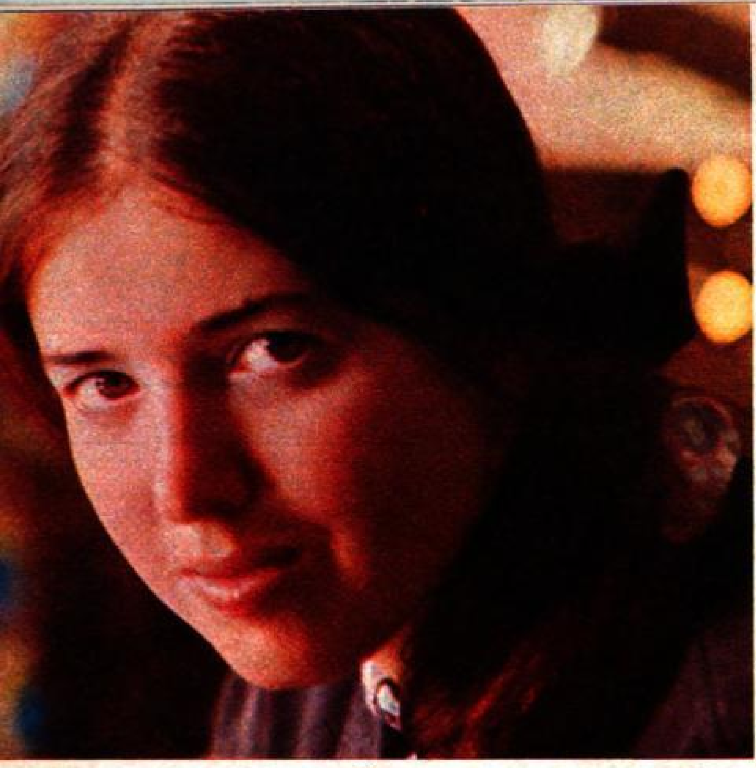
Баку. Площадь Молодежи.

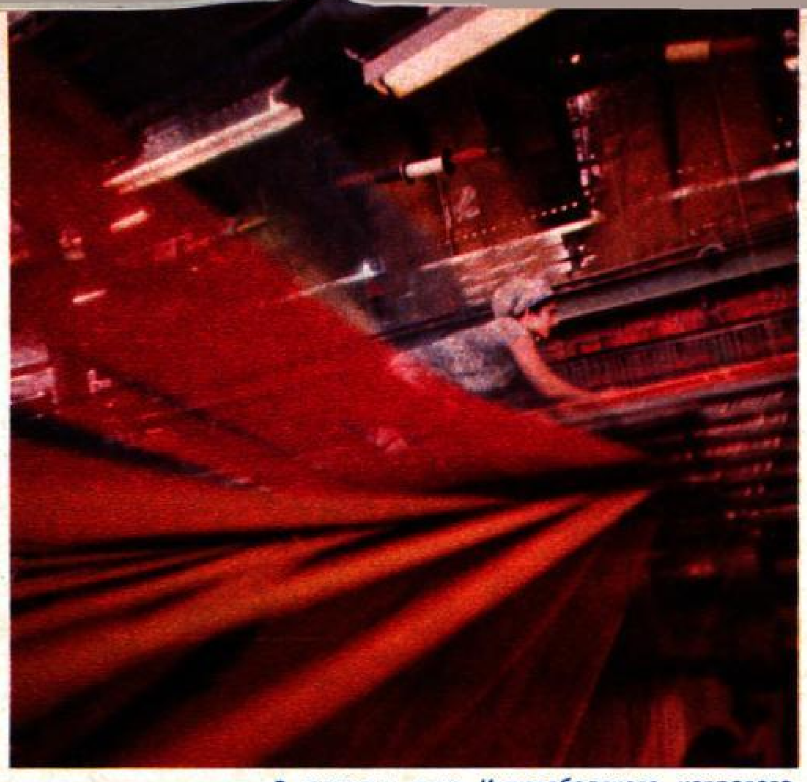
Знаменитые Нефтяные Камни — гордость республики. Снимок сделан с вертолета, пилотируемого Г. Костяковым и Г. Никишковым.

Агагусейн Гусейнов, старший вальцовщик Сумгаитского трубопрокатного завода.

Екатерина Батурова, аппаратчица цеха полиэтилена Сумгаитского химического комбината.

В ткацком цехе Кировабадского коврового комбината.

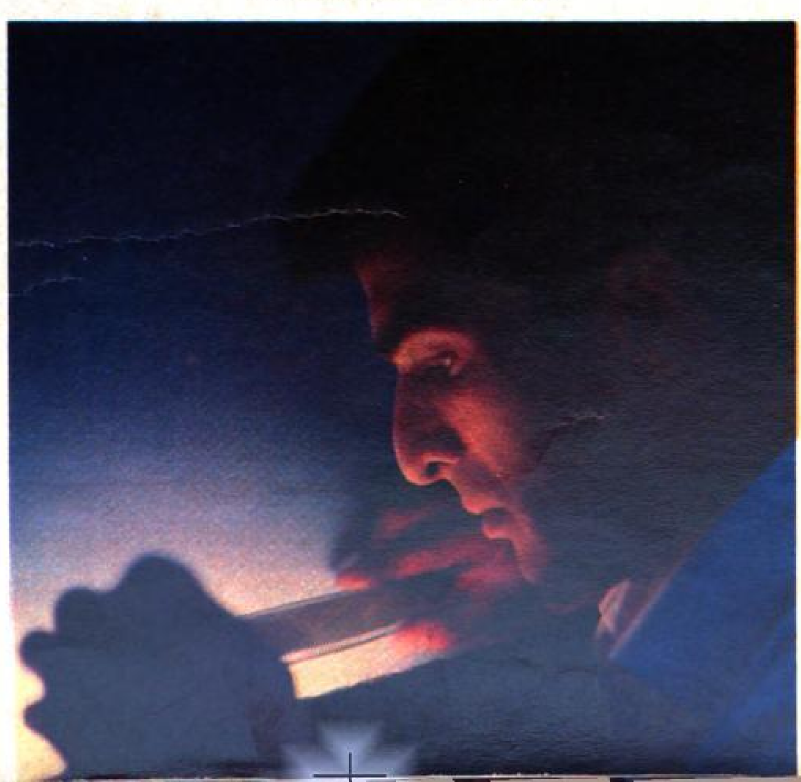

Новобакинский нефтеперерабатывающий завод имени Владимира Ильича.

Шемахинская астрофизическая обсерватория Академии наук Азербайджанской ССР

Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник обсерватории Салман-заде Ровшан Худаверди-оглы.

пришвартован? Это судно навечно прописано в этом районе и ходит в любую погоду. Если что начнется (а начинается не сразу), всегда успеем снять людей со всех оснований.

Все-таки, согласитесь, надо иметь привычку к подобного рода условиям работы.

О Курбане Абасове. Он родился в тот год, когда построили первое основание на Бухте Ильича. Рос в Нахичевани в крестьянской семье и не помышлял о нефти, тем более морской. В войну старший брат ушел на фронт, погиб. Призвали в армию Курбана. Но война уже заканчивалась, и весь призыв направили в помощь разведчикам морской нефти. Дело тогда разворачивалось. Курбан Абасов — рабочий, потом бурильщик, сменный буровой мастер в бригаде Михаила Каверочкина. Вместе с Каверочкиным открыл Нефтяные Камни, пробурил здесь первую скважину, за что и был удостоен Государственной премии.

Но однажды на Нефтяных Камнях поднялся сильный ветер. От воя и скрипа невозможно было уснуть. Курбан беспокоился за Мишу Каверочкина, который работал в эту ночь не на эстакаде, а на отдельном основании, в море. То и дело Курбан вскакивал, вглядывался в кромешную тьму. Наутро, когда рассвело, не было ни оснований, ни людей — все сожрал шторм. Тогда еще не знали, что площадки надо ставить выше над водой, чтоб штормовая волна снизу не выбивала их.

Курбан стал неистовее, словно в груди зажалась какая-то пружина. Кончил нефтяной техникум, поступил в институт, девять лет работал на острове Песчаном начальником конторы бурения. Три года назад стал главным морским разведчиком — управляющим трестом разведбурения. И сразу же, как только пришел в трест, буквально вцепился в банку Макарова, в этот самый вулкан. Ведь его уже дырявили с 1955 года. Заложили одну скважину — неудачно, прихватило бурильный инструмент. С двумя последующими тоже не получилось. Курбан сосредоточил лучшие силы бурильщиков на скважине № 3. Она вошла в дно до четырех километров. Здесь бурение остановили и скважину опробовали. Выскочил мощный фонтан газа и конденсата. Ага! Очень хорошо! В этот день—было это 20 марта, два года назад,— отмечается в Азербайджане праздник весны. Новое месторождение нефти и газа на банке Макарова назвали именем весны — Бахар.

Хребет преодоления

Обзорную карту южного дна Каспийского моря я увидела у главного геолога объединения Каспморнефть Хошбахта Юсуфзаде. Я не ошиблась, объединение Азморнефть только-только, днями, стало объединением Каспморнефть. Главный геолог, именно как геолог, давно об этом мечтал. Он просит взглянуть на карту, вот сюда.

Вижу длинный клюв Апшеронского полуострова, а со стороны Туркмении — полуостров Челекен, похожий на самолет. Самолет держит курс на Апшеронский клюв, а тот явно тянется к Челекену. Между ними кружочками на карте расположились уже разработанные и еще не тронутые месторождения. Все это Апшеронский порог, хребет, который расположился на дне моря и соединяет

ОКНО В КОСМОС

То время теперь кажется легендой. И старожилы, которым за тридцать, рассказывают о нем новичкам в темные ночи, когда, как говорят астрономы, «нет неба», нельзя наблюдать.

То время теперь кажется легендой. А по существу, совсем недавно три влюбленных в астрономию «чудака» поднялись в горы и разбили палатку. Был конец марта, ранняя весна, а к вечеру пошел дождь вперемежку с мокрым снегом. Они лежали в палатке, промокшие, голодные, злые, и думали: может, данные метеосводки неверные? Метеосводка за последние десять лет утверждала, что именно тут, в горах Шемахинского района, бывает больше всего ясных дней и ночей на всей территории Азербайджана и, пожалуй, на всем Кавказе.

Утром около палатки отчетливо виднелись медвежьи и волчьи следы. Это соседство почему-то не радовало вконец измокшую, простуженную троицу. Среди них не оказалось увлеченных охотников. Альпинистов среди них тоже не было. И все же, когда дождь наконец прекратился, они забрались на вершину горы, втащили туда увесистый ящик, и Гаджибек Султанов, будущий директор обсерватории, распаковал маленький любительский 130-миллиметровый телескоп.

Так начался первый день наблюдений...

Впрочем, для воспоминаний, как строилась обсерватория, у шемахинцев времени бывает мало. Погода быстро проясняется, на бархатном небе загораются неправдоподобно яркие звезды. Кажется, подуй ветер, они стукнутся друг о друга и зазвенят, как хрустальные подвески. Вот в молочном тумане зала Большого телескопа под купол поднялась кабина с двумя наблюдателями. Над пультом склонился инженер. Включено звездное время. Глаз телескопа поймал из мириад сверкающих точек нужную звезду и будет неотступно следить за ней...

Какие же работы ведутся на Шемахинской обсерватории, одной из самых молодых в стране?

* * *

Когда-то в нашей планетной системе существовала еще одна планета — Фаэтон, которая погибла в результате неизвестной катастрофы. Многочисленные астероиды — это осколки Фаэтона. Так говорила гипотеза, возникшая более ста лет назад.

Позже родилась прямо противоположная гипотеза: астероиды — это не осколки Фаэтона, а остатки той первозданной материи, из которой некогда формировалась планетная система.

До самого последнего времени к этим взаимоисключающим гипотезам возвращаются астрономы мира, находя подтверждения то одной из них, то другой.

Директор Шемахинской обсерватории, доктор физико-математических наук Г. Ф. Султанов просчитал ряд вариантов распределения осколков гипотетического Фаэтона и сравнил их с существующими орбитами астероидов.

Эти исследования можно было провести только на современном этапе технического прогресса, привлекая новейшие математические методы, используя электронные вычислительные машины. Ведь количество зафиксированных учеными астероидов около двух тысяч, а всего число астероидов, по некоторым оценкам, даже более ста тысяч.

Ни один из вариантов расчета Султанова не совпал с действительным распределением астероидов. Значит, Фаэтона не существовало, сделал вывод ученый.

Работа продолжалась. В результате анализа Г. Ф. Султанов обнаруживает, что все астероиды объединяются в несколько (более 10) семейств. По-видимому, решает он, каждая группа произошла от одного первичного тела. А если это так, то вместо Фаэтона существовало несколько сравнительно крупных тел, каждое из которых должно в результате взаимных столкновений затем разделиться на множество осколков.

Так погибла гипотеза, много десятков лет питающая фантазию ученых. Но зато родились новые идеи, предположения, мысли...

* * *

Из чего образовались звезды? До сих пор ученые не могут однозначно ответить на этот вопрос. Всемирно известный советский ученый В. А. Амбарцумян считает, например, что Вселенная живет постоянно изменяющейся активной жизнью, что звезды возникли из сверхплотной материи в результате гигантских взрывов. Поэтому часто молодые звезды оказываются нестационарными. Но существует и другая, более традиционная гипотеза: звезды образовались из газов и туманностей в результате сжатия.

Звезда, за которой много лет наблюдает молодой азербайджанский ученый Захраб Исмаилов, принадлежит к молодым нестационарным звездам. Обычно исследователи фиксируют эти слабые объекты на пластинки с большой выдержкой, в несколько часов. Исмаилов снял свою звезду на сверхчувствительную пленку с очень короткой экспозицией: двадцать один спектр за ночь. Открылась совершенно удивительная картина: каждая из фотографий в этой цепочке столь отличалась от другой, как будто была снята не одна и та же звезда, а совсем разные.

— Я чувствовал и раньше,— рассказывает Исмаилов,— что эта звезда плотная. Фотографии, отснятые мною, показывают, что это действительно так, что это очень активная звезда, в которой постоянно происходят сильные изменения. Возможно, мощные выбросы. Мне кажется, что мое наблюдение должно сильно заинтересовать астрономов-теоретиков.

Г. Ф. Султанов — доктор физико-математических наук, директор Шемахинской обсерватории.

* * *

Преемственность научных традиций, творческое содружество, огромная помощь государства — эти черты современной советской науки со всей отчетливостью проявляются в работе молодой Шемахинской обсерватории. Залог ее успехов — великолепная научная выучка, которую прошли молодые ученые Азербайджана в старейших обсерваториях нашей страны. И когда были построены первые здания и научные приборы, в Шемахе оказались и подготовленные исследователи. В Бюраканской астрофизической обсерватории в Армении учился заведующий отделом физики Солнца Рагим Гусейнов; Теймур Эминзаде, руководитель отдела теоретической астрофизики,— питомец Московского астрономического института имени Штернберга; в старейшей Пулковской обсерватории проходили аспирантуру Солтанмеджит Омаров, Сабир Мамедов и Мамед Керимбеков; Маис Гусейнов и сейчас работает под руководством академика А. Б. Северного в Крыму.

В Шемахе изучают физику Солнца, планеты, звезды. Молодая обсерватория быстро берет разбег.

А ее директор Г. Ф. Султанов уже подумывает о том, чтобы организовать при обсерватории специальную школу, привлечь в нее наиболее одаренных, мечтающих об астрономии ребят. Окончивший эту школу получит профессию лаборанта. Он может остаться работать в обсерватории (ох, как тут нужны подготовленные лаборанты!), а может учиться дальше, в Азербайджанском университете.

Наверное, для них, будущих астрономов, недавно посадили около здания Большого телескопа деревья грецкого ореха: только спустя полвека дадут они первые плоды.

Новая научная смена еще шире распахнет открытое в горах Азербайджана окно в космос.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Апшерон с Челекеном. По данным геологов, весь он как бурдюк с нефтью. Нужно, конечно, проверить, уточнить. Да и дел тут, поблизости, в азербайджанской части моря, хоть отбавляй, но...

— В Баку строятся блоки системы профессора С. А. Оруджева для самого глубоководного основания,— говорит Юсуфзаде.— Их можно ставить на шестидесятиметровой глубине. Мы планировали первую такую платформу из блоков установить на одной из банок Апшеронского архипелага. Тем временем в туркменской части Каспия, на банке Ливанова, в ходе изыскательных работ нашего же бакинского института Гипроморнефть открылись великолепные перспективы на нефть: три приподнятых участка большого нефтеносного пласта. Раз такое дело, решили одолжить братьям-туркменам мощную плавучую буровую установку «Хазар». Тут же мы, геологи, предложили на другую приподнятость банки Ливанова дать глубоководную платформу Оруджева, которую ранее планировали на Апшеронский архипелаг. Многим показалось, что это уж слишком — отдавать свою лучшую технику. И этих товарищей можно понять. Но если на банке Ливанова будут заложены две скважины, скорее можно разведать всю эту многообещающую структуру! Мы настаивали на этом, просили преодолеть местнические инстинкты, спорили, воевали..

— И победили?

— Победили. Но обидно, что затрачено много сил на вещи очевидные, выгодные для государства. А теперь все споры сами собой отпадают, потому что один хозяин на Каспии — Каспморнефть...

— Значит, теперь это не Апшеронский порог, а Апшеронский мост?

Смеется. Он совсем молод, главный геолог Каспийского моря. Когда Курбан Абасов на Нефтяных Камнях был уже знатным бригадиром, лауреатом, Хошбахт Юсуфзаде только появился там робким студентом. Теперь без него никто не имеет права ставить ни одну разведплощадку в море. Он блюститель интересов нашей земли. «Гео» — «земля». С земли все начинается.

Я снова смотрю на карту, испещренную кружочками. У азербайджанского побережья, в области Южно-Каспийской глубокой впадины, очерчены и названы будущие глубоководные промыслы. Они носят имена тех, кто боролся за Советский Азербайджан и погиб от пуль интервентов в песках Туркмении. Они и здесь все вместе, рядом друг с другом: Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиолетов, Зевин, Везиров, Малыгин, Амирян, Николайшвили, Метакса, Мишне... Все 26 бакинских комиссаров, убежденных и страстных интернационалистов-большевиков.

Каспий — море трудовое

Вернемся еще раз к смене вывески Азмор на Каспмор. Вопрос этот не только организационный, и дело не только в вывеске. Главное то, что Азмор просто перерос самого себя. Он накопил опыт, технику, кадры, идеи и стал мощным, единственным в своем роде морнефтьгигантом.

Посудите сами. Три больших завода. Один, словно фабрика мебели, заготавливает «морские столы» — основания. Другой завод — металлоконструкций, третий выпускает специальные электромеханические изделия. Есть, конечно, флот со своим судоремонтным заводом, 320 плавединиц, в том числе такие, как гигант «Кер-Оглы». Служба погоды, выдающая прогнозы через каждые два часа. Трест разведбурения. Трест эксплуатационного бурения. Строительный трест с шестью монтажными управлениями. Пять нефтепромысловых управлений. И своя академия — научно-исследовательский и проектный институт Гипроморнефть.

Поэтому когда возле Челекена, в море, обнаружились нефтеносные площади, призвали азербайджанских морразведчиков и морстроителей. Они же строят основания для разведочного бурения на Черном море, в районе Крыма. Они проектируют по заказу тюменских нефтяников специальный кран для работы в заболоченных местностях. Словом, они специалисты.

Когда мы кружили по Бахару меж крутых стальных островков, Насруллу Бабаева, заместителя начальника объединения Каспморнефть, все тянуло заглянуть на Б-14. Заглянули, поднялись на буровую, осмотрели культбудку. Бабаев глядел на все это как бы мельком. Собственно, на каждом островке одинаково. Но здесь, на Б-14, во время каникул рабочим на буровой трудится его сын, Натиг, студент-нефтяник.

— Хочу,— говорит отец,— чтоб из него вышел не конторщик, а настоящий специалист...

С гордостью рассказывал нам Насрулла Бабаев, как бакинские морнефтьспецы Хановлан Байрамов и Анатолий Левинтов строят сейчас в Болгарии 500-метровую эстакаду и площадку, с которой опустится на дно куст скважин. Работают пятьдесят бакинцев и в Сирии по устройству нефтепромыслов на море. В Индию, где возводятся морские основания, тоже идет помощь с Каспия. Есть запрос и с Кубы.

А сам Насрулла Бабаев, доктор наук, открыватель Нефтяных Камней, лауреат Государственной премии? Он побывал уже в Индийском океане, в Бискайском заливе, в Черном, Красном, Средиземном, Северном морях. Как сотрудник рабочей советско-французской группы по морской нефти, он не раз посещал Францию и принимал гостей из Франции в Баку. Сейчас по техническим данным азербайджанских нефтяников французы разрабатывают проект шлангокабельного бурения. Это еще один новый метод, который пробуют применить в практике мировой добычи нефти на больших морских глубинах.

Да и Каспий тоже скоро предложит для исследований свое глубокое дно. Надо быть готовым к этому. Как ни странно, себестоимость морской нефти не выше, чем на суше. Но если в связи с глубинами отпадет необходимость строить подводный металлолес, морская нефть будет значительно дешевле.

И все-таки, если заглядывать далеко-далеко вперед, во всем этом общении с морем, в этом последовательном наступлении на дно, начиная с Бухты Ильича, через Нефтяные Камни, Бахар, Апшеронский порог и т. д., нужно видеть не один лишь только нефтяной смысл. Четырнадцать морей и 3 океана омывают берега нашей Родины. В них таятся всяческие ресурсы для жизни человека. Надо учиться ходить за этими ресурсами в разведку.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

УЧИТЬСЯ КО

Студенты - математики выполняют сложнейшие расчеты в университетском вычислительном центре.

Около восьмисот тысяч книг хранится в университетской библиотеке. Эмма Зорина ведет отдел, обслуживающий гуманитарные факультеты.

А. И. ДАНИЛОВА,
преподаватель Уральского государственного университета имени А. М. Горького

В моей трудовой книжке всего одна запись: «Место работы — Уральский государственный университет. Время поступления — 1920 год». Прошло пятьдесят лет, а я, как и прежде, читаю лекции, веду практические занятия — все, что полагается делать преподавателю русского языка и стилистики.

Начинался университет с семи факультетов, причем горный и политехнический были созданы по личному указанию В. И. Ленина. В 1920 году А. М. Горький познакомил Владимира Ильича с первоначальным проектом создания Уральского университета. Ленин заинтересовался этим проектом, ведь Уралу отводилось видное место в плане ГОЭЛРО, и была выдвинута задача комплексного использования природных богатств Урала и Сибири.

Для решения таких задач нужны были высокообразованные специалисты, преданные партии. Старые методы преподавания тут не годились. На рабфак, который был самым многочисленным факультетом, приходили люди с трехклассным образованием, а то и после ликбеза. Но и учились они совсем не так, как прежние студенты. Демобилизованные солдаты набрасывались на учебники, будто шли в атаку; крестьянские парни и девчата поражали своей усидчивостью.

2 октября исполняется пятьдесят лет со дня выступления В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи. Именно в этой речи Ленин провозгласил: «...задача состоит в том, чтобы учиться».

А 19 октября 1920 года В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Уральского государственного университета.

Наш корреспондент Б. Сопельняк побывал в Свердловске. Он встретился с профессорами и преподавателями университета, студентами и первыми рабфаковцами. Их рассказы о своем вузе — словно комментарий к знаменитой ленинской речи, словно сегодняшний отклик на его призыв...

ММУНИЗМУ!..

Снова новые поступления. Сначала книги попадают к директору библиотеки Т. Д. Воробьевой.

А. И. Данилова и Д. С. Неустроев рассказывают рабфаковцам о первых годах университета.

Трудно приходилось и преподавателям. Новых программ не было, а старые считались чуть ли не контрреволюционными. Например, на мои замечания по поводу ошибок в диктанте студенты заявляли: «И что вы, Агния Ивановна, беспокоитесь?! Ведь орфографию то скоро отменят». Бывало и похлестче. Один студент-фронтовик, вызванный к доске, написал слово «учиться» без мягкого знака и не соглашался исправить ошибку. Я настаивала. Тогда он сердито запахнул шинель и обратился к товарищам: "Голоснем, ребята!»

Никаких экзаменов тогда не было. Вопрос о переводе с курса на курс решался простым голосованием. Если кто-нибудь оказывался неуспевающим, группа заявляла, что этот парень «свой человек» и ему помогут подтянуться. И что вы думаете, помогали, подтягивались, заканчивали рабфак, становились студентами и учились не хуже своих товарищей, пришедших из средней школы. Это была пора поисков неведомой раньше советской системы образования.

Д. С. НЕУСТРОЕВ, пенсионер

Всю гражданскую войну я был пулеметчиком. А потом по направлению политотдела 57-й дивизии пришел на рабфак. Времечко горячее! Руки еще не остыли от пулемета, в голове — грохот войны, а тут надо зубрить правила правописания и заучивать формулы. Что ни говорите, а за три года пройти полный курс средней школы — дело нелегкое.

Как ни странно, нам было мало тех знаний, которые давал рабфак. Хотелось с ходу, штурмом овладеть всеми богатствами человечества. Мы набрасывались на книги по искусству, политике, технике, философии... Многое, конечно, было непонятно, но мы с таким остервенением врубались, вгрызались и въедались в эти дебри, что в конце концов хоть на ступеньку, но поднимались выше. Сейчас сам удивляюсь, как мы выкраивали время и на посещение многочисленных кружков, на занятия в хоре и самодеятельном театре.

С дипломом инженера-горняка приехал я на Магнитку. Правда, проработал там недолго: для повышения квалификации меня командировали в Колумбийский университет. В Нью-Йорке стал магистром наук, а практику проходил во Франции, под Марселем. Потом вернулся на Урал. Работал на заводах Верхней Пышмы, Красноуральска и Среднеуральска. Последние годы был директором научно-исследовательского института «Механобр» в Свердловске.

Теперь на пенсии. Всю жизнь работал и учился, учился и работал. Совсем недавно круг замкнулся: я снова пришел на рабфак. В этом году университет возродил рабочий факультет — и снова парни и девчата с фабрик и заводов, колхозов и совхозов заполнили аудитории. Подготовлены они, конечно, лучше, чем мы в свое время, но и без нашего опыта им не обойтись. Вот и приглашают ветеранов помочь молодежи.

А завет — делиться знаниями мы получили еще от А. М. Горького, который в январе 1921 года прислал нам свой наказ. Там он, в частности, писал: «Посылая мой сердечный привет университету Екатеринбурга, его профессорам и студентам, я уверен, что первые будут делиться сокровищами знаний своих так же задушевно и щедро, как жадно и внимательно студенты будут брать эти сокровища». Так что эстафета продолжается.

В. А. КУЗНЕЦОВ,

профессор, доктор химических наук, ректор Уральского государственного университета имени А. М. Горького

В. И. Ленин не только внимательно изучил проект, не только подписал декрет об учреждении Уральского университета, но и внимательно следил за его работой. Уже 17 декабря 1920 года, узнав о том, что в главном здании университета расквартированы воинские части, Ленин телеграфировал в Екатеринбург: «Приказываю немедленно освободить отведенное помещение Уральскому университету и предписываю впредь не нарушать самовольно работу университета, с предупреждением о предании суду виновных».

Призыв Ленина — учиться коммунизму! — прозвучавший на III съезде РКСМ,— это не только призыв быстрее овладевать знаниями, но и скорее применять их на практике. Именно поэтому уже в первые годы существования университета было выполнено около ста работ по заказам фабрик и заводов.

Еще в двадцатые годы появился студенческий девиз: «Овладел теорией — примени на практике!». Многое изменилось за пятьдесят лет, а девиз остался. Связь с производством — основа основ обучения в университете. Даже темы курсовых и дипломных работ выбираются из расчета их практического применения. Я уж не говорю о научно-исследовательской работе профессоров и преподавателей. Математики, например, делают выкладки для автоматической линии обогащения руд. Биологи и ботаники разработали метод озеленения промышленных отвалов, что крайне важно для городов с металлургической и угольной промышленностью. Физики получили новые магнитные материалы. Химики придумали новый способ очистки промышленных стоков, что, кстати, почувствовали на себе все свердловчане. Есть у нас в центре города большой пруд. Тридцать лет сбрасывает в него отходы Верхисетский металлургический завод. Естественно, в пруду не было ничего живого. Купаться, разумеется, тоже запрещалось. Теперь летом на берегу масса рыболовов и купальщиков.

Мы надеемся, что у наших выпускников на всю жизнь сохранится вкус к серьезной исследовательской работе.

А. ГАЙДА,

комиссар студенческого строительного отряда «Амур»

— В этом году конкурс в наш университет был большой: пятьшесть человек на место. Зачисленных на первый курс узнать легко: они шествуют по коридорам, источая гордость альпиниста, покорившего Эльбрус! Бедняги, они думают, что самое трудное позади! А ведь буквально через год им предстоит конкурс куда более сложный: я имею в виду конкурс в стройотряд. В этом году, например, на одно место претендовало десять человек! Зеленую форменную куртку получил только тот, кто имел строительную профессию, хорошо учился, вел общественную работу, занимался спортом, умел петь, плясать, читать стихи или играть на гитаре... Этим требованиям отвечало 220 человек. Из них скомплектовали девять отрядов и отправили в Казахстан, Дагестан, в город Тольятти, в села Свердловской области, а наспод Читу.

Отряд подобрался что надо! В «Амуре» были свои каменщики, плотники, электрики, бетонщики, монтажники, сварщики — они же повара, врачи, певцы и лекторы. Строили мы гаражи. Дело довольно сложное, но так как у нас были свои математики, механики и физики, расчеты сделали на высшем уровне. И сдали свои объекты, как говорится, со знаком качества.

Много дали нам эти полтора месяца. Настроение такое, будто выдержал трудный, но очень важный экзамен. Это очень здорово — положить последний кирпич, вымыть руки, переодеться в выходной костюм и сесть у двери тобой же построенного дома!

Николай АСАНОВ, Юрий СТУРИТИС

Рисунки В. ВЭТРА.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

РОМАН

22

Однажды весной над Альвирасом «грянул гром».

Не ясно было, куда идти? Зато было ясно, что идти следует. Конечно, если Владис Ринкуле не застанет «соблазнителя» в доме, в лес он не пойдет: он-то помнит, что у Альвираса есть пистолет... Значит, надо найти своего помощника Коха. Без Коха Альвирасу идти некуда, а Кох на охоте... И Альвирас, захватив с собой оружие, деньги и портфель с рацией, выскочил из дома...

Где-то на озерах раздался выстрел. Надо идти в сторону выстрела. Охотников, кроме Коха, тут нет. Альвирас сошел с дороги и прокрался краем леса, чтобы не попасть на глаза Владису Ринкуле. Миновал шоссе.

Тяжелая рация оттягивала руку. Пистолет он держал в правом кармане.

Следующий выстрел грохнул прямо перед ним. Альвирас скатился с обрыва к озеру и увидел Коха. Тот брел по колено в воде к убитой утке.

— Кох! — позвал Альвирас.

Кох зачерпнул воды в сапоги, выругался, схватил птицу и пошел к берегу.

— Почему ты ушел с хутора?

Только тут Кох увидел, что в руках у Альвираса портфель с рацией.

— За тобой гнались?

— Никто за мной не гнался. Я ушел от Ринкуле...

— Ушел? Так, так. Это тебе Саша синяки поставила?

Кох начинал понимать, что произошло на хуторе.

— Я не знал, что она такая недотрога!

— Надо было спросить у меня. Я бы тебе объяснил. Ты что, совсем ушел?

— Да. Она выскочила за дверь, как сумасшедшая, села на велосипед, подхватила мальчонку и помчалась в деревню...

— Да... Хуже некуда... Ну что ж, пойдем куда глаза глядят. Отсюда надо уезжать как можно скорее. А то Владис поднимет дружинников... Ах, черт!

Молча дошли до шоссейной дороги.

На перекрестке Кох остановился, сказал:

— Придется идти в бункер. А до него добираться — сорок километров. Это тоже понять надо! Будем ловить попутную машину...

Первую и вторую машину Кох пропустил: на одной — химические удобрения, на второй — рыба в ящиках. Увидев третью, Кох поднял руку. Водитель остановился. Усадил Альвираса рядом. Коха — вместе с портфелем — в кузов. И погнал машину.

— Куда торопишься?

— А, у сестры свадьба!

Они пролетели несколько населенных пунктов. Но перед маленьким городком, неподалеку от того места, откуда Альвирас и Кох должны были сворачивать к лесному бункеру, вдруг раздался милицейский свисток. Шофер буркнул:

— Только этого не хватало!

И газанул еще сильней.

Наслаждаться быстрой ездой им пришлось недолго: на площади машину обогнал мотоциклист в милицейской форме. Водитель сбавил ход и остановил машину.

Альвирас оглянулся назад. Увидел: Кох в два прыжка достиг спасительного переулка. Альвирас вдруг понял: у него-то нет никаких документов, кроме справки таксатора... Как захотелось оказаться на месте Коха!

Остановивший их милиционер не заметил Коха. Он спрашивал документы у шофера. Альвирас вытащил пистолет: стрелять! Стрелять! В это время с ними поравнялся второй мотоциклист. Альвирас сунул пистолет под сиденье. Первый мотоциклист приказал водителю ехать в ОРУД: у водителя не было путевки.

— Да оставил я ее! — жаловался шофер.— Оставил, когда груз сдавал!

— Ничего, позвоним из ОРУДа, узнаем, какие грузы ты сдал.

— Разрешите мне продолжать мой путь? — вежливо попросил Альвирас.

— Куда едете?

— В Ригу...

— Документы!

Альвирас порылся в карманах, отыскал справку таксатора, предъявил.

— Да пусть идет! — вмешался тот, что остановил шофера.

«Кажется, может пронести! — подумал Альвирас.— Лишь бы отпустили! Я бы и сам отыскал базу...»

Но в комендатуру их все-таки доставили. Милиционер начал дозваниваться до базы, куда был сдан товар. Шофер все умолял отпустить его: ведь он же опоздает на свадьбу сестры! Второй милиционер находился около машины.

Вдруг он ворвался в комендатуру и закричал:

— Руки вверх!

Альвирас увидел свой пистолет и поднял руки. Шофер, глядя на него, тоже поднял, потом озлобился и опустил.

— А ну, поднимай! — закричал милиционер.

Из внутренних комнат в комендатуру вошел начальник ОРУДа в форме майора, плотный, хмурый. Он спросил:

— В чем дело, Силис?

— Пистолет нашел в машине, где вот эти ехали!

— Это уже интересно! — Майор усмехнулся.— Обыщите их!

Оружия больше не было. Шофер завопил диким голосом:

— Это его! Его!

Альвирас ткнул пальцем в шофера:

— Он меня вез, его...

— Где нашли? — спросил майор.

— Под сиденьем пассажира.

— Позвоните в уголовный розыск!

Больше всего боялся Альвирас этих слов.

Первые два дня он находился в уголовном розыске, пока проверяли паспортные данные, адрес и прочее, а на третий день оказался в Риге, в Комитете безопасности.

Он довольно быстро признался, что прибыл в Латвию для шпионажа. Из вопросов следователя на допросах Альвирас догадывался, что кто-то из учеников английской разведывательной школы уже побывал в руках работников Комитета безопасности: о самом Альвирасе были собраны довольно обширные данные. Как он попал в школу, как учился, хорошо ли жил или средне, как окончил, какие получил отличия, и все, что относилось к его учению. Значит, кто-то из знавших его по школе — латыш, литовец или эстонец,— уже прошел этот тяжкий путь и рассказал о своих соучениках все. Поэтому и сам Альвирас принялся рассказывать все, чему был свидетелем...

Но о том, как он прибыл в Латвию, рассказывать не стал. Он не сказал, где жил последнее время. Сказал лишь, что регулярно передавал в Англию разведывательные радиограммы. И это было все, что он показал о своей работе в Латвии.

23

В конце февраля Мирдза вернулась к леснику, чтобы готовить диплом.

В день приезда они вместе с Бертулисом вышли на лыжах. Договорились: Бертулис не должен мешать Мирдзе заниматься. Он может читать, ходить на лыжах, но время с утра до четырех часов дня для Мирдзы святое, потом можно побегать на лыжах, поиграть в карты, шахматы, посидеть у камелька.

Так прошли март и апрель. Мазайс жил у жены, возился с сыном. Никто на него не доносил. Может быть, люди считали, что он вернулся из лагеря? Бертулиса проведывать он приезжал раз в месяц, привозил две-три телеграммы для Лондона. В такие дни у Бертулиса хватало забот. Проводив Мазайса, он ждал ночи. Затем ждал, когда Мирдза заснет. Потом прокрадывался в баню, занавешивал окна, зажигал сначала по-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—39.

тайной фонарик, оглядывал все вокруг, включал лампу, доставал рацию и начинал передачу. Хуже всего было, когда оператор английского разведывательного центра не мог полностью принять радиограмму. Начиналось: повтори такие-то группы! Передаю! Прием! Передаю! А самому Бертулису думалось: вот встает Мирдза, идет к окну, смотрит, в бане свет, будит дядю, узнает все о Бертулисе, проклинает его или просто бежит в милицию: «Возьмите его, он шпион!»

В начале мая Мирдза заканчивала диплом. И Бертулис решился. Он написал записку Мирдзе с объяснением в любви и холодным отчаянием. Он решил бежать в район Вентспилса, некоторое время где-нибудь укрываться, а затем с помощью иностранных моряков вернуться на Запад.

Вышел из дома, ведя велосипед, дошел до дороги, сел и поехал. Ехал он медленно, останавливался, вел велосипед, как лошадь в поводу, опять ехал.

24

Мирдза видела, как Бертулис выехал со двора. «Едет кататься!» — подумала она. Она шла не спеша, но вдруг ускорила шаг.

В дом она уже вбежала. И сразу увидела письмо. Оно было длинное. Мирдза развернула и прочла заключительные слова: «Хочу вернуться на Запад...»

Она выбежала из дома и побежала на соседний хутор. Как жаль, что дядя Генрик объезжает лесничество! Пешком она не догонит беглеца! Хорошо, если оперативный работник, постоянно находящийся на соседнем хуторе, добросит ее на мотоцикле до городка. Тогда она пойдет вперед, увидит Бертулиса и остановит его...

Мирдза вспоминала, как три месяца назад дядя Генрик приехал в Ригу и навестил Мирдзу. Он сказал Мирдзе, что их ждет полковник госбезопасности Балодис.

Мирдза знала, что дядя Генрик воевал в партизанских отрядах, и встречей с полковником Балодисом была даже обрадована.

Встреча произошла на конспиративной квартире, что тоже весьма занимало девушку. А когда навстречу ей поднялся высокий, могучий мужчина в штатском костюме, а дядя Генрик представил его: «Полковник Балодис!» — ей показалось, что сейчас речь пойдет о ловле шпионов... Каково же было ее удивление, когда полковник, проводив дядю Генрика, сказал:

— Мы просим вас выехать на хутор к дяде Генрику. Там находится английский шпион, латыш по национальности, человек с радиостанцией... До сих пор за ним присматривал друг дяди Генрика Мазайс, но теперь у Мазайса рожает жена, он должен быть дома...

— Я знаю Мазайса,— сказала Мирдза.

— Можете ли вы помочь нам?

— Да.

— Сколько вы пробудете у дяди Генрика?

— Скоро я поеду на каникулы, а в марте приеду писать диплом...

Балодис смотрел на нее, смотрел, потом вдруг сказал:

— Где я видел вас?

Он задумался, даже глаза прикрыл, потом спросил:

— Вы знакомы с художником Викторсом Вэтрой?

— Да...— робея, ответила Мирдза.— Художник два года назад уехал куда-то и больше не появлялся.

— Я вспомнил его картину...

— Я позировала всего три сеанса...

— Неважно! Картина была замечательной!

Он тут же перевел разговор.

— На соседнем хуторе будет находиться наш оперативный работник, у которого есть мотоцикл. Вы должны сообщать ему, все ли благополучно у вас. О времени, когда ваш подопечный будет передавать по радио. Вы должны лишь следить за его настроением, за его чтением. Мне думается, что он скоро перестанет передавать радиограммы, кажется, Мазайс распропагандировал его, поселив у дяди Генрика.

Она поехала на каникулы к дяде Генрику. Но кто мог сказать Мирдзе, что она вдруг влюбится в ...шпиона? Ну, бог с ним, что она влюбилась! Но Бертулису нельзя уходить из Латвии на Запад! Прошла всего лишь неделя, как арестовали Альвираса... Англичане должны удостовериться, что Альвирас был схвачен, как беспаспортный, что все остальные живы-здоровы, что связь продолжается...

...Она сидела позади оперативного работника и думала, думала, думала...

На повороте за перелеском они остановились.

— Проезжайте дальше. Я его встречу тут...

Бертулис ехал медленно, опустив голову, но когда поравнялся с Мирдзой, только тут поднял голову и увидел ее.

Он остановил велосипед, спрыгнул и спросил:

— Как ты догнала меня?

— Пробежала бегом до соседнего хутора, у хозяина есть мотоцикл. К счастью, парень ехал в город. Видишь, догнала перед самым шоссе на Вентспилс!

— Ты прочитала?

Она кивнула, спросила:

— Пойдем назад?

— По-моему, лучше вперед!

— Тогда ты в случае провала выдашь всех твоих друзей, которые тебе помогали скрываться.

— У меня нет паспорта. Так я больше не могу жить. Стоит мне пойти в город, и я буду арестован. Так зачем мне ждать, когда меня возьмут? Уж лучше вырваться отсюда на Запад или сдаться чекистам. Но на последнее я не пойду.

Она настойчиво повернула велосипед.

— Подожди до весны... Я думаю, что ты не совершил больших грехов. Если я буду работать, я помогу тебе. Не может быть, чтобы тебе дали больше трех лет.

— Три года! Ты забыла, что у меня есть радиостанция...

— Ты ничего не передавал сам. Ты только служил связным между людьми из леса и Англией. Ну, подожди немного. Как только я защищу диплом, мы что-нибудь вместе придумаем. Я все равно буду ждать тебя. Подумай, Бертулис!

— Отдай мне письмо!

— Нет, это письмо надо немедленно сжечь, как только мы вернемся домой. Если его обнаружат чекисты, оно может увеличить твой срок наказания.

— Неужели ты думаешь, что это не смешно? Кто станет думать о том, что некий Бертулис решил бежать на Запад? Кому это интересно? Вот схватить Бертулиса — это очень важно для Комитета безопасности. И его схватят!

— Ничего, пусть твой отказ от бегства за границу будет твоим любовным объяснением. Последнее объяснение в любви! Я люблю тебя со всеми твоими грехами, люби меня и ты! А когда я стану работать, ты пойдешь и сдашься. Я буду ждать тебя, буду хлопотать за тебя, буду думать о тебе!

Шли они очень медленно.

Домой пришли к обеду. Дядя Генрик, вернувшись после объезда участка, уже возился на кухне. Молодых людей встретил воркотней.

25

Через неделю на хутор пришел старый Кох, которого Бертулис помнил еще по праздничному ужину в день приезда в Латвию. Был он худым, облезлым, лысина стала больше, кожа на щеках сморщилась, руки постарели особенно сильно.

Лесник провел его к Бертулису, а сам ушел. Мирдза сидела в комнате. Бертулис и Кох остались на дворе.

— Вот прочитай это, а потом зашифруй. Передашь, как только по расписанию радиосвязи придет время твоей работы.

Бертулис прежде всего взглянул на почерк. Писал Будрис.

Он вчитывался, и его брала оторопь. Там шла речь об аресте Альвираса. Бертулис один раз встретился с Альвирасом, получил от него паспорт и сорок тысяч рублей. Но в радиограммах Лондона радисты передавали приветы Альвирасу, как, по-видимому, передавали и Альвирасу приветы для Бертулиса. Сейчас он читал трагическую историю.

В конце Будрис просил продолжать готовить переброску нового десанта морем, так как Силайс в Англии обещал прислать человека, умеющего изготовлять паспорта. Одна из причин трагедии Альвираса — это отсутствие у него надежных документов...

Кох попросил:

— Воды бы мне...

— Сейчас поедим.

— Некогда. Принеси воду, я пойду дальше.

Бертулис принес воду, спросил:

— А что, этот человек, что умеет делать паспорта, приедет?

— Говорят, что приедет.

— Так хочется получить паспорт!

— У тебя же есть один. Который привез Альвирас. Боюсь, что паспорта будут просто «липой»! Ну, я пошел.

Теперь Бертулис не боялся Мирдзы. Даже сказал ей с какой-то отчужденной улыбкой:

— Альвираса арестовали...

Ночью он вышел в эфир. В радиограмме было очень много групп. Бертулис начал волноваться с первого момента передачи. Для того, чтобы сократить свое пребывание в эфире, Бертулис работал на ключе очень быстро. Поэтому оператор разведывательного центра неоднократно просил повторить передачу отдельных групп.

Конечно, он почувствовал, что у Бертулиса взыграли нервы. Но радиограмма оставалась нерасшифрованной. Только количество групп говорило о том, что передача очень серьезна. Радист предложил Бертулису повторить сеанс связи...

На следующую ночь Бертулис снова сидел в бане.

Настало время запасного сеанса. Радист из Лондона передал группу цифр и знак — «расшифровать немедленно!». Бертулис расшифровал и прочитал: «Аресты есть?»

Бертулис снова передал, что Альвирасу проще простого выдать себя за «лесную рысь» или за беспаспортного бродягу... Радист после приема всех последних групп ответил: «Связь прекращай! Слушай слепые передачи!»

Бертулис размонтировал радиостанцию, уложил в портфель и спрятал его в тайник под полом бани. Для того, чтобы слушать «слепые передачи» радиоцентра, было достаточно портативного приемника, который у него имелся на этот случай.

26

Биль тихо прожил всю зиму на хуторе, не выходя в эфир. Такая жизнь ему очень нравилась, конечно, по сравнению с лесной. Сиди в теплом доме, выходи напилить и наколоть дров, сходи к колодцу по воду, если хозяйка занята, а вечером ложись спать спозаранку, лежи и мечтай о своем собственном рае. Например, если он вернется в Англию, то там будет лежать в банке круглая сумма на его имя. Он может купить бензозаправочную станцию где-нибудь неподалеку от Лондона и работать вместе с женой,— вернувшись, он должен жениться!

В начале мая за ним пришел Граф и приказал немедленно уходить в лес. Хозяева напекли хлеба, дали несколько килограммов кровяной и ливерной колбасы домашнего приготовления, Биль и Граф нагрузились и пошли.

Они перебрели два лога, две речки, но Граф все торопил и торопил, не давая разжечь костра, чтобы обсушиться. В конце пути он не вытерпел и сказал:

— Ты, я вижу, хочешь испытать участь Альвираса!

— А что с Альвирасом?

Граф глухо сказал:

— Арестован!

Биля ударило как током. Он даже расспрашивать не стал. Только ускорил шаг.

Но вот они вышли на ровное место, где-то тут и должен быть бункер. Их окликнули:

— Пароль!

— Латвия! — вполголоса ответил Граф.

— Идите!

Они прошли, так и не увидав, откуда их окликнули, только Граф покачал головой:

— Вот спрятались!

Еще полкилометра. Запахло дымком. Вот наконец и бункер. Здороваясь с ребятами, уселись у печи.

— Кто в секрете? — спросил Граф.

— Новенькие! — отозвался Мазайс.

— Хорошо стерегут! — похвалил Граф. Потом осмотрелся, сказал: — Давайте позавтракаем, поспим, а днем я сообщу, что делать дальше. Согласны?

Кто-то принес чай. Граф разделил колбасу. Поели. Улеглись не раздеваясь.

Граф и Биль проспали до полудня. Их не будили. Все разошлись по своим делам: кто-то ушел охотиться на уток, двое пилили дрова. Еще двое сменили караул и спрятались возле тропки, которую понемногу проторили к своему жилью.

Перед обедом Граф приказал собрать всех, кроме караула. Когда собрались около землянки, на вольном воздухе, Граф тихо сказал:

— Альвирас арестован...

Биль знал, что речь пойдет об Альвирасе. Он окинул взглядом людей: кто-то начал ругаться, другие свирепо кричали, что они пойдут в атаку на милицейский участок, третьи понуро смотрели в землю. Биль подумал: кто-то из них был вместе с Альвирасом? Потом вспомнил: Кох!

Кох сидел, опустив глаза, будто его занимала возня муравьев около гнилушки. Но вот он поднял свой взгляд на Графа, сказал:

— Дай мне объяснить!

Граф махнул рукой, разрешая. Кох заговорил низким голосом, будто проклинал Альвираса:

— Альвирасом овладела похоть, он полез к женщине. Она огрела Альвираса ухватом, выскочила в сени, схватила велосипед, сына посадила перед собой и поехала в селение. Тогда Альвирас понял, что будет с ним, когда вернется муж, схватил радиостанцию, шифры, яды, деньги и бросился искать меня. А я, как назло, ушел охотиться на уток.

Дальше Кох рассказал историю ареста Альвираса.

Он утверждал, что Альвирас видел, как Кох выскочил из машины. Значит, он может сослаться на то, что вышел из лесного отряда или же он беспаспортный бродяга... Он должен держаться этой версии...

Сейчас они находятся в таком месте, где бункер никому не известен. Альвирас, если бы даже его заставили указать лесной бункер, знает другой. Там сейчас сидит в засаде секрет, который обстреляет «синих», если они поведут туда Альвираса, и попытается его выручить. А может быть, Альвирас сумеет скрыться в лесу? А наше дело — сидеть пока по-тихому, тем более что еда есть, на две недели хватит...

Биль размышлял: здесь было трое его дружков по лондонской школе, он сам да четверо из старого отряда Графа. Вместе с Графом девять человек. Где уж тут делать нападение на милицейские участки! Их дело — сидеть и ждать. А чего ждать? Может быть, того, что обещал Силайс? Паспорта и человека, который умеет их подделывать?

Прямо говоря, разошлись с этого «информационного заседания» весьма грустные. Никто ни с кем не разговаривал, выслушивали только приказы Графа. Он приказал выдвинуть на полкилометра вперед секрет, сказал, что сам уйдет к вечеру на свидание с Будрисом, надеется вернуться к обеду завтра, если не к обеду, то к ужину...

Вечером провожали Графа. Этот двужильный человек сразу после того, как привел сюда Биля, уходил опять через лога, речки, в район Ужавского маяка, где Будрис назначил ему свидание. Проводили, вернулись в бункер. Кох вытащил радиоприемник, сказал Билю:

— Наладь эту бандуру! Может, послушаем передачи?

Долго слушали Би-би-си.

На следующий день к вечеру явился Граф. Он передал Билю большую радиограмму, сказал, чтобы Биль зашифровал ее, а когда начнет передавать, разбудил его. После этого лег на нары и заснул. Биль расположился с шифром и радиограммой. Она была длинной, требовала полного внимания. Ребята зажгли керосиновую лампу и старались не шуметь. Их тоже интересовала радиограмма. В ней Будрис настаивал на том, чтобы паспорта и человек, умеющий завершать их подделку на месте, были присланы этой весной. Промедление, писал Будрис, смерти подобно! Оно вызовет уход из отрядов партизан, живущих в лесу! Мы слишком долго питались надеждами, хотя уже на протяжении значительного времени связаны с Англией. Больше мы не можем ждать! Дальше затрагивались и другие вопросы, волновавшие Будриса.

Биль почти всю ночь шифровал, загоняя непослушные слова в алгебраические формулы. Его время наступало в три тридцать. Он разбудил Графа.

Граф поднялся так, словно и не спал. Вот эта способность командира лечь и сразу заснуть, подняться среди ночи или перед утром больше всего удивляла Биля. Сейчас Графу не понадобилось даже воды, чтобы спрыснуть лицо. Он тут же присел перед радиостанцией.

Значит, ему нужно было проследить, как примет Лондон радиотелеграмму Будриса. Перед началом передачи он спросил:

— Как вы там передаете знак «срочно расшифровать»? Вот такой знак и дай!

Англичане, получив обширное сообщение Будриса, просили Биля слушать их завтра в три сорок пять.

Граф холодно улыбнулся.

— Ага, зашевелились, проклятые! Пусть им будет так же жарко, как нам! А теперь давай спать, Биль! Мы свое дело сделали!

Весь следующий день Биль провел в ожидании. Не то чтобы ему очень уж хотелось убежать из Латвии в тот момент, когда скоростной катер Хельмута Клозе будет ожидать окончания десанта, но и такое желание тоже было, однако ж его больше занимала вторая сторона дела: как англичане перешлют паспорта и человека, который может их подделывать? С таким-то паспортом Биль будет сват министру и кум королю! Вот об этом и раздумывал Биль...

День тянулся медленно-медленно. Граф, человек железной выдержки, с утра отправился на разведку — осмотреть дальний бункер, стоящий ближе к морю. Если он уцелел от непогоды, то в том случае, когда англичане дадут положительный ответ, его придется ремонтировать, если же никакого доброго ответа не будет, тогда придется всем лесным бродягам перебираться в Тераидское лесничество, где леса все же погуще.

Граф вернулся к вечеру. Еще с порога сказал:

— Ну, ребята, угадайте, кто занимал бункер после того, как мы ушли?

— Неужели новая банда? — спросил Мазайс.

— Ну, ты бы выбирал слова, Мазайс! — сухо остановил его Граф.

— Лесорубы! — ответил Кох.

— Пионеры! — сказал кто-то из стариков.

Граф выдержал паузу, потом сообщил:

— После нас там зазимовала семейка кабанов. Они вышибли дверь и влезли внутрь, удобно устроившись на оставленном нами внутри бункера валежнике.

— Нет, братцы, я в этот бункер на зиму не пойду! — заскулил Кох. — Эти проклятые свиньи обязательно вспорют мне живот. Я среди вас выгляжу по-настоящему упитанным. Конечно, если бы не Альвирас, я выглядел бы еще лучше.

— В доме повешенного о веревке не говорят! — буркнул Граф.

— Ну, а я бы, братцы, пошел в наш бункер осенью. Пристрелил бы кабанов, а потом всю зиму ел бы отличную колбасу! — разохотился Мазайс. — Что там ни говори, кабанье мясо — хороший продукт!

— Вот мы тебя и направим добывать это мясо! — пригрозил Граф. — Давно не ел его, — вздохнул он.

Кох спросил у Мазайса:

— А ты почему бросил Бертулиса?

— Он, бедняга, окончательно влюбился в племянницу лесника Генрика!

— Ты шутишь! Женился, что ли?

— Пока нет! Девка — огонь!

Биль вздохнул, вымолвил коротко:

— Вот идиот! А я ему еще паспорт привез. И деньги. Мог бы уйти совсем в другой город и вести там свою работу...

— Вот привезут всем по паспорту, ты, Биль, всех нас сфотографируешь, умный человек подумает, как сделать каждый паспорт по-настоящему, а потом разъедемся мы по разным местам и встречаться будем только по Ивановым дням! Потому что в Иванов день нас всю жизнь в лес тянуть будет. Может, назначим заранее место встречи? Давайте тот самый бункер, где обитали зимой кабаны?

— А ну, ребята, прекратить трепотню! Билю до работы надо еще поспать! — предупредил Граф. Все начали укладываться на нары. Летом чаще спали на улице, как ни надоедали комары. Но теперь было еще холодно.

— Дежурный по караулу, разбуди Биля в три ровно! — приказал Граф.

Дежурный кивнул. Граф проверил, как выведена антенна, заставил и Биля проверить рацию, потом улегся и мгновенно заснул.

А Биль опять не спал. Он думал о Бертулисе. Конечно, жениться можно только на девушке из «лесной» семьи. Таких тоже немало. Они понимают все, начиная от фальшивого паспорта, кончая внезапным арестом. Но сначала лучше всего поступить на работу. Хорошо бы шофером. Биль умеет водить машину любой марки. А уж потом влюбляться и жениться! Может быть, у Бертулиса очень чистый паспорт? И все-таки странно!

Потом Биль заснул, а в три часа его разбудил караульный. И началась наладка радиостанции и ожидание сеанса радиосвязи.

В три сорок пять в эфире заработал радиоцентр. После обычного выяснения, как слышат друг друга обе стороны, началась передача английской радиограммы. Биль записывал и записывал, пока не устала рука. Потом последовал небольшой перерыв, и мучение с цифрами продолжилось. Он понимал, что принимает новую радиограмму. После первой отбили знак, означающий «конец».

Его отпустили не скоро. «Если так пойдет дальше, — подумал Биль, — то мне придется защищаться, как Петерсону. А Петерсона ухлопали именно благодаря защите. Если окружат Биля, он поднимет руки...» Тут Биль догадался, что руки он не поднимет. Петерсон выходил на связь с одним помощником и все же стал отстреливаться. А тут его охраняет дюжина разбойников. Так что, дорогой Биль, тебе придется испытать на себе, что стоит пуля...

А рука его все время двигалась по бумаге. Он писал и писал. И вдруг понял: он принимает новое поручение Лидумсу:

«№ 8 с — 241. В городе, который в списке, находящемся у Лидумса, значится под номером двенадцать, имеется крупный завод под названием «Вагонный», который находится на восточной окраине города.

Завод производит железнодорожные вагоны. До войны он выпускал танки, и мы думаем, что производит их и сейчас. Очень возможно, что заводские цехи по производству танков находятся там же, где и цехи, в которых изготовляют вагоны, но возможно также, что танковые цехи находятся в другой части города... (Окончание следует!)»

«А может быть, следует продолжение? Такую радиограмму, на какую замахнулись англичане, в короткий текст не уложишь! Надо снова поднимать Графа...»

Граф поднялся, принялся за вторую радиограмму. И тут же воскликнул:

— Вот черт, опять Лидумса задевают!

Но дочитал молча, сказал, сердясь, Билю:

— Получишь завтра конец, доложи!

И улегся спать.

Но с этого дня, с приема последней радиограммы, сон Биля стал скверным. Каждую ночь его будил караульный, и Биль разворачивал рацию, стеная про себя: «Черт бы вас побрал, господа англичане!» Сначала он принимал бесконечную радиограмму англичан, касающуюся города номер 12. Он принимал ее в течение шести ночей помаленьку, а потом начал не спать по той причине, что англичане приступили к непосредственной подготовке операции. Тут уж Биль ложился только днем. Места, откуда приходилось вести передачи, менялись из ночи в ночь.

А пока что Биль принимал описание завода в городе, который именовался у англичан и Лидумса одновременно под номером 12. Вот что писали англичане:

«№ 8 с — 242. Мы желали бы получить ответы на следующие вопросы — разумеется, не следует заходить на завод и ничего ни у кого не спрашивать.

Как размещены колеса у танков, сколько их на каждой стороне, имеются ли отдельные маленькие ролики, если такие имеются, то в каком количестве. Необходима ширина гусениц...

И опять «Окончание следует».

«А может быть, это все еще только начало?» — думал Биль.

Следующей ночью англичане спрашивали:

«№ 8 с — 243. Нас интересует далее длина видимой части артиллерийского устройства танка, превосходит ли ствол орудия длину танка, выходит ли ствол за край передней оси танка и насколько далеко? Имеется ли на конце ствола дульный тормоз — муфта?

Какова длина корпуса танка, ширина, высота? Если вы увидите танк размещенным на железнодорожной платформе, то просим определить и описать, как он размещен, — был ли он погружен на одной или на двух соединенных вместе платформах?»

Биль бранился что есть силы: сколько радиограмм посвящено танкам? Зачем это нужно делать? Он был убежден, что, сколько ни узнавай о пехоте или о моточастях, воевать все равно придется при помощи водородных бомб, а какие уж тут разведки насчет пехоты! Но все-таки каждую ночь поднимался и записывал группы цифр.

«№ 8 с — 244. Думаем, что раздобыть количество выпускаемой танковой продукции будет тяжело и рискованно, но если у вас возникнет какая-либо идея получить эти данные, будем благодарны узнать от вас: из чего возникает эта идея и как ее можно осуществить?»

«№ 8 с — 245. Рекомендуем взять в дорогу тайнописные каброны для записи наблюдений и набросков эскизов тайнописью, и пусть это остается до вашего возвращения домой. Тайнописные записи до этого проявлять не следует. Перед отъездом в город № 12 проверьте, как будет протекать проявление взятой вами с собой тайнописи, сделав поверочные записи.

Просим ответить, все ли вы поняли и когда предполагаете выехать в город номер 12...»

«№ 8 с — 246. Для непредвиденных расходов, связанных с выполнением нашего задания, попытаемся через наших моряков переслать вам определенную сумму денег...»

Вот от денег Биль не отказался бы! В последний раз он передал Бертулису пять пакетов по десять тысяч рублей. А сам остался с меньшим количеством, да из этого еще пришлось вручить командованию в подарок десять тысяч рублей! Конечно, в этом была кое-какая соль: раз вручил, надо беспокоиться и обо мне! А то могло бы получиться так: денег не дал, можешь уходить куда глаза глядят!

В следующую ночь вернулся Граф, возивший Будрису кипу расшифрованных радиограмм. Граф растолкал Биля.

— Вставай! Слышишь, вставай!

Биль сел на нарах.

— Включай свою машину! Когда по расписанию радиосвязи у тебя очередной сеанс? Надо передать две радиограммы. Ты все еще спишь?

Первая радиограмма была описанием разведанного места, которое можно было использовать для высадки десанта с катера «Люрсен-С». Далее шло длинное объяснение, как будут работать радиомаяки Будриса на этом берегу.

После этой радиограммы шла другая:

«В город № 12 отправится Лидумс. Но у него нет денег. Юрка выходил на связь с вашим моряком, но встреча не состоялась не по вине Юрки. Лучше всего прислать деньги с десантом. Будрис».

Биль вспомнил с десяток английских радиограмм, поступивших зимой, о встрече представителя Будриса с моряком торгового судна, который должен передать крупную сумму денег. Тогда договаривались о встрече Юрки с этим моряком. Видно, моряк сдрейфил, и встреча с Юркой не состоялась... Зашифровывая, Биль спросил:

— А кто такой Лидумс?

Граф с усмешкой ответил:

— Ты же с ним приехал! В Англии его звали Казимир!

О боже мой! Конечно, Казимир! Он может проникнуть куда угодно! Нет, правильнее то, что я буду сидеть и передавать, а доставлять сведения будут другие. Я бы не смог раздобывать эти сведения. Пусть я буду радистом!

Продолжение следует.

«Дело для меня очень важное...»

Ю. ПРОКУШЕВ

К каждому хоть раз в жизни приходит его весна. И каждый навсегда сохраняет ее в своей памяти. Единственную. Неповторимую.

Такой для Сергея Есенина стала весна тысяча девятьсот пятнадцатого года:

Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

«Чуть ли не в самом начале нашего знакомства,— вспоминает Д. Н. Семеновский, встречавшийся с молодым рязанским поэтом в университете Шанявского в конце 1914 — начале 1915 года,— Есенин сказал мне о своем намерении переселиться в Петроград. Мы шли по Тверской, мимо нас мчались лихачи, проносились, отсвечивая черным лаком, редкие автомобили. Есенин говорил:

— Весной уеду в Петроград. Это решено.

Ему казалось, что там, в центре литературной жизни, среди борьбы различных течений, легче выдвинуться молодому писателю».

Давно ли первые стихи Есенина были опубликованы в детском сытинском журнале «Мирок», и он с радостью сообщал об этом своему другу — Грише Панфилову. Теперь стихи его появляются в «Млечном пути», «Друге народа», «Марсе». Быстро крепнет его мастерство. Внимательно следит он за стихами поэтов-современников, особенно молодых.

2 февраля 1915 года Есенин вместе с поэтом Фоминым был избран в обновленный состав редакции журнала Суриковского кружка «Друг народа». На обсуждении материалов, предназначенных для публикации, Есенин решительно выступил против помещения в журнале «красивых подделок» — стихов слабых, подражательных.

Есенин не только взыскательно относился к стихам молодых поэтов-суриковцев. Прежде всего он был предельно требователен к себе, своему творчеству. Многие юношеские стихи при жизни Есениным не были опубликованы. Этот взыскательный самоконтроль, несомненно, способствовал раннему выявлению неповторимой художественной индивидуальности поэта.

Все неудержимей тянет Есенина в северную столицу. Все чаще теперь он мечтает о встрече с первым в то время поэтом России — Александром Блоком.

«Однажды, поздно вечером, мы шли втроем,— вспоминает Н. Н. Ливкин,— я, поэт Николай Колоколов и Есенин — после очередной «субботы» (в «Млечном пути».— Ю. П.). Есенин возбужденно говорил:

— Нет! Здесь, в Москве, ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежачий камень вода не течет. Славу надо брать за рога... Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...»

Есенин готовится к этой поездке. Работа в типографии «отнимает очень много времени: с восьми утра до семи часов вечера, некогда стихи писать. В декабре он бросает работу и отдается весь стихам, пишет целыми днями». «В это время,— отмечает поэт позднее в автобиографии,— у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам». Поехал в неизвестность. Без денег, без рекомендательных писем, с одним богатством — стихами. За окном поезда была его Россия. Серое небо. Поля, перелески. Избы, вросшие в землю... Где-то «вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка...».

Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Эта Россия — солдаты, мужики, бабы — была вместе с ним и здесь, в тесном вагоне третьего класса. Об их судьбе, печальной, неустроенной, поэт рассказал в своей «Руси»:

Затомилась деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,—
Не погибли ли в жарком бою?

. . . .

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрался над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

Дорогой ценой доставались эти «успехи». Да и были ли они? Сколько русских солдат погибло на войне! Сколько матерей не дождались своих сыновей! Сколько девичьих надежд убила война!

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых — красные цветы.

Эти строки — один из первых тревожных откликов поэта на войну. «Война мне всю душу изъела»,— скажет он позднее в «Анне Снегиной».

Как же встретил Петроград молодого рязанца? Чем жила столица в те дни, когда Есенин, сойдя с поезда, буквально прямо с вокзала, отправился разыскивать Александра Блока?

«Начиналось второе полугодие войны, и чувствительный тыл под сенью веселого национального флага заметно успокаивался. Запах крови из лазаретов мешался с духами дам-патронесс, упаковывавших в посылки папиросы, шоколад и портянки... В пунктах сбора пожертвований на возбужденном Невском пискливые поэтессы и женственные поэты — розовые и зеленолицые, забракованные и окопавшиеся — читали трогательные стихи о войне и о своей тревоге за «милых». Некоторые оголтелые футуристы, не доросшие до Маяковского, но достаточно развязные и бойкие, играли на созвучиях пропеллера и смерти. Достигший апогея модности, Игорь Северянин пел под бурные рукоплескания про «Бельгию — синюю птицу»... Патриотическое суворинское «Лукоморье» печатало на лучшей бумаге второсортные стихи о Реймском соборе под портретами главнокомандующих».

Это свидетельство одного из современников Есенина, В. С. Чернявского, зримо передает ту ура-патриотическую атмосферу «войны до победного конца», которая бросалась в глаза каждому, кто оказывался тогда в столице.

Петроград жил войной.

Россия жила войной.

Но каждый класс, каждая социальная группа по-разному воспринимали войну.

«...тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины»...»[1].

В этом шумном хоре «защитников царя и отечества» тон задавали в столице акмеисты.

И поистине светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы ясны и крылаты
За плечами воинов видны,—

писал Н. Гумилев в стихотворении «Война».

«Маскарады, вернисажи, пятичасовые чаи, ночные сборища. Мир уайльдовских острот, зеркальных проборов, мир, в котором меняется только узор галстуков. Кончится это страшно. Но о конце никто не думает»,— так позднее напишет об этих днях, оказавшись в белогвардейской эмиграции, поэт-акмеист Г. Иванов.

С этим призрачным миром, с поэтами-акмеистами еще доведется столкнуться Есенину в Петрограде. После революции в Берлине, в 1922 году, он напомнит тому же Г. Иванову об этих встречах.

Пока же отметим одно важное обстоятельство. Незадолго до приезда Есенина в Петрограде прозвучали другие стихи, ничего общего не имеющие с поэзией акмеистов и прочих декадентствующих пиитов:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных
к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Стихи эти в февральские дни пятнадцатого года в «Бродячей собаке» прочитал автор — Маяковский. Позднее в автобиографии «Я сам» он писал: «Война. Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Стихотворение — «Война объявлена»... Зима. Отвращение и ненависть к войне. «Ах, закройте, закройте глаза газет»...

Это строка-рефрен из стихотворения «Мама и убитый немцами вечер»:

По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу глазет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

20 ноября 1914 года Маяковский впервые напечатал это стихотворение в московской газете «Новь». Через три дня, 23 ноября, в этой же газете Есенин опубликовал стихотворение «Богатырский посвист». Отдельные мотивы этого стихотворения получат свою дальнейшую разработку в есенинской «Руси».

Так впервые на страницах газеты «Новь» «встретились» два поэта. Через год они познакомятся лично. Позднее будут встречаться на литературных вечерах, в редакциях, резко, непримиримо спорить на диспутах и в печати о России и Америке, о футуризме и имажинизме.

При всем том строки Маяковского о войне Есенин запомнит надолго.

Позже, в 1920 году, он скажет Ивану Грузинову во время разговора о Маяковском о его стихах:

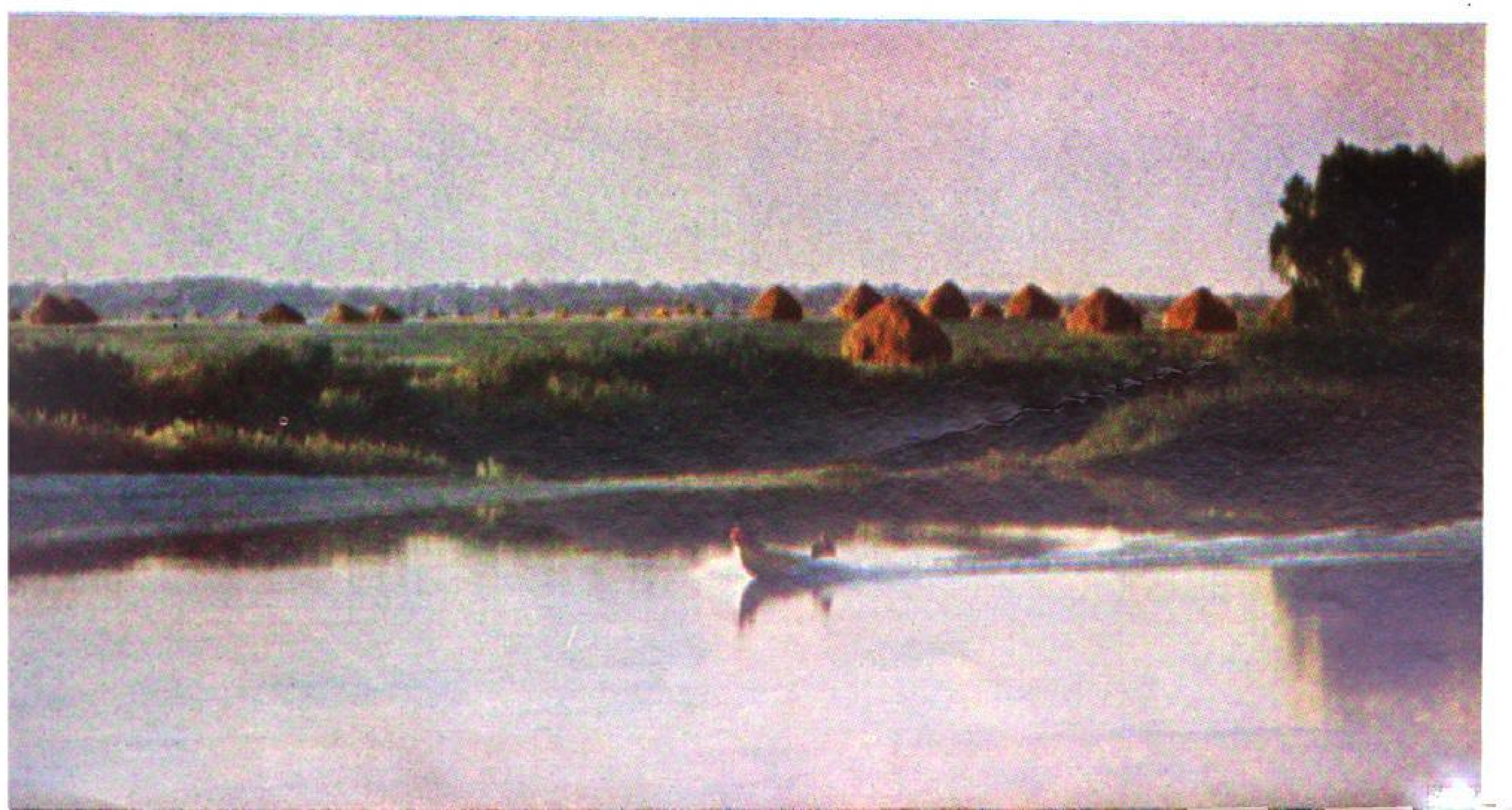
— Мне нравятся строки о глазах газет: «Ах, закройте, закройте глаза газет!»

И, вспомнив отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: «Мама и убитый немцами вечер» и «Война объявлена», прочтет несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью...

Стихи Маяковского о войне тогда же, в февральские дни пятнадцатого года, впервые услышал Горький, который незадолго до этого писал одному из своих адресатов в Сибирь: «...Общее впечатление — и не мое только — таково, что люди потихоньку разбираются в хаосе эмоций, возбужденных войною, начиная кое-что критиковать, желая в чем-то разобраться. Особенного — ничего, однако — веет некий новый дух, становится свежее, умнее».

[1] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 106.

Когда начнет выходить горьковская «Летопись», во втором номере журнала будет напечатано стихотворение Есенина «Молебен» («Заглушила засуха засевки...»). В дальнейшем в одном из номеров Алексей Максимович хотел опубликовать есенинскую поэму «Марфа Посадница». К сожалению, царская цензура запретила ее печатать...

А пока, никому не известный в столице, молодой рязанский поэт шагал по оживленному и шумному Невскому проспекту.

В тот день, 9 марта 1915 года, Блок отмечает в записной книжке: «Перемышль сдался.— Усталость.— Днем у меня рязанский парень со стихами». Документы, свидетельства современников позволяют довольно точно воссоздать общую атмосферу и важнейшие моменты первой встречи двух поэтов, встречи, которой суждено было сыграть такую важную роль во всей дальнейшей судьбе Есенина. И не случайно, как бы предчувствуя это, Есенин настойчиво просит Блока принять его. «Александр Александрович! — обращается он к Блоку.— Я хотел бы поговорить с Вами. ДЕЛО ДЛЯ МЕНЯ ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ (подчеркнуто мной.— Ю. П.). Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4. С почтением. С. Есенин». На этом коротком есенинском письме Блок после встречи записывает: «Крестьянин Рязанской губ., 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык. Приходил ко мне 9 марта 1915».

Менее известна другая записка. Она предельно коротка: «Я поэт, приехал из деревни,— указывает в ней Есенин,— прошу меня принять».

Почему Есенин вынужден был дважды обращаться к Блоку? Возможно, он не застал Блока дома. Но вероятнее всего другое. В те дни Блок чувствует себя особенно одиноким и усталым. 28 февраля 1915 года он записывает в дневнике: «Плохо в России». И далее о себе: «Гулянье, шлянье — апатия».

1 марта: «Брожу, ленюсь, тоскую».

2 марта: «Нашел равновесие в работе над стихами».

3 марта: «Корректуры Григорьева и «Стихов о России».— Бодро, хоть почти не спал».

5 марта: «Усталость. Стихи».

7 марта: «Тоска, хоть вешайся».

8 марта: «Усталость».

Так бывало и раньше. Вспомним:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

То был двенадцатый год. А теперь — эта страшная, чуждая народу война. «Плохо в России...» Нервы поэта обострены предельно. Настроение подавлено. В таком состоянии трудно настроить себя на встречу с незнакомым человеком. Вот почему, вероятнее всего, первая записка Есенина к Блоку остается без ответа. Но проситель на редкость настойчив. За первой он посылает вторую записку. Из нее Блоку становится очевидным, что на этот раз его просит принять не просто один из начинающих столичных стихотворцев, а поэт-крестьянин. Ради встречи с Блоком он приехал из деревни. Именно это обстоятельство заставляет Блока изменить свое первоначальное намерение и принять Есенина. Ведь это он, Блок, а не кто-нибудь другой еще в 1908 году писал в своих стихах:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви!

Не принять поэта-крестьянина, который пришел к нему, Блоку, со своими думами об этой нищей, полевой Руси, он не мог. Россия, ее судьба давно стали смыслом его жизни:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!..
. . . .
И вечный бой! Покой нам только снится...

Эти строки, наполненные любовью к России, родились в сердце Блока еще в те годы, когда «крестьянский сын» — Сергей Есенин только-только начинал «слагать» свои первые стихи.

Позднее, в тревожном 1914 году, Александр Блок, сознавая великую меру ответственности перед историей и будущим России, взволнованно писал:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Осенью того же четырнадцатого года Блок отмечает в дневнике: «Последний срок для представления в «День» отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только Россию одну».

Характерно в этом отношении свидетельство одного из современников Блока, относящееся к марту 1915 года:

«В зале Армии и Флота был большой вечер поэтов... В этот день, помню, седовласый Сологуб, явясь публике в личине добродушия, читал стихи о «невесте-России». И неожиданно, не в лад с другими, весь сдержанный и точно смущенный появился на эстраде в черном сюртуке Александр Блок. Его встретили и проводили рукоплесканиями совершенно иного звука и оттенка, нежели те, с которыми только что обоняли запах северянинской пачули. Волнуясь, он прочел стихи о России, о своей, блоковской, России и о человеческой глупости, прочел обычным, холодноватым и все-таки страстным, слегка дрожащим голосом, приглушенным и чистым одновременно...»

Чувство кровной сопричастности к России, ее судьбе становится главным и для молодого рязанского поэта. Еще в 1914 году он писал:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Вот что прежде всего приводит Есенина в Петрограде к Блоку, а не к модному Бальмонту или шумно-эстрадному Игорю Северянину. Он приходит к поэту, который любил, страдал, жил одним — Россией.

По началу встречи с Блоком Есенин сильно волновался. «Когда я смотрел на Блока,— с улыбкой рассказывал он позднее,— с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта». Волнение вскоре прошло. Помог этому Блок, обладавший редким даром чуткого и отзывчивого собеседника.

Позднее, будучи известным поэтом, Есенин с благодарностью вспоминал, как Блок во время разговора посвящал его в секреты поэтического мастерства.

«Иногда важно,— говорил он в 1924 году одному начинающему стихотворцу,— чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее 20 строк, оно, безусловно, потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым.

Учись быть кратким!.. Помни: идеальная мера лирического стихотворения двадцать строк».

Да, «все на свете повторимо...». Прошло всего девять лет. И вот Есенин, как старший, поблоковски уже напутствовал начинающего поэта.

В годы юности Есенин считал Блока «первым поэтом». Доверие и любовь к Блоку родились у него еще задолго до того времени, когда он впервые пришел к Блоку на Офицерскую улицу. «...Я уже знал, что он хороший и добрый, когда прочитал «Стихи о Прекрасной Даме».

Спустя несколько дней после встречи Есенин, как свидетельствует В. С. Чернявский, «говоря о Блоке, с нежностью вспомнил, как тот беседовал с ним об искусстве: «Не столько говорил, сколько вот так объяснял руками... «Искусство — это, понимаете...» А сказать так и не умел». По-видимому,— замечает Чернявский,—Блок искал особенного для него языка».

Есенин пришел к Блоку со своей Россией, со стихами, наполненными подлинно народным «чувством родины».

Стихи эти были рождены любовью к чудесной, неповторимой стране березового ситца, где прошло босоногое детство поэта, отшумела его юность.

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.

Но Русь всегда жила беспокойно, тревожно: то грудью вставая против иноземных врагов на поле Куликовом и под Бородином, то озаряясь всполохами народных мятежей и восстаний.

Вместе с картинами родной природы, с образами, выхваченными непосредственно из деревенской жизни, героями юношеских поэм Сергея Есенина становятся: и Евпатий Коловрат со своими «сокольями-дружниками»; и мужественный сподвижник Степана Разина — «верный сын» Василий Ус; и Марфа Посадница, призывающая «внуков Васькиных, правнуков Микулы» защитить «вольный Новгород» от московского царя. Образы эти очерчены молодым поэтом порой еще как бы пунктиром; они недостаточно конкретны исторически. Но при всем этом по своим былинно-песенным, народным истокам они были созвучны романтически легендарным героям блоковского цикла «На поле Куликовом».

Какие есенинские стихи мог услышать Блок? Всего вероятнее, это были ранние стихи, которые затем вошли в первую книгу поэта «Радуница». Есенин читал одно, второе, третье... пятое стихотворение. Блок слушал.

За свою жизнь Блок видел и слышал многих поэтов, и начинающих и именитых. Его трудно было удивить. Он знал толк в стихах. И все же Есенин удивил, а вернее, взволновал Блока как поэта. «Стихи свежие, чистые, голосистые». Не часто требовательный к себе и другим Блок столь высоко отзывался о стихах, которые слышал впервые. Предельно лаконичная, вместе с тем в высшей степени емкая и проницательная оценка стихов Есенина Блоком говорит о многом.

«Поэт — эхо,— писал в марте 1915 года одному из своих корреспондентов Максим Горький,— он должен откликаться на все звуки, на все зовы жизни... У Вас много ветра, осени, неба, но мало человека, мало песен души его. А эти песни — самое интересное, именно они-то и являются вечными темами истинной поэзии».

В стихах молодого рязанского поэта было много «песен души», души, человечески неповторимо прекрасной, глубоко народной, пусть порой еще юношески наивной, но всегда светлой и чистой. В них звучал голос родной земли. Отсюда их живой, многословный язык, их «голосистость».

«Первое впечатление совершенно пронзило слушателей — новизной, трогательностью, настоящей плотью поэтического чувства...— вспоминает В. С. Чернявский, вскоре после Блока услышавший стихи Есенина.— И менее и более впечатлительные чувствовали, что здесь — в этих чужих и близких... но подлинных и кровных песнях — радостная надежда, настоящий русский поэт».

Спустя некоторое время один из рецензентов первой книги Есенина «Радуница», куда вошли его ранние стихи, писал: «Усталый, пресыщенный горожанин, слушая их, приобщается к забытому аромату полей, бодрому запаху черной, разрыхленной земли, к неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусами вялое сердце».

Все это будет сказано уже после Блока. Он первым открыл талант Есенина, первым услышал «песни души» рязанского поэта и «сразу признал» его. А главное — ввел в большую литературу.

Во время первой встречи Блок сам, лично, отобрал для печати шесть стихотворений Есенина! По существу, это был небольшой цикл, первый в жизни рязанского поэта. Важным был еще один шаг, который предпринимает Блок, озабоченный дальнейшей судьбой Есенина. Понимая, как трудно напечататься в столичных журналах начинающему поэту, да еще из крестьян, а также зная, что у Есенина в Петрограде нет ни друзей, ни знакомых и ему, по существу, на первых порах негде даже остановиться, Блок с отобранными стихами и своим кратким рекомендательным письмом направляет Сергея Есенина к поэту С. М. Городецкому и литератору М. П. Мурашеву. И того и другого Блок знал довольно хорошо и был уверен, что они внимательно отнесутся к Есенину. «Дорогой Михаил Павлович! — писал Блок Мурашеву.— Направляю к Вам талантливого крестьянского поэта-самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и Вы лучше, чем кто-либо, поймете его. Ваш А. Блок». Внизу была приписка: «Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к С. М. (Городецкому). Посмотрите и сделайте все, что возможно. А. Б.».

Как видим, и в этом письме Блок прежде всего отмечает и подчеркивает одаренность и самобытность молодого рязанского поэта. «Направляю талантливого... поэта-самородка». Далеко не всегда можно было услышать от сдержанного на похвалы Блока подобные оценки и рекомендации.

М. П. Мурашев постарался действительно сделать для Есенина «все, что возможно». «...В первый раз пришел ко мне Сергей Александрович Есенин, в синей поддевке, в русских сапогах, и подал записку А. А. Блока,— расска-

зывает в своих воспоминаниях М. П. Мурашев.— Он казался таким юным, что я сразу стал к нему обращаться на «ты». Я спросил, обедал ли он и есть ли ему где ночевать? Он сказал, что еще не обедал... Сели за стол. Я расспрашивал про деревню, про учебу, а к концу обеда попросил его прочесть свои стихи. Есенин вынул из сверточка в газетной бумаге небольшие листочки и стал читать. Вначале читал робко и сбивался, но потом разошелся.

Проговорили долго. Время близилось к полуночи. Есенин заторопился. Я его удержал и оставил ночевать. Наутро я ему дал несколько записок в разные редакции и, прощаясь, предложил временно пожить у меня, пока он не подыщет комнату».

Известно, что первое время в Петрограде Есенину жилось нелегко. Не было денег, не было своего жилья. Приходилось ночевать где придется. Временами Есенин жил у Мурашева. Здесь ему всегда были рады, относились дружески. С Мурашевым он мог посоветоваться по своим литературным делам, зная, что всегда получит искреннюю поддержку и помощь. Позднее Есенин всегда с добрым чувством вспоминал об этом. «Первому из первых друзей моих города Питера, Мише Мурашеву. Любящий Сергей, 1920 г.» — такой автограф оставил Есенин на одном из сборников своих стихов, подаренном им М. П. Мурашеву в Москве в 1920 году. «Первому из первых друзей...» Не многим Есенин смог бы так написать.

Письмо Блока привело Есенина впервые и к поэту Городецкому. Они встретились 11 марта 1915 года. «Есенин,— вспоминает Городецкий,— пришел ко мне с запиской Блока. И я и Блок увлекались тогда деревней... Стихи он принес завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни...» В тот же день Городецкий писал редактору «Ежемесячного журнала» В. С. Миролюбову: «Дорогой Виктор Сергеевич. Приласкайте молодой талант — Сергея Александровича Есенина. В кармане у него рубль, а в душе богатство». На сборнике своих стихов «Четырнадцатый год», который он подарил Есенину, Городецкий написал: «Весеннему братику Сергею Есенину с любовью и верой лютой».

Как видим, и Мурашев и Городецкий самым внимательным образом отнеслись к просьбе Блока. Каждый из них сделал много доброго для Есенина, особенно в первые месяцы его пребывания в Петрограде.

9 марта 1915 года — день первой встречи с Блоком — стал для Есенина едва ли не самым радостным и счастливым. Талант его признал первый поэт России. Прощаясь, Блок подарил молодому рязанскому поэту книгу своих стихов. Есенин навсегда сохранил добрую память и чувство огромной благодарности к Александру Блоку. «Я очень люблю Блока»,— не раз признавался Есенин друзьям. К нему «только сначала подойти трудно».

Пример Блока воочию убеждал Есенина, что только предельная искренность и правда чувств рождают в сердце поэта стихи, без которых люди не могут жить, как без воздуха и света.

И, конечно, не случайно в наши дни, чем больше и больше мы вчитываемся в стихи Есенина о России, чем больше и больше поэзия Есенина занимает место в наших сердцах, тем ближе и ближе к нам становится не только Есенин, но и Блок. Да, да, мы не оговорились, именно Блок, его поэзия, его судьба.

Возникает своеобразная эмоциональная цепная реакция: чувство родины, которым наполнены до краев стихи Есенина захватывая в песенный плен наши сердца, заставляет нас сегодня в первую очередь вспомнить Блока, а не тех поэтов, кого долгое время считали наставниками и учителями Есенина, и кто, если верить иным мемуаристам и критикам, оказал самое главное и сильное влияние на творчество Есенина.

И пусть временами Есенину казалось, что он «отходит» от Блока, пусть временами он спорил с Блоком, доходя в этом споре порой до «отрицания» Блока,— все это не могло повлиять на главную объективную линию их удивительного внутреннего единства, на ту нерасторжимую поэтическую связь времен, которая навсегда соединила их в истории русской поэзии, в истории России.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

«Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина,— рассказывает Петр Иванович Чагин, редактор «Бакинского рабочего» и один из самых близких друзей поэта,— был день 1 мая 1925 года.

Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем — рабочие, народные гулянья. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Азербайджана, Сергея Есенина. Он не был к тому времени новичком в среде бакинских нефтяников. Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта.

Есенина на маевке встретили как старого знакомого. Вместе с партийными руководителями ходил он по лужайкам, где прямо на земле, на молодой весенней траве, расположились рабочие со своими семьями, читал стихи, пел частушки.

После этого поехали на дачу в Марданьянах, под Баку. Там Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал новые стихи из цикла «Персидские мотивы».

Киров, человек большого эстетического вкуса, блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит — довообразит. Он же поэт, да какой!»

Огромное впечатление произвела на Есенина эта встреча с Сергеем Мироновичем. Они встречались уже второй раз. Первый раз — осенью 1924 года, на вечере в честь приезда Михаила Васильевича Фрунзе в Баку. Как и тогда, Есенин сейчас без конца выведывал у меня все подробности боевой работы Кирова в Одиннадцатой армии, в Астрахани. Признавался мне, что лелеет и нежит мечту написать эпическую вещь о гражданской войне, и чтобы обязательно в центре всего этого эпоса, который должен перекрыть и «Песнь о великом походе», и «Анну Снегину», и все написанное им, был Ленин.

«Я в долгу перед образом Ленина,— говорил Есенин.— Ведь то, что я писал о Ленине — и «Капитан земли» и «Еще закон не отвердел»,— это слабая дань памяти человека, который не то что как Петр Первый Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».

Тогда же, осенью 1924 года, Есенин написал свою знаменитую «Балладу о двадцати шести» бакинских комиссарах:

Пой, поэт, песню,
Пой,
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26.

В Баку с предисловием П. И. Чагина вышла книжка Есенина «Русь советская». С чувством огромной благодарности обращается Сергей Есенин в стихах к своим замечательным азербайджанским друзьям, уезжая из Баку летом 1925 года:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

На снимке: Сергей Есенин среди бакинских журналистов. Справа от поэта П. И. Чагин. Баку, 1925 год.

Н. КОНСТАНТИНОВ

Виктор ИЛЬИН

Рассказ

Рисунок П. Караченцова.

ВЫИГ

Ночью подул ветер с полуден. Воздух сделался влажным и стал словно бы плотнее. К утру, когда Федор вышел к лошади, снег во дворе начал таять. Грязно-желтые сосульки свисали с соломенной кровли, и с них беззвучно падали крупные мутные капли. Приглушенно орали петухи.

Из-под крыльца, заслышав шаги хозяина, вылезла заметно располневшая Пальма, отряхнулась, тяжело всколыхнув отвисающие розовые соски, с визгом зевнула.

— Весна никак,— сказал Федор и почувствовал, как при этих словах в душе у него словно бы стронулось что-то. И хотя день занимался сумеречным и вообще большого добра от весны ему ждать нечего, он порадовался и этой беззвучной капели, и тугим ударам ветра, и похожему на скворчанье сала на сковороде гомону воробьев, облепивших старую ветлу. И он даже погладил собаку по влажной, холодной шерсти, сказал ей ласково:

— Опять набегала!

Потом он вынес ведро теплой воды, налив ее из чугуна, стоявшего на шестке, и долго стоял возле, оглаживая атласную, подрагивающую шею лошади. Зорька перестала пить, прянула ушами, роняя звучные капли с морды в ведро, прислушалась. И тогда Федор услышал лисий с подвыванием лай.

«У них гон сейчас,— сообразил он.— Вот где я тебя достану! Небось, когда за лисой будешь шиться, про ружье-то забудешь».

Он даже засмеялся тихонько от этой мысли, представив, как свалит обеспамятевшего повесеннему лисовина.

Все так же посмеиваясь, он проворно вошел в избу, достал с полатей ружье, насовал в карманы патронов, потом выбрал из них два с картечью, на волков, и подумал: «Плевать, что шкуру испорчу, зато наверняка!»

Он сноровисто запряг Зорьку, спрятал ружье в солому, цыкнул на собаку, которая только могла бы помешать, отворил ворота, потом припер их колом и выехал мимо плетней на сгон.

Охотничий азарт обуял колхозного объездчика Федора Зюгина минувшей осенью. Случилось это неожиданно для всех и для Федора тоже. Виной всему была тульская двустволка, выигранная объездчиком в лотерею на одинединственный тридцатикопеечный билет, который всучили ему в райцентре взамен сдачи.

Федор не верил в выигрыш, пока не получил по почте аккуратную посылку — упакованное в брезентовый чехол тульское бескурковое ружье.

Знакомые предлагали Федору тотчас же сдать ружье в комиссионный магазин, поскольку никогда раньше вдовый объездчик охотой не занимался да и вряд ли займется, поскольку годы у него не молодые, поздновато вроде приобщаться.

Федор слушал советчиков, жмурил хитроватые темные глаза, ухмылялся, поддакивал, а напоследок, почесав рыжеватую бороденку, сказал:

РЫШ

— Ладно, мужики, полбанки за выигрыш с меня. А вот чтобы продать ружье-то, обожду... Оно, я чаю, хлеба не просит, пусть в избе повисит.

И, оставив докучливых советчиков, он пошел в село, по пути завернув в раймаг, где купил две коробки готовых патронов двенадцатого калибра.

Все, кого Зюгин встречал по дороге в село, когда нес свой нечаянный выигрыш, восторгались, ахали и одобряли намерение объездчика не расставаться с тулкой: продать, мол, легко, а вот нажить... Да к тому же вдруг, мол, какой случай — и сгодится ружьишко-то.

И впрямь недели через две, когда выпал снег, Зюгину сказали, что в полях вокруг Мурзихи появились лисы. Они крутились возле ометов и мышковали на сгоне.

Это были лисы-огневки, ярко-рыжие, с белой грудкой и таким же кипенным брюхом. Уставив острые морды, они не мигая смотрели большими, с вертикальными зрачками глазищами, дразня своей близостью и доступностью.

Без ружья лисы подпускали близко. Но стоило объездчику появиться в поле с тулкой, лисы, словно по сигналу, стремительно уносились прочь, низко стеля пушистую трубу — хвост.

И напрасно Федор тратил патроны, пугая гулкими выстрелами обитателей Мурзихи. Не было у него сноровки, не знал он лисьих повадок, ломился, заметив мышкующую огневку, прямо по сугробам, топча вытянутые в нитку лисьи следы-нарыски.

Особенно досаждал и изводил Федора старый лисовин. У него, Федор приметил это еще с первого раза, не было правого уха, и еще при беге лисовин припадал на заднюю левую ногу. Лисовин ближе других подпускал объездчика, когда Федор был без ружья, и первым рысил прочь, стоило появиться с двустволкой. По-стариковски дальнозоркий Федор отчетливо видел рыжевато-красного, приземистого, на коротких лапах зверя. Федор, смаргивая слезу, издали следил за ним.

Зачуяв под снегом кисловатый душок замершей в испуге мыши, лисовин тыкался носом в сугроб, разгребал его, пофукивая от нетерпения и жадности, вздымая белое искрящееся облачко. А затем, словно от удара, взметывался в прыжке, уцепив зубами шелковистую, теплую тушку. И только мелкие бусинки крови оставались на зернистом, сухом снегу.

Тут бы и влепить сшибающий наземь заряд, да медлил Федор, не хотелось шкуру портить, норовил поближе подойти, чтобы в голову пришлась дробь. Но как в жизни бывает: погонится человек за большим, малое потеряет. Порскнет лисовин, вильнет хвостищем. С досады пальнет Федор навскидку, выругается, поглядывая, как улепетывает ярко-красный зверь, оставляя ровнехонький нарыск. А за ним и другие уносятся в степь.

Так за зиму и не взял ни одной. А уж очень ему хотелось. Уговорил себя, бросил глупую затею, даже ружье перестал таскать с собой, на полати закинул, завалил старой одеждой. А мыслями нет-нет да и вернется к лисовину. Даже во сне видится рыжеватая острая морда, чуется острый, звериный запах лисьей урины. За зиму так и не оставил объездчика охотничий азарт, не зря говорят: охота пуще неволи.

К тому же, видно, на роду было написано Федору стать под старость лет заправским охотником: еще осенью Зюгин заприметил редкого по нынешним временам зверя — барсука.

Случилось это белесым, знобким утром возле Соснового оврага. Объездчик оторопел, увидев неуклюжего, мешковатого увальня, неторопливо пересекавшего проселок.

Барсук же, подняв белую, с двумя черными широкими полосами голову, ощерил на объездчика клыкастую пасть, отрывисто заворчал и так же неспешно продолжал бежать к оврагу.

— Ату, ату! — заорал Федор, подзывая отставшую Пальму, и слез с лошади, поопасавшись, что Зорька с испуга может сбросить его. «Эх, ружьишко-то не взял,— подосадовал он, притрусывая за барсуком к оврагу.— Я бы тебе, жирному, влепил!»

Он спустился, цепляясь за ветви, туда, где в голых сросшихся кустах заходилась истошным лаем собака, царапая лапами землю возле черного отверстия норы.

— Не догнала? — отпыхиваясь после бега, спросил Федор.

Он успел приметить еще несколько отнорков и догадался, что барсука сейчас ничем не возьмешь. Забился в логово и хрюкает, морщит черный, блестящий нос. Знает, не докопаться до него, а если и заберется собака, в темноте и теснотище в два мига прикончит ее матерый, яростный в защите увалень. Говорили, на человека бросается, норовит укусить за ноги, за что и кличку получил «язвик».

— Сюда!— Федор позвал собаку и стал карабкаться на гребень оврага.— Все равно наш будет, некому больше, кроме нас!

Барсук вскоре залег в спячку. Федор убедился в этом спустя несколько дней, вновь обшарив овраг. Отнорки и главный вход были изнутри забиты землей. Слышал Федор, почти на десять метров тянется нора у барсуков, надежно и бережно пряча обитателя в сухом и чистом логове, выстланном листьями, мхом и травой. Теперь ждать до марта, когда выберется лежебока, потягиваясь и зевая, словно пес.

Досадно Федору, но пришлось утешиться: все равно за зиму никуда не уйдет, как добро закопанное. Правда, добра-то не больно много, если уж по совести говорить. Не очень-то ценится его серый, с примесью черного мех. Разве только салом взял барсук. От века оно считается самым верным средством, когда ногу поранишь или язву какую залечить. Обмороженных им же лечить можно.

«Не уйдешь,— решил осенью Федор,— весной я тебя подчураю».

Лисью свадьбу он увидел почти сразу же: пятеро красноватых зверей клубились по-над оврагом. Старый лисовин держался к самке ближе других. На бегу он скалил клыки, взлаивал, приседал, поджидая соперников, и отбрасывал их, как только они отваживались приблизиться.

«Вот бы всех!— загорелся Федор, но тут же остудил себя:— Ладно, старого сначала возьму».

Действовал он на этот раз осмотрительно. Согнал Зорьку с дороги, так, чтобы ветер дул на лисиц. Звери заметили лошадь и остановились. А он, настегивая лошадь, погнал ее прямо на них. Самка метнулась в сторону, за ней порскнул лисовин, остальные трое подались к оврагу. Теперь Федору надо отбить старого лисовина и гнать самку подальше в степь. В этом-то и было охотничье коварство: самцы, когда пройдет испуг, кинутся по следам самки, и тут уж не зевай!

Отогнав лисовина, не давая лошади затирать лисий нарыск, Федор еще с версту преследовал самку. А потом, увидев ложбинку, в которой можно было спрятаться, стегнул Зорьку, спрыгнул с саней и затаился с ружьем метрах в двадцати от лисьего следа.

Пробежав немного, лошадь остановилась, пофыркивая и взматывая головой. Федор видел, что замерла и лиса. Затем ветер донес ее нетерпеливое подлаивание и визг.

— Давай, давай!— поощрил Федор, прилаживая ружье.— Зови!— Он подышал на правую ладонь, засунул ее под полушубок, в теплое меховое нутро, ощутив, как сильно и часто бьется сердце под сатиновой косовороткой. Лежать было покойно и тепло, только ветер заставлял жмуриться, выбивал из глаз обильную слезу.

Прихрамывающий лисовин набежал первым. Угнув морду, он стлался по насту в стремительном беге, низко опустив пышный хвост.

От выстрела лисовин сунулся мордой в снег, взметнулся и, куснув себя в заднюю ногу, свалился.

Федор привстал на колени и увидел, как по степи, перегоняя друг друга, несутся во весь мах три рыжих зверя. Он обернулся. Далеко к горизонту катился рыжий комок...

— Ну то-то же!— сказал Федор и встал. Проминая наст, он тяжело зашагал к лисовину.— Добегался, старый черт!

Он подошел к лисовину и на всякий случай толкнул его прикладом, не притворяется ли. Лисовин был мертв и походил на поношенный, дурно пахнущий меховой спорок: шерсть, видимо, от старости, висела неопрятными седовато-рыжими клочьями. На хребте зверя торчали редкие белесые остья. Подбородок, горло и передняя часть груди были грязно-белого, Федору подумалось, седого, цвета.

От этой мысли у Федора вдруг пропал охотничий азарт. Он почувствовал, как наливаются усталостью икры ног, отвыкших лазить по такому мятигу, как неприятно частит сердце и слезятся на ветру глаза. Он принялся смаргивать слезы, и рыжий неопрятный комок на снегу стал двоиться и шевелиться, словно живой.

Федор чертыхнулся, вытер глаза: меховой спорок лежал неподвижно. Охотник закурил и внезапно подумал: не зря говорят, только раков смерть красит. И чего он польстился на лисовина? Даже на малахай не сгодится. Оборвал жизнь... А зачем, ради чего? Самому скоро собираться туда, откуда нет обратной дороги. Надо бы подобрее быть в этой короткой, в сущности, жизни, а он на старости лет стал хуже хищника. Именно хуже! Хищник никогда не убивает без нужды...

Он поднял за ногу лисовина. Тушка оказалась неожиданно легкой, и это почему-то еще больше заставило Федора почувствовать свою вину. «Ладно,— виновато подумал Федор, шагая к лошади,— прости меня, зверюха... Схороню я тебя на огороде. А ружье к чертовой матери завтра же в скупку отнесу. Провались он, этот выигрыш!»

Ближе к вечеру белогрудая огневка вернулась к оврагу в сопровождении избранника. Пофукивая, звери обнюхивали пятипалые барсучьи следы, землю, вышвырнутую из норы проснувшимся барсуком. Пыль попала огневке в нос, и лиса негромко чихнула.

Самец, по-собачьи задрав лапу, обмочил лаз едкой, вонючей уриной. Повизгивая от нетерпения, поджимая лапы, лисы крутились возле норы. Наконец из темноты раздалось отрывистое, недовольное ворчание, и показалась полосатая голова. Барсук не терпит нечистоплотной, сильно пахучей огневки. Оскалившись на лис, барсук метнулся вниз, где сплелись кусты лещины и боярышника.

7 ОКТЯБРЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ — 21 ГОД.

ЛЕНИНГРАДЕЦ ТОВАРИЩ ШТУДЕ

К. ЧЕРЕВКОВ,
В. ГЕРАСИЧЕВ

Он никогда не мечтал о дипломатической карьере. Не было денег для учебы, да и откуда им было взяться? В семье пять ртов и отец — инвалид, портной по профессии. Но вот Фрицу повезло: ему удалось стать служащим в банке. Так бы на этом все и кончилось, и быть ему в банке всю жизнь, если бы не была открыта новая страница в истории немецкого народа.

Три года Фриц Штуде на политической работе. Потом он секретарь партийной организации университета в Галле. Демократическая Германия нуждалась в дипломатах, преданных народу, ведущих политику мира и дружбы с социалистическими странами. Партия направила Штуде в МИД. И день рождения ГДР стал для сына портного началом дипломатической жизни. За годы работы в МИДе ему приходилось представлять свою республику в разных странах мира. Он был в Алжире, в Чехословакии, в ОАР... А потом к знанию английского, чешского, арабского, французского языков прибавился русский.

Сейчас Фриц Штуде является генеральным консулом Германской Демократической Республики в Ленинграде.

— Вам нравится,— спросили мы,— ваша работа в Ленинграде?

— Многие дипломаты могут мне позавидовать. Я живу и работаю в Ленинграде, городе, где начиналась новая эпоха в истории человечества.

Рабочий день генерального консула начинается рано — в восемь утра. Но еще чуть раньше Фрица Штуде можно видеть на набережной Невы гуляющим с сыном Андреем.

Сегодняшний день ленинградца товарища Штуде начался со знакомства со станкостроительным объединением имени Свердлова. Генеральный консул привычно садится за руль «Волги» и едет на Выборгскую сторону. Побывав в цехах, в кабинете генерального директора объединения, он узнает, что уникальный станок, над проектом которого еще только у него на родине работают, здесь собран и испытан. Ленинградцы готовы, если этого захотят немецкие друзья, поделиться с ними своим опытом.

Возвращаясь в консульство, он думает о сыновьях. Их у него двое. Петр окончил среднюю школу и пошел работать на завод. Андрей учится в начальной школе. С дочерью забот пока меньше,— она еще ходит в детский садик.

День насыщен разными событиями: приемы, встречи, беседы. У Фрица Штуде на календаре мы видели расписание на неделю. Понедельник — встреча с лекторами-пропагандистами.

СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК, РЕЖИССЕР И АКТЕР

Н. ТОЛЧЕНОВА

Бывает иногда, что мы, современники, размышляя о кинематографии сегодняшней, начинаем «ворчать», что, дескать, вот, мол, раньше-то какие были мастера,— вы, нынешние, ну-тка!..

И ведь действительно, несмотря на всю свою молодость, кино как искусство позволяет, оглядываясь на плеяду блистательных талантов, вспоминать таких мастеров, как Пудовкин и Эйзенштейн, Васильевы и Довженко, великих художническим постижением своей эпохи, образной силой глубинного, творческого исследования ее в человеческих судьбах...

Но спросим себя: что же, разве эта яркая, озарившая весь мир страница отечественной кинематографии уже перевернута и закрыта ходом самой жизни?.. Разве не продолжены, не развиты дальше ее лучшие традиции: широта ее гуманистических принципов, ее незыблемая верность социалистическому реализму, высокая поэзия ее народных характеров в творчестве мастеров нынешних?..

Нет, не мертвым капиталом, а живым, животворным наследием, преобразованным и обогащенным современностью, существуют эти традиции в кинематографии Сергея Бондарчука, замечательного советского режиссера и артиста, чье пятидесятилетие обозначает такую прекрасную жизненную пору, когда все то, что предстоит еще сделать мастеру, наверняка обещает быть не менее значительным, чем то, что мастер уже сделал.

А Сергей Бондарчук сделал в кинематографии так много, что сегодня его кино — повторяю,— ЕГО КИНО — фильмы, поставленные режиссером Бондарчуком, и образы, артистом Бондарчуком в фильмах созданные, составляют — опять-таки в силу животворной традиции социалистического реализма — новую, крупную веху в сегодняшней истории всего мирового кино. Такую знаменательную веху, которая снова обозначает не какие-то локальные наблюдения и размышления над частной жизнью тех или иных, почему-либо привлекших внимание кинематографа людей, а поднимается до высочайших обобщений — исторических, социальных и художественных,— органически сплавленных по чеканной пушкинской формуле в живом, убеждающем единстве судьбы человеческой и судьбы народной.

В этом смысле трудно переоценить величайшее, поистине мировое значение фильма «Судьба человека», поставленного С. Бондарчуком, с заглавной ролью героя, С. Бондарчуком исполненной.

Гуманнейший шолоховский замысел получил здесь такое же удивительно глубокое жизненное воплощение. Картина эта — так же, как в свое время «Чапаев»,— завоевала все сердца, трогая их простотой и вместе силой души советского, русского человека, его благородством и самоотвержением, неизбывной способностью творить добро и восставать против зла во всех его нынешних ипостасях...

Грудью заслонивший мир от фашизма, человек этот, такой, каким он был и остается в самой действительности, вроде бы даже и не замечает — по своей природной скромности — величайших заслуг своих перед человечеством, что еще больше подчеркивает его внутреннее величие.

Андрею Соколову, герою Шолохова и Бондарчука, довелось получить, повторяю, точно такое же признание миллионов, какое выпало когда-то на долю всеобщего любимца, легендарного Чапая. А разве подобное, радостное зрительское единодушие уже само по себе не позволяет отнести «Судьбу человека» к числу тех, пока еще немногих произведений кино, которые становятся шедеврами и остаются навсегда в общей сокровищнице человечества?..

Точно совпадая с массовым представлением о герое как носителе благороднейших нравственных качеств, выражающих самые передовые идеалы времени — коммунистические идеалы,— фильм, созданный Бондарчуком, обозначал, по сути дела, новый идейный и художественный шаг искусства кино на пути большого творческого осознания и раскрытия народной — советской и общечеловеческой — жизни на одном из самых важных исторических ее рубежей.

Следующей крупной вехой, новым вкладом Бондарчука в мировую кинематографию

Они ждут от него рассказа о современном строительстве ГДР. Вечером — встреча с профессорами 22 вузов, где обучается 600 немецких студентов. Вторник — поездка в Советскую Карелию, выступление в Петрозаводске. А когда он уезжает, в Ленинграде остаются другие полпреды его страны, сотрудники генконсульства, которым всегда готова помочь целая армия ленинградцев, членов Общества дружбы СССР — ГДР.

На снимке: генконсул с сыновьями Петром и Андреем.

Фото авторов.

явилась осуществленная им экранизация толстовской эпопеи «Война и мир», с толстовски объемным — объемным внутренне — образом Пьера Безухова, которого Бондарчук показывает как личность, щедро одаренную, глубоко и пытливо мыслящую. Через сознание Пьера Безухова, донесенное до нас Бондарчуком-актером, постигаем мы сложный и широкий, разносторонний мир русской жизни, в которой происходят многие подспудные процессы, медленно вызревают грядущие великие перемены...

Зрители мира были покорены, захвачены найденной мастером кино гармонией идейного и художественного содержания фильма, живым их единством, выраженным особенно ярко в жизни образов, глубоко национальных, доносящих все своеобразие своей эпохи. Покорены и захвачены могучим стремлением мастера кино перенести на полотно экрана, выразить всеми доступными ему средствами величие бессмертного творения Толстого.

Главной удачей этого фильма, если только можно назвать слишком уж неконкретным, общим словом «удача» совершенно конкретный творческий результат огромной, буквально титанической работы — пять лет повседневного, изматывающего труда! — является ставшая внутренней опорой художника и подспудно пронизывающая работу над фильмом ленинская мысль о Толстом, как зеркале русской революции.

Собственно, интереснейшая художественная реализация ленинской мысли, решение ее не «лобовыми», иллюстративными, прямолинейными ходами, а тончайшими приемами современного киноискусства, полностью отвечающими многозначной поэтике, сложной диалектике толстовского эпического повествования о жизни России, и обеспечили большой, многосерийной картине «Война и мир» невиданный, прямо-таки фантастический успех на экранах мира... Здесь-то и кроется, наверное, важнейший «секрет», характеризующий метод работы Бондарчука над Толстым. Думается, принципиальное, основополагающее значение этого метода, особенно при экранизации классических произведений русской и мировой литературы, несомненно...

Сергей Бондарчук — и актер и режиссер — выступает в кино как страстный поборник ленинского, глубинного понимания воспитательной роли искусства во всей нравственной, этической и эстетической жизни народа и еще шире — всего человечества.

Это особенно важно в наши дни, поскольку мир сегодня особенно широко и свободно обменивается своими духовными ценностями. Советские киноработы Сергея Бондарчука, художника-коммуниста, именно и выступают перед миром как живая душа страны, строящей коммунизм...

Высота идейных взглядов и творческих устремлений зрелого художника, неустанная работа мысли, всесторонне проникающей в исторические закономерности жизни и борьбы, определяют значение новой работы Бондарчука над фильмом «Ватерлоо», который по размаху своему, это можно с уверенностью сказать, сравняется даже и с «Войной и миром»... Причем «размах», конечно, не подразумевает ни количества кинозвезд мира, участвующих в съемках, ни численности массовок и т. д... Имеется в виду тот богатырский творческий размах, который свойствен работе Сергея Бондарчука в его сегодняшнем — и завтрашнем! — кино.

УЖИН В САН-АНТОНИО

Б. СТРЕЛЬНИКОВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ

С мистером Ричардом Гартвигом мы познакомились случайно в редакции газеты, куда заехали, чтобы спросить дорогу до старинной крепости Аламо. Это случилось в большом техасском городе Сан-Антонио. Оказалось, что крепость находится всего в нескольких кварталах от редакции. Репортер отдела городских новостей подвел нас к открытому окну, чтобы показать, как нам ехать. И вот, когда мы внимательно следили за движениями его указательного пальца, раздался трубный глас:

— Хорошенькое дело! Два дня меня не было в городе, и вот уже по редакции разгуливают коммунисты из Москвы.

Это и был мистер Гартвиг.

— Пора, пора объясниться,— решительно потребовал он.— Пройдемте со мной в кабинет обозревателя. Там свободно.

— Кто этот грозный господин? — шепотом спросили мы у репортера.— Редактор газеты?

— Нет, мистер Гартвиг входит в руководство республиканской партии одного из графств штата,— ответил он.

Мы пожали плечами. С руководством республиканской партии у нас не было никаких трений или проблем, требующих немедленного обсуждения.

— Простите, но у нас дела. Мы забежали сюда всего на минутку.

— Ничего, ничего, это не займет много времени,— гремел мистер Гартвиг, распахивая дверь и подталкивая нас в кабинет.— Мы быстро найдем общий язык. Меня удивляет, что наши крупные шишки в Вашингтоне не умеют говорить с коммунистами. Коммунистов не нужно пугать. Не нужно с ними ругаться. Их надо спокойно обращать в капиталистическую веру. Хотите, я вам в трех словах объясню, что такое капитализм?

— Разве уж только в трех словах...

Мистер Гартвиг плюхнулся в кресло, достал сигареты.

— Вы, как я слышал, уже почти целый месяц путешествуете по Соединенным Штатам,— начал он, затягиваясь.— И вы, конечно, убедились, что Америка — свободная, демократическая страна, открытая для всех. Это у вас в России сплошные секреты: ничего не показывают и никуда не пускают. А у нас в Штатах вы могли побывать всюду, где вам хотелось. Скажете, что это не так?

— Скажем, что не так,— ответили мы. Один из нас вынул из папки большую карту Америки и расстелил ее на столе перед мистером Гартвигом.

Это была необычная карта. Черным карандашом на ней были заштрихованы огромные куски американской территории. В черные квадраты и прямоугольники попали и Балтимор, и Кливленд, и город сталелитейщиков Питсбург...

— Видите эти безобразные пятна? — спросили мы у собеседника.— Так вот, в этих обширных районах нам строжайше запрещено появляться. В Техасе мы, например, не имеем права поехать в Хьюстон и Даллас...

— Да кто вам об этом сказал! — воскликнул мистер Гартвиг. В его глазах сверкнул благородный гнев.

— Нам сказали об этом в Вашингтоне, в государственном департаменте.

Мистер Гартвиг принялся молча шарить по карманам, разыскивая спички.

— Представьте, я не знал об этом,— сказал он после тоскливой паузы.— Очевидно, такие меры продиктованы особыми соображениями. Но это не меняет существа дела. Есть немало других фактов. Вы, конечно, слышали, что под Сан-Антонио расположены крупные военные базы?

— Да, слышали.

— Так вот, я хочу свозить вас на одну из них.

— Вы имеете на этот счет полномочия от командующего базой?

— Нет, не имею. Но я думаю, что нас пропустят.

— На этот раз вам придется осмотреть базу одному. Мы не любим являться куда-либо без приглашений. И вообще нам пора идти. Вместо трех минут мы сидим здесь уже полчаса.

— Хорошо, идите,— смилостивился мистер Гартвиг.— Но при одном условии. Вечером продолжим разговор у меня дома. Вы посмотрите, как живет средний американец, и вообще узнаете много интересного.

Он вручил нам свою визитную карточку. «Ричард Д. Гартвиг. Агентство по рекламе и объявлениям». Жил он неподалеку от мотеля, в котором мы остановились.

— Я жду вас в шесть часов,— сказал мистер Гартвиг.— Вы, надеюсь, не потеряете аппетита, если на ужин будет подана капиталистическая свинья?

Он громко рассмеялся своей шутке.

Мы вышли на улицу и поспешили к стоянке, где оставили свою машину.

Навьюченные ослики семенили нам навстречу, старики мексиканцы, опустив головы на грудь, не шевелясь, сидели в тени невысоких глиняных стен, босая девочка-подросток с тре-

мя нитками бус на загорелой шее несла куда-то рыжего петуха, может быть, на тот шумный, звенящий, поющий базар, который раскинулся под самым боком у ветхой испанской церквушки, построенной два с половиной века тому назад.

Окаменевшее время уснуло в развалинах монастыря Сан Хозе де Сан Мигуэль де Агуайо. Летучие мыши черными комками прилепились к замшелым стенам древней водяной мельницы. Колючие кактусы почти скрыли от глаз каменную кладку колодца. Когда-то от этого колодца начиналась дорога к испанскому форпосту Сан-Антонио де Валеро, впоследствии переименованному в крепость Аламо. Здесь в 1718 году и возник мексиканский город, названный в честь святого Антонио.

Сейчас Аламо — святыня и гордость Техаса. Кондиционированный воздух и электрический свет, которым залита крепость, мешают воображению. Мы потрогали руками шершавую каменную стену. Стена была холодна и пахла сыростью, как в ту мартовскую ночь 1836 года, когда несколько десятков стрелков (все, что осталось от отряда американцев-колонистов, захвативших Сан-Антонио) приготовились к последнему бою.

— Это были самые отчаянные авантюристы, которых когда-либо видел свет. Смелые, решительные и упрямые, как черти,— сказал нам пожилой турист-американец, заметив, что мы разглядываем тусклые портреты последних защитников крепости.

И будто из другого измерения мы услышали хриплый голос и соленые шутки Дэви Крокета — лесного бродяги, отпетого скандалиста, поэта и конгрессмена из штата Теннесси. Он стоял у костра, разложенного на каменном крепостном полу, и опирался на свою старую длинноствольную «бетси», легендарную винтовку, из которой он без промаха поражал бизонов, горных медведей и индейцев из племени крик. На голове Крокета была шапка из енота. Пушистый хвост, опускаясь на плечо, щекотал обветренную щеку старого охотника.

С лежанки за Крокетом злыми глазами следил Джеймс Бови, работорговец из Луизианы, бежавший в Техас после убийства шерифа. У Бови только что кончился приступ малярии, ему было жарко, и он то и дело вытирал пожелтевшее лицо большим шелковым платком, подарком его последней жены,— доны Хуаны Мартины де Верамендн, дочери мексиканского вице-губернатора.

Дэви Крокет не закончил рассказа о забавном эпизоде из своей жизни: о том, как он однажды пытался стать благочестивым фермером в родном штате Теннесси. Страшный взрыв потряс крепость, и сквозь дым и пыль в пролом хлынули солдаты мексиканского генерала Антонио Лопес де Санта Анны.

Защитники крепости пали все до одного. Но через шесть недель американцы под командованием Сэма Хьюстона разбили мексиканскую армию у реки Сан-Хасинто, захватив в плен генерала Санта Анну. Техас был отторгнут от Мексики. Американская экспансия на юг продолжалась...

С тех пор клич «Помни Аламо» надолго стал боевым кличем американской армии.

Осмотр галерей и бастионов крепости Аламо не занял у нас много времени. Мы вышли на уличную площадь через дверь, обрамленную четырьмя невысокими витыми колоннами. У травяного газона на фоне крепостных стен фотографировались дети. Толстый мексиканец, подкатив в тень пальмы тележку-плиту на мотоциклетных колесах, скликал желающих отведать «горячую собаку» — булочку, начиненную сосиской.

На перекрестке стоял большой рекламный плакат. Бравый солдат в каске и с автоматом улыбался прохожим.

«Твой флаг — твое будущее. Вступай в армию Соединенных Штатов. Тебя ожидает слава, путешествия и веселая жизнь»,— было написано на плакате.

Прохожие шли мимо, не отвечая на улыбку бравого солдата. Но вот у плаката остановился парень в рыжем комбинезоне. Он насвистывал какой-то веселый мотивчик. Парень постоял, пошел было прочь, потом снова вернулся к плакату.

— Тебя ожидает слава, путешествия и веселая жизнь,— прочел он вслух. Видимо, он прикидывал, стоит ли ради веселой жизни путешествовать во Вьетнам и подставлять там голову под пули. Тем более, что «веселую жизнь» можно было найти и здесь, рядом со старинной крепостью Аламо.

Мы зашли в бар, чтобы пропустить по бокалу знаменитого техасского пива «Одинокая звезда». В баре царил полумрак. В центре зала на столе между двумя декоративными колоннами стояла молоденькая девушка. Зеленые электрические лампочки, светясь вполнакала, отбрасывали на нее мертвенно-бледный свет. На девушке не было никаких одежд, если не считать нескольких квадратных сантиметров блестящей ткани на бедрах.

На обнаженную девушку никто не обращал внимания. У окна за батареей бутылок сидели два морских пехотинца. Один клевал носом, другой часто вскакивал и, цепляясь за стулья, убегал в туалет. Четверо рабочих-негров играли в карты. Бедно одетый старик поднял кем-то брошенный на пол журнал и разглядывал фотографии.

Но вот в пивную ввалилась шумная ватага подростков. Мальчишки уселись вокруг стола, на котором стояла девушка. Веснушчатый паренек сунул в щелку музыкального ящика двадцатипятицентовую монету. Ударили трещотки, вздохнул тромбон, раздались звуки саксофона. Девушка начала танцевать. Впрочем, танцем это назвать было нельзя, так это было неприлично. При этом она медленно поворачивалась, давая возможность разглядеть ее со всех сторон.

Мальчишки заерзали на стульях.

— Двигайся живее, а то замерзнешь!— крикнул паренек, который бегал запускать музыкальный ящик.

Старик захохотал. Морской пехотинец, клевавший до этого носом, проснулся и потребовал пива. Негры-рабочие расплатились, собрали карты и ушли.

Пластинка кончилась, и девушка, тяжело дыша, снова облокотилась о колонну. Морской пехотинец, возвращаясь из уборной, подошел к ней и что-то вполголоса сказал.

— Я же на работе,— громко ответила девушка.

Пехотинец выругался и, пошатываясь, вернулся на место.

Музыкальный ящик молчал. У мальчишек, наверное, не было больше денег. Они оглядывались по сторонам в надежде, что кто-нибудь из посетителей заплатит за музыку.

Из-за стойки вышел бармен.

— Цыплята,— презрительно бросил он мальчишкам и достал четвертак из кармана белого фартука.

Музыкальный ящик весело затарахтел, и девушка снова начала дергаться, как заведенная кукла. В глазах ее была тоска.

Мы вернулись в мотель. Часы уже показывали половину шестого, и надо было торопиться к мистеру Гартвигу, который рассчитывал обратить нас в капиталистическую веру.

За мотелем начиналась огромная асфальтированная площадка, на которой стояли трейлеры — домики на колесах — мечта пенсионеров, молодоженов и путешественников. Домик поменьше может буксировать легковой автомобиль. Для домиков покрупнее надо нанимать грузовик.

Мы зашли в один из домиков. Там уже бродила пожилая пара. Она — с аккуратно завитыми фиолетовыми волосами (итоги борьбы химии с сединой), с подведенными губами, в больших роговых очках. Он — в рубахе навыпуск, седой ежик на голове, руки большие, рабочие. Они уже обошли все три комнаты, ощупали кухню, заглянули в санузел и душ. За толстыми стеклами ее очков прыгали веселые зайчики. Она уже представляла, как они мчатся по бесконечным американским дорогам и останавливаются там, где пожелает душа: в лесу, в горах, у реки, на лазурном океанском берегу. Разумеется, на специальных площадках, отведенных для таких вот мобильных домиков. Механики быстро подключают к их домику холодную и горячую воду, канализационную кишку, электричество, телефон, ставят баллоны с газом для кухни. Все это за плату, конечно. Отдельно, разумеется, плата за стоянку.

— Гарри,— простонала она в восторге, прильнув к плечу мужа.— Гарри, какая прелесть!

Судя по всему, Гарри не разделял ее оптимизма. Губы его беззвучно шевелились. Он что-то подсчитывал в уме.

Продавец, сделав стойку, как гончая, почуявшая дичь, замер рядом. Когда старик кончил шевелить губами, продавец сделал легкий шажок ему навстречу.

— В таком домике можно жить постоянно,— подкинул он Гарри еще одну тему для размышлений.— И вы знаете, многие живут. Не мне вам говорить, как дорого стало сейчас жилье. Плата за квартиры растет с каждым годом.

Продавец целился в супруга, а попал в супругу.

— Гарри,— снова застонала она.— Хозяин уже предупредил нас о новом повышении квартплаты. Ты же не забыл этого?

Старик снова беззвучно зашевелил губами.

Теперь продавец атаковал супругу:

— Да, мэм, именно люди в годах и со скромными сбережениями покупают наши домики. Возникли уже целые поселки мобильных домиков. Уже даже есть стандарты: три тысячи пятьсот квадратных футов земли для каждого домика, общая площадка с качелями и горками для детей, электрическое освещение улиц поселка по ночам за счет владельца стоянки. Вы знаете, мэм, теперь многие трейлеры делают всего один пробег: от завода до своей постоянной площадки.

Супруги уединились на кухне. Оттуда доносился то ее стон «О, Гарри!», то его сердитое кудахтанье, в котором можно было разобрать отдельные слова и фразы: «долларов»., «сколько осталось жить»., «что мы будем делать потом»., «давай подумаем».

Решив, что эта дичь уже обложена и вот-вот сама выпорхнет на него, продавец обратил свои честные очи на нас.

— Скажите,— спросили мы,— а можно ли зимовать в таком домике, скажем, в северных штатах?

— М-м-м,— замычал продавец,— вряд ли. Но в нашей округе в таких домах уже живут свыше пятидесяти тысяч человек.

— Но у владельцев мобильных домиков есть одно бесспорное преимущество: если попались плохие соседи, то можно переехать вместе с домом на другой конец поселка.

— О, это превосходная мысль,— оживился продавец.— Надо использовать ее в нашей рекламе...

Улицу, на которой обитал мистер Гартвиг, мы отыскали без особых трудов. Отыскали и одноэтажный домик, сложенный из красного кирпича. На одном из окон была наклеена белая звездочка. Это означало, что один из членов семьи находится на фронте. Перед дверью расстилался травяной газон величиною с крышку письменного стола.

Мы позвонили. На пороге появился мистер Гартвиг. Он был в матерчатых туфлях и домашней куртке.

— А я не очень-то надеялся, что вы придете,— воскликнул он.— Вам ведь запрещают заводить личные знакомства с иностранцами.

— Не волнуйтесь. Нам только что удалось связаться с Москвой и согласовать этот визит.

Мистер Гартвиг не почувствовал в наших словах иронии. Тут же, на крыльце, он произнес речь в защиту свободы и демократии.

— Американцы чувствуют себя совершенно свободными от всех условностей, которые довлеют над вами,— закончил он.

— Особенно свободной от всех условностей, надо полагать, чувствовала себя девица, которую только что мы видели в пивной.

— Вы имеете в виду «Гоу, гоу, герл»? — уточнил мистер Гартвиг.— Вам, советским, не привычны такие развлечения?

— Речь идет не о развлечениях, а о девушке. Ведь она тоже человек...

— Ей платят деньги. Раз в Америке за что-нибудь платят деньги, значит, это — стоящее дело. К тому же молодым девушкам часто нравится, когда мужчины смотрят на них жадными глазами.

— А вы бы разрешили своей дочери заниматься этим стоящим делом?

Мистер Гартвиг осекся.

— Ричи! — донесся из комнаты женский голос.— Чего же ты держишь гостей на крыльце?

— Да, да, проходите, джентльмены!— засуетился мистер Гартвиг.

В углу комнаты сидела маленькая, худенькая женщина лет сорока пяти и вязала. Над ее головой висела клетка с оранжевым попугаем. Увидя нас, птица нахохлилась, зашуршала крыльями и сказала:

— З-зз-дравствуйте! Все идет, к-кк-ак н-нн-ужно!

Мистер Гартвиг почему-то первым делом представил нам не жену, а попугая.

— Замечательная птица,— сказал он, просовывая палец в клетку.— Я купил ее по случаю у одного спившегося матроса, который к тому же был еще и заикой. Он, как видите, слегка попортил товар. Птица нуждается в лечении.

— А как ее лечить?

— В Америке это просто. В Америке есть логопеды, которые выправляют речь даже попугаям. Надо как-нибудь этим заняться.

Помимо попугая, в комнате не было других достопримечательностей. Комната служила одновременно столовой, гостиной и кухней. Вдоль дальней стены расположились газовая плита, холодильник и агрегат для мытья посуды. На низком журнальном столике в красивой рамке стоял портрет молодого капрала.

— Мой сын. Воюет во Вьетнаме. Я с гордостью наклеил звездочку на окно. Пусть все

видят, что я воспитал патриота,— понесло опять мистера Гартвига.— Да, господа, мы отстаиваем свободу, любую свободу, кроме свободы разрушить эту свободу.

Он замолчал и посмотрел на нас, словно спрашивая: «Как здорово я излагаю! Не правда ли?»

— Америка — великая страна,— начал он декламировать снова.— Америка производит товаров больше, чем ей самой нужно, и должна иметь рынки в других странах. Нас хотят лишить этих рынков, и мы вынуждены отстаивать свое право на свободную торговлю любыми средствами, вплоть до штыка.

— Вы хорошо формулируете империалистическую политику.

— Ричи, ты не умеешь разговаривать с людьми спокойно,— укоризненно бросила миссис Гартвиг.— Прошу вас, господа, к столу.

— Конечно, присаживайтесь, джентльмены,— засуетился мистер Гартвиг.— Мы находимся на бывшей территории Мексики, поэтому я решил угостить вас мексиканскими блюдами. Боюсь только, не будут ли они слишком обильными для ваших неподготовленных желудков.

Из уважения к хозяйке мы промолчали. По нашим московским понятиям стол был накрыт без излишней роскоши. Больше того, мы смеем утверждать, что он показался нам весьма скромным. В большой глиняной тарелке лежала обещанная капиталистическая свинья. Не целая, конечно, а в какой-то своей сотой части. Свинина шла в сопровождении отварного риса и фасоли под красным соусом. Стол украшала пузатая бутыль дешевого калифорнийского вина. Бутылку московской водки, которую мы принесли с собой, хозяин поспешно убрал в шкаф.

Едва мы сели за стол, как мистер Гартвиг подскочил и с возгласом: «Чуть не забыл!» — убежал во внутренний дворик. Он вернулся, неся сухую ветку, на которой висели маленькие багровые стручки.

— Это мексиканский перец,— пояснил он.— Ароматная вещь. Попробуйте.

Мы храбро откусили по кусочку багрового перца, и у нас сперло дыхание. Казалось, мы положили в рот по кусочку напалма. Вспотевшие, с раскрытыми ртами, мы сидели перед смеющимся хозяином дома и не могли произнести ни слова.

Демонстрируя свое превосходство перед нами, мистер Гартвиг с удовольствием разжевал два стручка.

— З-зз-дравствуйте! В-вв-се у нас идет, как н-нн-ужно! — гаркнул попугай.

— Вот именно! — хохотнул хозяин.

Оценив поддержку птицы, он стал развивать перед нами мысль о том, что капиталистическую систему в самом ближайшем будущем ждет небывалое процветание.

— И мы не потерпим, чтобы ваш коллективизм мешал нашему свободному предпринимательству,— пригрозил он нам.

— К слову, а как процветает ваше «Агентство по рекламе и объявлениям»?

— Какое у него агентство! Только название,— вздохнула миссис Гартвиг.— Ричи работает один. Что-то рисует, если есть заказы, что-то пишет. А ведь нам ежегодно тысячу сто долларов надо вносить в университет за младшего сына. Так хочется, чтобы Стиви получил образование! За дом рассрочку еще не выплатили. И за машину еще платить два года. Конечно, Ричи мог бы зарабатывать и больше, если б не увлекался политикой...

Миссис Гартвиг даже перестала есть от огорчения. Чувствовалось, что под этой крышей ей живется куда сложнее, чем мужу.

— А мы-то думали, что мистер Гартвиг владеет крупным состоянием. Ведь он так яростно защищает капитализм.

— Нет, я не капиталист, хотя и купил коекакие акции,— сказал мистер Гартвиг уже без прежнего апломба.— Я средний американец и дорожу тем стандартом жизни, который имею.

Миссис Гартвиг вышла из-за стола и снова взялась за свои спицы.

— Если бы я кое-что не подрабатывала, то нам бы пришлось совсем туго,— сказала она.

Владелец однокомплектного «Агентства по рекламам и объявлениям» сердито взглянул на супругу и в сердцах разжевал еще один стручок перца.

— Женам всегда чего-то не хватает,— пробурчал он, утирая рот салфеткой.— А я довольствуюсь тем, что дает мне бог. Кстати,— обратился он к нам,— почему вы всех своих баптистов отправили в Сибирь?

— В Сибирь? Да откуда вы это взяли? Баптисты живут где хотят, свободно молятся в своих молельных домах.

— Ты слышишь, Кэтрин, что они тут говорят? — спросил мистер Гартвиг, поворачиваясь к жене. В его голосе улавливалась растерянность.

— А зачем им обманывать тебя, Ричи?— ответила женщина.— Значит, у них баптистов и в самом деле не сослали в Сибирь. Почему же они должны ссылать их в Сибирь? Какой им от этого прок?

— Странно,— промолвил мистер Гартвиг.— А я всегда рассказываю о гонениях на баптистов, когда выступаю с лекциями о России.

— Вам случалось бывать в СССР?

— Нет, не случалось. Но я активист партии. Мне поручено вести работу среди здешних мексиканцев, чтобы они голосовали на выборах за наших кандидатов. Меня снабжают нужной литературой.

— А что вы еще рассказываете в своих лекциях о нашей стране?

— Все, что знаю. Все, что я читал в газетах и в той литературе, которой меня снабжают. Кроме того, я всегда привожу такой факт из американской жизни. У нашей семьи есть знакомая. Совсем девчонкой она бросила школу, выскочила замуж. А потом уже взрослой, имея трех детей, закончила образование, получила специальность. Разве у вас может быть такое?

— Представьте себе, может,— ответили мы.— Заочное и вечернее образование приобрело у нас очень широкий размах. Оно охватывает миллионы людей. Причем учение им ни копейки не стоит.

Мистер Гартвиг опять обернулся к жене:

— Ты слышишь, Кэтрин, что они мне рассказывают?

— Слышу. Наверное, они лучше тебя знают, что происходит у них дома.

Если говорить честно, мистер Гартвиг, этот неудачливый оформитель, мечтающий стать капиталистом, сперва нас очень раздражал. Но постепенно нам его стало жалко. Жалко, как ту девочку, которую наняли раздеваться и дергаться перед всеми в прокуренном кабаке.

Не будем ломать голову над вопросом, типичный или не типичный он американец. Он и не типичный, потому что многие ли жители Сан-Антонио стоят в руководстве местного комитета республиканской партии? Он и типичный, ибо его представления о Советском Союзе, о коммунизме присущи, к сожалению, многим американцам.

Мы сидели в доме мистера Гартвига до поздней ночи. Добрая, рассудительная Кэтрин, извинившись, уже ушла спать, а мы все еще, как ребенку, объясняли нашему хозяину, что у нас в стране бесплатная медицинская помощь.

— Как так? — удивлялся он.— Ну, а если у меня в России заболит зуб?

— Пойдите к зубному врачу, он вам его вылечит.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

— Но ведь так не бывает. Значит, кто-то заплатит за меня.

— Заплатит Советское государство.

— А вы знаете, сколько стоит поставить одну пломбу в Сан-Антонио? Двадцать пять долларов.

К полуночи мистер Гартвиг разжевал столько стручков перца, что теперь уже он сидел перед нами, раскрыв рот и вытирая со лба обильный пот. Все, что мы ему рассказывали, было для него открытием. И то, что маляр и художник у нас получают разную оплату за труд, а не единое жалованье, как он думал.

Мы оставили мистера Гартвига в большом смятении. Наверное, в его голове впервые шевельнулась мысль о том, что, может быть, дела в мире обстоят несколько иначе, чем ему представлялось.

— С этого вечера я не полностью отвергаю коммунизм,— признался мистер Гартвиг, когда мы прощались.— В коммунизме есть много хорошего.

— З-зз-дравствуйте! В-вв-се идет, как н-нн-ужно!— крикнул попугай, вертя своим великолепным хвостом.

— Замолчи ты, глупая птица! — разозлился хозяин.

Он был вконец раздосадован и озадачен...

Когда спустя месяц мы вернулись в Вашингтон, нас ждало там письмо от мистера Гартвига. Он писал:

«Дорогие Борис и Илья! Мы с Кэтрин часто вспоминаем, как вы посетили нас, и мы надеемся, что мексиканское меню не было слишком острым для ваших советских желудков, которые, вероятно, привыкли к пище более скромной. Поскольку я ничего не слышал о вас после антикоммунистического интервью и проамериканского ужина в моем доме, я полагаю, что вы следующим утром уехали из Сан-Антонио.

После вашего отъезда со мной беседовал какой-то господин и расспрашивал подробности нашего с вами ужина. Этот джентльмен сказал, что он из газеты.

Когда вы снова будете в Сан-Антонио, считайте себя обязанными позвонить мне. Я бы хотел продолжить наш разговор. Если вы еще не попали на крючок американского образа жизни, то я зацеплю вас в следующий раз».

Судя по всему, мистер Гартвиг после беседы с упомянутым в письме господином вновь обрел энергию для того, чтобы еще раз попытаться обратить нас в капиталистическую веру...

Сан-Антонио, Техас.

ПОЭМА О ПОЭТЕ

Поэма Наби Хазри «Арзу» посвящена Сабиру — одному из величайших поэтов Азербайджана, любимцу нации, «азербайджанскому Некрасову», как его иногда называют.

Уже с самых первых строк своей поэмы Наби Хазри с четких классовых позиций приступает к решению темы «Поэт и народ»:

...Во дворах
Затихает и гомон и топот,
Словно каждый ребенок
Сейчас повзрослел,
Только листьев
Разносится шорох и шепот:
— Говорят, что Сабир тяжело заболел!
А на каждом углу
Каждый лавочник весел,
Словно выгодно сбыть свою рухлядь сумел:
— Мешади, ты не слышал?
Приятные вести!
Говорят, что Сабир тяжело заболел!

Итак, нам сразу ясно, какую различную реакцию вызывает весть о тяжелой болезни Сабира у разных слоев общества.

А из села Балаханы, где «мир склонен над чернотою скважин — блестит на черных спинах черный пот», десятилетний мальчик, одинокий, оборванный и босой, пробирается в далекую Шемаху. Глаза его полны слез, а губы шепчут заветное имя: «Сабир». И вот мальчуган добирается до окраины Баку. По дороге, что ведет в Шемаху, проезжают мимо мальчика важные господа. Но разве они помогут ему? И разве помогут ему владельцы лавок, где «шербет сбывают за гроши и нацией торгуют по дешевке»? И лишь бедный старик, проезжавший мимо на старой арбе, предлагает мальчику подвезти его. И мальчик рассказывает старику, чем стал в его короткой, но уже безмерно тяжелой жизни народный поэт, который в те минуты умирал в далекой Шемахе.

Сабир был не только учителем, но и воспитателем мальчика, которого вслед за учителем все окружающие стали называть «Арзу» — «Мечта». Сабир учил мальчика не только азбуке, но и вере в лучшее будущее, умению приближать это будущее, бороться за него. Не случайно Сабир дал мальчику это поэтическое имя.

— Арзу — в ночи горящая звезда,
Арзу — пора бессонного труда,
Арзу — стремленье сделать лучше мир...
Так говорил учитель мой, Сабир...

Наби Хазри выступает в этой поэме как большой мастер эпического жанра, умеющий сочетать глубокие поэтические обобщения с точной и зримой конкретностью деталей. Трогательная история мальчика Арзу, влюбленного в своего учителя и спешащего к нему на помощь, при всей ее индивидуальности носит и обобщенный характер. Взаимоотношения мальчика-сироты и Сабира как бы символизируют отношения великого поэта к трудовому народу и ответную любовь и признательность простых людей.

Последовательно и определенно Наби Хазри разоблачает своей поэмой миф о некоем абстрактном «национальном единстве», имеющий хождение среди некоторых горе-ниспровергателей марксизма и в наши дни. Марксистское положение о двух национальных культурах, четко разделенных водоразделом классовой позиции, пронизывает всю поэму «Арзу». Не случайно Наби Хазри в полном соответствии с исторической правдой вкладывает в уста умирающего Сабира вещее пророчество:

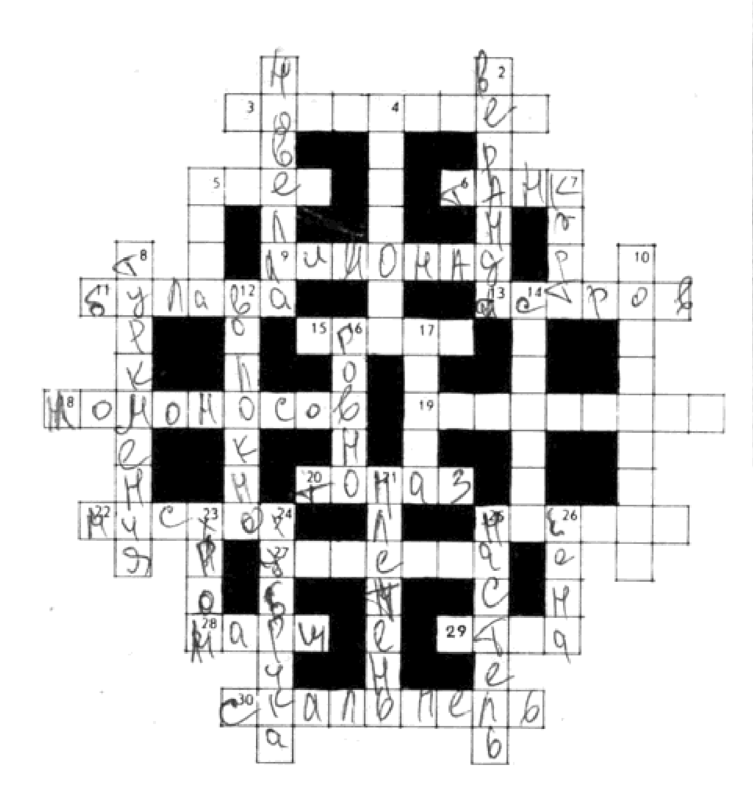
Я жил... я много горя испытал...
Семья была без хлеба и без крова...
А этот мир еще дороже стал,
Лишь остается жизнь одна дешевой.
Я, как с любимой,
Встречи с счастьем ждал...
Но здесь
Его веками зря искали...
И я сказал, что мой Азербайджан
Его найдет лишь в Интернационале!..

Арзу опоздал. Сабира уже не было в живых, когда мальчик и его спутники добрались до Шемахи. Арзу может теперь только принести луговые цветы на дорогую могилу. Но имя Сабира, подвиг его творчества, без остатка отданного народу, останутся в веках. И Арзу, в чью душу Сабир заронил семена надежды и веры в светлое будущее, склоняется над могилой учителя, как символ этого будущего, как символ бессмертия дел Сабира.

Поэма «Арзу», прекрасно переведенная на русский язык Анатолием Передреевым, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных произведений советской поэзии последних лет.

Юрий ВЛАДИМИРОВ

Наби Хазри. «Арзу». Поэма. Журнал «Октябрь» № 6, 1970.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Повесть Л. Н. Толстого. 5. Спутник Сатурна. 6. Боевая машина. 9. Прохладительный напиток. 11. Предмет для гимнастических упражнений. 13. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 15. Первая ступень гаммы. 18. Великий русский ученый и поэт. 19. Телескоп для фотографирования Солнца. 20. Драгоценный камень. 22. Курорт в Крыму. 25. Периодический подъем уровня океана. 27. Рыба семейства карповых. 28. Жанр строевой, военной музыки. 29. Действующий вулкан на острове Сицилия. 30. Медицинский инструмент.

По вертикали: 1. Небольшой рассказ. 2. Летняя пристройка к зданию. 4. Город в Ливии. 5. Приток Камы. 7. Площадка для игры в теннис. 8. Союзная республика. 10. Воевода нижегородского ополчения. 12. Непряденая нить. 14. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 16. Областной центр на Украине. 17. Силикатный расплав. 21. Изгородь из прутьев, ветвей. 23. Химический элемент. 24. Заголовок раздела. 25. Мягкие цветные карандаши. 26. Денежная единица Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 5. Кабардинка. 6. Лопасть. 9. Апрель. 11. Фрак. 12. Ракета. 16. Мопассан. 17. Сакмара. 19. Камчатка. 21. Эскадра. 22. «Прометей». 23. Кряква. 25. Феба. 27. Болеро. 28. Палитра. 30. Нахичевань.

По вертикали: 1. Щавель. 2. Фарлаф. 3. Дина. 4. Скутер. 7. Платина. 8. Пеламида. 10. Профессор. 13. Термометр. 14. «Барабан». 15. Осокорь. 18. Монреаль. 20. Чимкент. 24. Азамат. 26. Арагви. 27. Баланс. 29. Ирис.

На первой странице обложки: Автоматическая станция на Луне.

Рисунок художника-фантаста А. Соколова.

На последней странице обложки: У причала буровой, ведущей разведку в море. Месторождение Бахар.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/IX-70 г. А 00466. Подп. к печ. 29/IX-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2018. Тираж 2 100 000 экз. Заказ 2604.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В ожидании...

— Подари мне лунный камень!..

Хóры стройные светил...

Рисунки В. Черникова.

— И все же я докопаюсь до разгадок!..

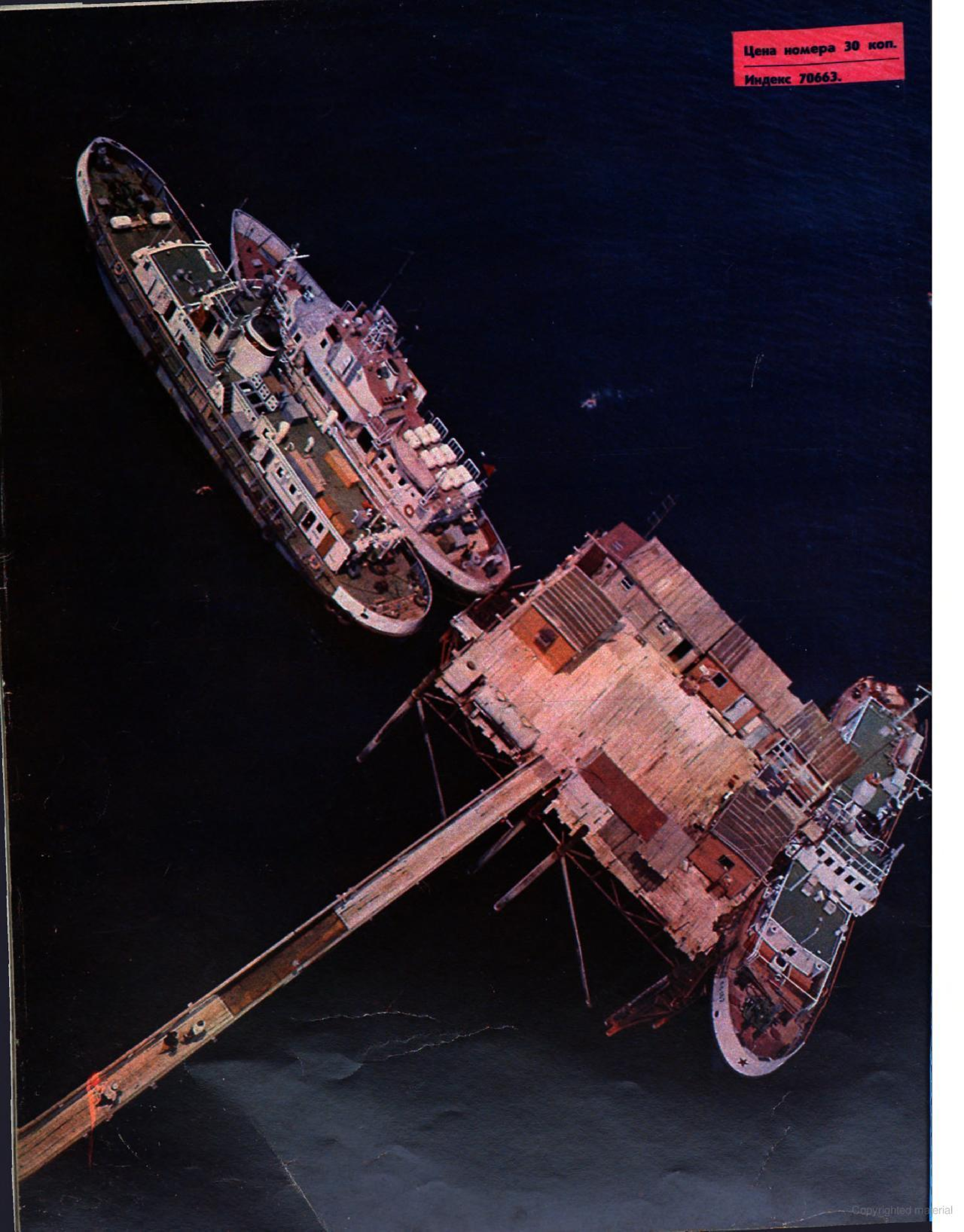

Полнолуние или... кругом шестнадцать.

— Плыви, мой челн, по воле радиоволн!..

— Поздравляем!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.